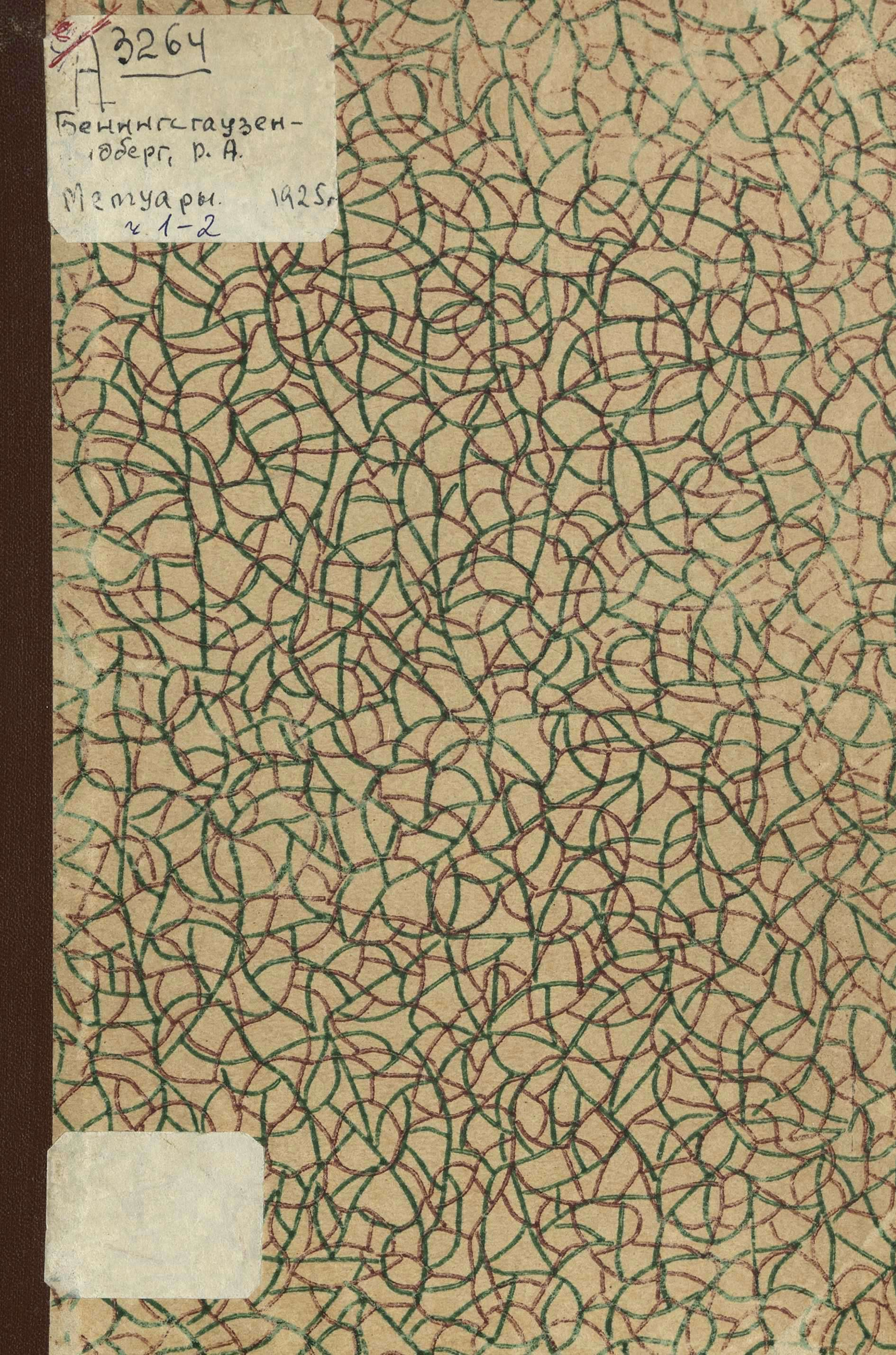
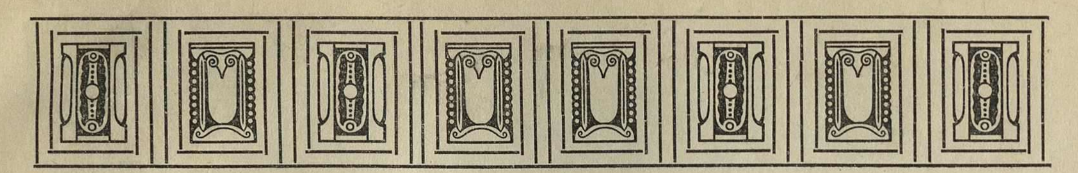

Д 3264
Беннигсгаузен-
юберг, Р. А.
Мемуары. 1925 г.
ч 1-2

МЕМУАРЫ

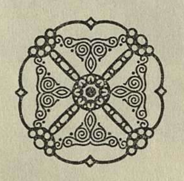
ХАРБИНЪ.
Американская Типографія.
1925.

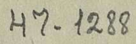

МЕМУАРЫ

Доктора-Медицины

Р. А. Барона Бенингсгаузенъ-Будбергъ.

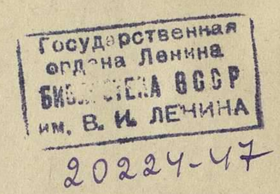

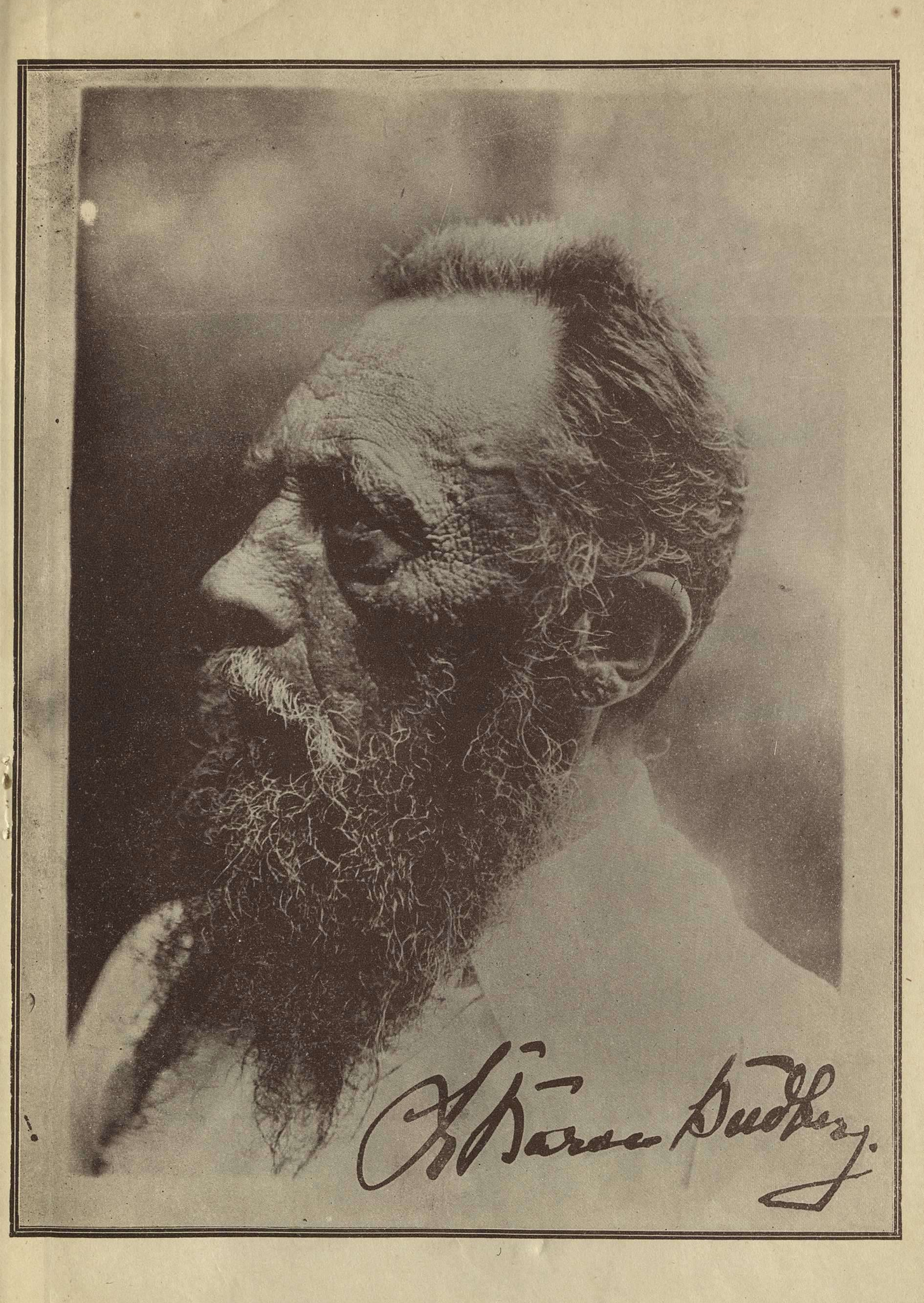

ХАРБИНЪ.
Американская Типографія.
1925.

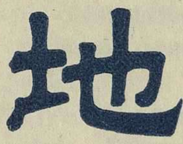
Посвящаю съ любовью памяти почившей
моей Матери

Александры Іосифовны

Баронессы Будбергъ,

урожденной Графини Анрепъ-Эльмптъ.

Fortiter in re suaviter
in modo.

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

Отъ издателя.

Авторъ, баронъ Рожеръ Александровичъ фонъ Беннинсгаузенъ-Будбергъ, принадлежитъ къ старѣйшему роду Прибалтійскаго края.

Около перваго тысячелѣтія его предки переселились изъ Вестфаліи, разбились на четыре линіи и, сроднившись съ новой родиной, уже больше не возвращались въ Германію. Часть ихъ потомковъ, отброшенныхъ судьбой въ великую Россійскую Имперію, совершенно обрусѣли. Они перемѣнили языкъ и религію и постепенно утратили родовыя связи съ основными линіями.

Къ ихъ числу авторъ не принадлежитъ. Онъ выросъ въ сплоченной семейной обстановкѣ, проникнутой духомъ ряда поколѣній, на основахъ традицій далекихъ рыцарскихъ временъ. Характерно выраженіе его бабушки графини Анренъ-Эльмптъ, когда молодой баронъ, исключенный изъ гимназіи вернулся подъ родной кровъ: „Ручаюсь, что онъ выйдетъ на путь святой истины, не въ стыдъ своимъ предкамъ, благородный и добрый, стремящійся къ одному свѣту“. И это ручательство онъ сохранилъ на всю жизнь, вмѣстѣ съ свѣтлымъ обликомъ графини, свято чтя изъ года въ годъ день ея смерти.

По окончаніи гимназіи долгіе годы въ университетѣ, въ Дерптѣ, сперва два года на юридическомъ факультетѣ, какъ дань желанію родныхъ, а затѣмъ медицинскомъ по личной склонности къ естественнымъ наукамъ. По окончаніи курса, работы тамъ же, для расширенія образованія, защита диссертаціи на степень доктора-медицины, экзаменъ на судебнаго врача, и, наконецъ, неожиданное назначеніе завѣдывать родовспомогательной университетской поли-клиникой, не по его прежней спеціальности.

Съ 1904 года жизнь автора повернулась въ другую сторону. Онъ былъ командированъ въ Особую Миссію Императрицы Маріи Феодоровны, какъ уполномоченный по организаціи перевозки больныхъ и раненныхъ въ Русско-Японскую войну по Амурской системѣ.

Уже здѣсь начались первыя испытанія, связанныя съ прямолинейной неспособностью характера примѣняться къ легкимъ взглядамъ на условности морали. Вызванный въ 1905 году въ Петербургъ, вмѣстѣ съ другими главноуполномоченными Краснаго Креста, онъ рѣзко разошелся съ княземъ Васильчиковымъ на почвѣ нѣкоторыхъ неумѣстныхъ распредѣленій денежныхъ суммъ по отчету. Въ результатѣ незаконное предложеніе явиться въ распоряженіе Главнаго Медицинскаго Инспектора, а затѣмъ приказаніе выѣхать на Дальній Востокъ. По совѣту генералъ-адьютанта Рихтера, онъ вынужденно принялъ назначеніе въ 4-й Сибирскій Стрѣлковый полкъ и выѣхалъ въ Харбинъ.

По дорогѣ его нагнала телеграмма съ распоряженіемъ Императрицы Маріи Феодоровны вернуться въ Петербургъ и спѣшно представить отчетъ. Но баронъ, возмущенный всѣмъ происшедшимъ, отказался, ссылаясь на обязанность, какъ военнослужащаго, ѣхать въ армію.

Послѣ этого онъ надолго потерялъ связь съ родиной, не получая даже писемъ, и въ Европейскую Россію больше не возвращался.

Передъ нами страницы его воспоминаній изъ харбинской жизни въ періодъ міровой войны и диктатуры адмирала Колчака.—Тяжелое время, и тяжелыя переживанія!

Читателю, не знакомому съ харбинской жизнью, а также съ личностью самого автора, быть можетъ и не все будетъ понятнымъ безъ нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ лично Рожеру Александровичу.

Баронъ Будбергъ исключительно своеобразенъ. Онъ не похожъ на другихъ людей, какъ по привычкамъ, такъ и по своей внутренней жизни. Живетъ онъ очень скромно и въ жизненныхъ потребностяхъ крайне ограниченъ и не требователенъ. Не признаетъ общественныхъ увеселеній, и никогда не бываетъ ни въ театрахъ, ни въ ресторанахъ и клубахъ, и вообще сторонится шумнаго общественнаго многолюдства. Очень доступенъ и радушенъ. Его день занятъ безпрерывной работой. Онъ или пишетъ, или занятъ научными работами, или лечитъ, или на службѣ. Внѣ общенія съ другими людьми у него ни одна минута не проходитъ безцѣльно. Въ немъ сходятся двѣ противуположности: мистическій созерцатель духовной жизни, мечтатель и реалистъ, по профессіи какъ врачъ и ученый. Искренно религіозный, съ христіанской основой воспитанія, онъ не признаетъ догмы вѣроисповѣданія, связаннаго съ соблюденіемъ внѣшней формы и ограниченнаго въ свободѣ проявленія мысли и чувства.

Строй духовной жизни его семьи, въ цѣломъ рядѣ поколѣній былъ проникнутъ полной вѣротерпимостью. Мужское поколѣніе было лютеранами, а женское получало воспитаніе въ католическихъ монастыряхъ и это не вносило въ семью ни малѣйшей духовной розни. Въ ихъ домѣ встрѣчались представители различныхъ вѣроисповѣданій: пасторы, ксендзы и православные священники принимались одинаково радушно. Это вытекало изъ свободы мысли, не насилованной съ ранняго дѣтства принципами узкой морали и служило показателемъ глубокой искренней религіозности, полной широкой терпимости.

Баронъ еще на родинѣ искалъ удовлетворенія въ христіанской религіи и готовился стать пасторомъ. Тамъ же онъ заинтересовался восточной духовной культурой, изучая талмудъ и состоя въ перепискѣ съ нѣсколькими раввинами. Параллельно съ религіознымъ мистицизмомъ, развивалась и склонность къ міру таинственному. Впечатлительный юноша чутко переживалъ разсказы и легенды изъ былыхъ рыцарскихъ преданій и семейной хроники. Онъ любилъ проводить время тамъ, и въ такой обстановкѣ, гдѣ, казалось бы, могли воплощатся его мечты. Цѣлыя ночи онъ проводилъ на развалинахъ старины, на кладбищахъ, въ могилахъ, и склепахъ и разгоряченное воображеніе улавливало въ шорохахъ и шумѣ склепа отголоски загробнаго міра, а тѣнь отъ дерева на кладбищѣ, въ лунную ночь, принимала осязательную форму видѣнія.

Пусть все это потомъ разрѣшалось самымъ прозаическимъ путемъ, но работа мысли уже получила направленіе и развивалась мечтательность, вмѣстѣ съ влеченіемъ къ отвлеченному таинственному міру.

Не вложилъ ли маленькую лепту и старый, набожный Ительманъ, о которомъ такъ тепло отзывается авторъ во второй части своихъ воспоминаний? Посѣщая бѣдную семью, юноша слушалъ толкованіе талмуда и разсказы изъ быта древнихъ евреевъ, а дочери Ительмана, въ другихъ разсказахъ увлекались прелестью природы и красотой иной, недоступной имъ жизни... Куда только онѣ обѣ не уносились въ своихъ грезахъ, слушая отца: —то въ замки богатыхъ людей, то въ дебри дремучихъ лѣсовъ.

Мистическія и мечтательныя черты характера автора, сохранились и въ зрѣлые годы, не измѣнили направленіе въ связи съ научной подготовкой и знакомствомъ съ культурой древняго Китая. Баронъ въ 1905 году былъ прикомандированъ къ арбяному транспорту около города Шай-ша-кай. Совершенно свободный отъ службы, онъ серьезно занялся изученіемъ китайской жизни, быта, обычаевъ и языка. Вскорѣ состоялся переводъ его въ 3-й Сибирскій Стрѣлковый полкъ. Генералъ Домбровскій разрѣшилъ ему жить внѣ полка и онъ поселился въ китайскомъ городѣ, совершенно изолированный отъ европейцевъ. Успѣхи изученія китайскаго языка пошли быстрымъ темпомъ, но вдругъ его снова стали требовать въ Петербургъ. Это было уже совершенно противъ желанія автора. Остаться помогъ случай—встрѣчи съ генераломъ Ивановымъ, который распросивъ о дѣлѣ, возмутился и, взявъ съ собой бумаги автора, разрѣшилъ, на свою отвѣтственность, остаться въ Маньчжуріи.

Подробно ознакомившись съ бытомъ и духовной жизнью китайцевъ, Баронъ искренно полюбилъ Китай и китайцевъ.

Онъ идеализируетъ эту страну, этотъ народъ и его культъ; онъ во всемъ видитъ слѣды старой глубокой культуры и согласуетъ христіанство съ тѣмъ древнѣ-китайскимъ міровоззрѣніемъ, которое отражается въ кофуціонизмѣ. Сроднившись съ духовной культурой, авторъ, какъ искреннѣйшій изъ людей, идетъ еще дальше—онъ устраиваетъ свою домашнюю жизнь по китайскому образцу и, наконецъ, въ 1907 году вступаетъ въ гражданскій бракъ съ китаянкой. Онъ пытается оформить бракъ оффиціально; тогда возникла цѣлая переписка съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, которое поставило непремѣннымъ условіемъ для благопріятнаго разрѣшенія—крещеніе жены и никакіе дальнѣйшіе протесты не помогли.

Авторъ человѣкъ справедливый и не поставитъ намъ въ упрекъ, если мы не согласимся съ его взглядами на оцѣнку отношенія общества и окружающихъ—къ его женитьбѣ. Въ тѣ времена на китайцевъ смотрѣли очень просто и только съ матеріальной стороны эксплоатаціи ихъ труда. Кромѣ отдѣльныхъ лицъ, никто не интересовался ихъ бытомъ и культурой. Баронъ, въ свою очередь, не интересовался европейскимъ обществомъ, не посѣщалъ общественныхъ мѣстъ и ограничивалъ свои связи узкимъ кругомъ симпатичныхъ ему людей. Слѣдовательно и перемена его взгляда съ западнаго на восточный укладъ семейной жизни, была не доступна широкому обществу и на лицо оставался только одинъ фактъ. Понятно, что гражданскій бракъ съ китаянкой культурнаго и воспитаннаго европейца, съ извѣстнымъ родовымъ

именемъ; вызвалъ критику и осужденіе, т. к. не было и другого фактора для оправданія этого брака: знатнаго происхожденія, богатства или образованія жены.

Окружающіе также не поняли, что именно Рожеръ Александровичъ искалъ въ бракѣ. Они, быть можетъ и невольно, внесли не мало тяжелыхъ минутъ въ его семейную жизнь, желая навязать женѣ, легко поддающейся вліянію, стремленіе къ внѣшней европейской обстановкѣ. Это къ ней не подходило и совершенно противорѣчило тому, отъ чего баронъ хотѣлъ отойти, такъ какъ онъ не любилъ дѣлать что нибудь на половину.

Семейная обстановка-это запретный уголокъ въ личной жизни каждаго человѣка. Но авторъ самъ ему отводитъ большое мѣсто въ воспоминаніяхъ. Въ короткихъ штрихахъ первой части онъ еще даетъ анализъ семейной обстановки, но вторая часть въ этой отрасли, носитъ отпечатокъ идеализаціи жены и какъ бы рисуетъ въ ней воспоминаніе его личныхъ идеаловъ.

Получается впечатлѣніе, что добрый и рыцарски благородный человѣкъ стремится опустить завѣсу передъ постороннимъ и съ чутко-развитымъ воображеніемъ дѣйствительно воплощаетъ передъ своимъ чувствомъ и взоромъ тѣ видѣнія, которыя онъ искалъ въ своихъ мечтахъ.

Въ 1907 году баронъ Будбергъ поступилъ на службу въ Общество Китайской Восточной желѣзной дороги, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, занялъ должность тюремнаго и санитарнаго городового врача. Здѣсь онъ отдался дѣлу беззавѣтно, забросилъ обширную доходную практику и цѣлыми днями просиживалъ надъ трупами, изучая каждую мелочь на мѣстѣ преступленія, изслѣдуя характеръ пораненій. Тутъ въ полной мѣрѣ проявился его двойственный складъ: сопоставляя и взвѣшивая каждую мелочь, какъ реалистъ — судебный врачъ, онъ вырисовывалъ, какъ мыслитель и мечтатель картину преступленія и выводилъ заключенія о вѣроятіяхъ, часто сразу попадая на вѣрный слѣдъ.

Вновь проявилась любовь къ таинственному, но уже со стремленіемъ найти обоснованную причину явленій въ связи съ неизслѣдованными силами природы. Снова цѣлыя ночи проводилъ онъ на мѣстахъ казней и звѣрскихъ преступленій, а мысль все дальше и дальше удалялась отъ реальной жизни и искала отвѣта въ отвлеченномъ мірѣ.

Маньчжурія, или въ частности Харбинъ, поглощающій большую часть жизни Полосы Отчужденія, — это не Россія. Сюда мало кто ѣдетъ съ желаніемъ найти прочный пріютъ. Здѣсь или ищутъ скораго обогащенія, обезпеченной жизни, или — стремятся составить быструю карьеру. Общество разноплеменное и разношерстное, сплоченности — мало, а интригъ — много. Есть достаточно и такого элемента, которому на родинѣ показалось тѣсно отъ сосѣдства съ ревнивымъ закономъ. Въ мысляхъ у громаднаго большинства было желаніе поскорѣе вернуться домой съ обезпеченнымъ будущимъ. И въ Россіи, какъ говорится „принимали"... но съ опаской, поглядывали по сторонамъ, а здѣсь — ужъ по просту „драли", памятуя, добрую русскую поговорку: „до Бога — высоко, до Царя — далеко".

Баронъ постоянно боролся съ какой нибудь неправдой, и если что-нибудь отстаивалъ, то отстаивалъ до послѣдней возможности, рискуя всѣмъ своимъ благополучіемъ и наживая вліятельныхъ и опасныхъ враговъ.

Сроднившись съ Китаемъ, онъ не могъ легко смотрѣть на свободное существованіе притоновъ съ наркотиками: опіемъ, морфіемъ и на прибыльную торговлю этимъ зломъ, истощавшимъ морально и физически симпатичный ему народъ. Но здѣсь ему пришлось столкнуться не только съ опіеторговцами, но и съ частью администраціи, у которой онъ вырвалъ обезпеченный доходъ. Какъ его предки-рыцари внѣдряли мечемъ принципы христіанской морали среди языческих племенъ, такъ и онъ съ прямолинейной страстностью мечталъ вызвать чувство гуманности и законности, у тѣхъ кто этого совершенно не желалъ. Онъ боролся и словомъ, и донесеніями и при помощи столичной печати; но пріобрѣлъ только массу враговъ и нелѣпое обвиненіе въ той же самой торговлѣ, на борьбу съ которой тратилъ свои послѣднія силы.

Своей безкорыстной дѣятельностью на пользу неимущаго китайскаго населенія, баронъ Будбергъ сталъ настолько извѣстнымъ, что свѣдѣнія о немъ достигли Пекина, и онъ удостоился получить отъ китайской Императрицы высшій орденъ, который былъ ему врученъ не обыкновеннымъ путемъ черезъ Россійское консульство, а лично Даотаемъ Альфредомъ — Ши, теперешнимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ Харбинѣ авторъ и самъ занимался коммерціей имѣя свой пароходъ, но она, при свойствахъ его характера, могла принять только своеобразный видъ: онъ работалъ и платилъ, а доходы собирали въ свою пользу другіе. Исключительно щепетильный въ денежныхъ дѣлахъ, онъ не могъ допустить и мысли, чтобы денежная отвѣтственность легла на его компаньона или служащаго, хотя бы тѣ его завѣдомо эксплоатировали и ихъ работа приносила одинъ убытокъ. Онъ постоянно покрывалъ чужую недобросовѣстность изъ своихъ личныхъ средствъ, и мѣтко охарактеризовалъ своего послѣдняго капитана парохода Шпека, безсовѣстно его обобравшаго; но однако это не помѣшало Шпеку до послѣдняго дня оставаться на мѣстѣ и въ послѣднюю минуту, на глазахъ у хозяина присвоить стальной буксиръ. Его знакомые пріѣхали съ линіи на 2 дня въ Харбинъ. Ихъ радушно встрѣтилъ баронъ, предложилъ остановиться въ своей квартирѣ и даже уступилъ свою спальню, лучшую комнату въ домѣ. Визитъ вмѣсто 2-хъ дней затянулся только..... на 4 года и Рожеръ Александровичъ даже стѣснялся намекнуть, что уже пора прекратить слишкомъ стѣснительную безцеремонность.

Въ немъ есть еще одна черта: онъ готовъ помочь каждому, кто только къ нему обращается и совершенно не разбирается въ тѣхъ людяхъ, кому помогаетъ. Сегодня онъ устраиваетъ на мѣсто Эструпа, который оказывается завѣдомымъ аферистомъ, а завтра безплатно лечитъ Челофигу, къ которой чувствуетъ глубокую антипатію и которую не слѣдовало пускать на порогъ дома. Даетъ продолжительное время читать газеты Кегелю, котораго очень мало знаетъ. Въ результатѣ оказывается: Эструпъ старается отплатить гнуснымъ доносомъ, а Челофига — афишируетъ своимъ знакомствомъ, идя къ удивленію прохожихъ, назойливо рядомъ съ барономъ, который, глубоко возмущенный этимъ въ душѣ, не можетъ оказаться не деликатнымъ и сказать ей „отвяжитесь отъ меня". Единственный случайный заѣздъ въ домъ Кегеля, во время такой же случайной поѣздки, обращается въ цѣлое дѣло съ тяжелымъ обвиненіемъ.

Какъ тюремный и судебный врачъ онъ зналъ весь преступный міръ Харбина, но по душевнымъ свойствамъ характера, искалъ въ каждомъ человѣкѣ, какъ онъ самъ, выражается, крупицу того существа, которое сотворено по Божьему подобію и шелъ навстрѣчу доброму порыву, но разбираться въ людяхъ — не умѣлъ.

Наступило лѣто 1914 года. Разразилась война съ Германіей. Сотни лѣтъ эти два народа жили въ мирномъ содружествѣ и вдругъ стали врагами. Въ Россіи нѣмцевъ, русскихъ гражданъ, было сотни тысячъ, а еще больше русскихъ съ нѣмецкими фамиліями, давно утратившихъ не только свою національность, но и языкъ вмѣстѣ съ религіей. Прокатилась волна патріотическаго подъема и вмѣстѣ съ тѣмъ выросли подозрѣніе и вражда къ тѣмъ, съ кѣмъ еще нѣсколько дней тому назадъ дружно жили рядомъ. На нѣмецкія фамиліи косились и многіе отказались отъ своего имени въ восторженномъ порывѣ патріотизма. Появились новые Григорьевы, Лѣсниковы, Николаевы, и тому подобные „истинно-русскіе“ люди, которые не нашли свободнаго времени сдѣлать это до войны!

Отъ общаго возбужденія не отсталъ и Харбинъ за 9000 верстъ отъ фронта. Но здѣсь, какъ вообще во всемъ, модное направленіе принимало часто уродливыя формы. Въ Россіи, забывъ, что въ рядахъ русской арміи честно сражаются противъ своихъ одноплеменниковъ десятки тысячъ нѣмцевъ; начали всюду искать измѣну. Сейчасъ же откликъ нашелся въ Харбинѣ. Развилась манія повсюду видѣть шпіоновъ и работу германскихъ агентовъ. Посыпались доносы, послѣдовали гласныя и негласныя разслѣдованія, какъ въ Харбинѣ, такъ и на линіи желѣзной дороги. Не оставили въ покоѣ даже мирную тайгу. Заявлялись съ допросами къ людямъ, у которыхъ нѣмецкаго было только имя, а затѣмъ сами допрашивавшіе въ недоумѣніи разводили руками. Сказался дѣловой тонъ мѣстной власти — огромная доза честолюбія при возможности пустить пыль въ глаза громкимъ дѣломъ на модной подкладкѣ.

Баронъ Будбергъ никогда не скрывалъ, что онъ нѣмецъ по крови и, по врожденной прямотѣ характера, часто подчеркивалъ свой взглядъ на преимущество нѣмецкаго воспитанія и образованія. Не признавая компромиссовъ съ совѣстью, онъ не могъ отказаться отъ этого взгляда и во время войны, а также публично выказывать энтузіазмъ, насилуя вполнѣ естественное чувство отвращенія къ взаимному истребленію двухъ націй, изъ которыхъ одна ему близка по мѣсту рожденія и преданности царствующей Династіи, а другая по крови и воспитанію.

16 Октября 1915 года его арестовали и подъ конвоемъ солдатъ дружинниковъ повели пѣшкомъ, какъ арестанта, по главнымъ улицамъ Харбина, какъ бы на показъ многочисленной публикѣ. Онъ еще не былъ ни въ чемъ обвиненъ, а по служебному рангу военной службы, могъ быть отправленъ на гауптвахту только въ сопровожденіи офицера. Сколько мелочной злобы, или служебной небрежности кроется въ этомъ поступкѣ... Да можно ли видѣть только небрежность?.. По дорогѣ встрѣтился комендантъ и вмѣсто распоряженія примѣнить законный порядокъ, самъ, на глазахъ многочисленной публики усилилъ глумленіе. Что долженъ былъ чувствовать впечатлительный человѣкъ, гордившійся своимъ безупречнымъ аристократическимъ именемъ?...

Какъ просто и легко сказать: пришли, арестовали, продержали 13 мѣсяцевъ въ заключеніи и при освобожденіи по телеграммѣ, даже не сказали „простите, мы тоже люди и — ошиблись". На бумагѣ лишь нѣсколько строкъ, а сколько за ними тяжелыхъ дней томительнаго одиночества... Сколько пришлось перетерпѣть, перестрадать и передумать въ грубой ужасной обстановкѣ...

Слѣдствіе тянулось безконечно медленно. Между допросами слѣдователя проходило по нѣсколько мѣсяцевъ. Явно искали не выхода изъ создавшагося положенія, а изъ желанія прославиться громкимъ дѣломъ, совершили легкомысленный поступокъ, и, не взвѣсивъ фактовъ, поторопились съ шумомъ и трескомъ произвести арестъ. А потомъ смутились и... побоялись освободить сразу, такъ какъ знали упорство характера Барона и не могли надѣяться, что онъ покорно согласится примириться съ положеніемъ и гнусной клеветой.

Тринадцатимѣсячное пребываніе на гауптвахтѣ, съ жгучимъ ощущеніемъ несправедливости, оставило глубокій слѣдъ на его жизни.

Большая разница замѣтна между двумя частями его воспоминаній. Въ первой, онъ рѣзко обличаетъ и анализируетъ окружающій его міръ людей: большихъ и малыхъ, умныхъ и глупыхъ, порядочныхъ и продажныхъ. Онъ обрисовываетъ и свои личныя физическія переживанія. Но высказавъ негодованіе и возмущеніе, онъ, уже во второй части, какъ бы отходитъ въ сторону и не живетъ, а только скользитъ по жизни мимоходомъ. Видна усталость отъ людей, отъ ихъ мелкихъ будничныхъ страстей, и только въ прелести природы онъ находитъ силу и покой волнующейся мысли и утомленному тѣлу. Онъ весь въ своихъ переживаніяхъ, весь въ своихъ мечтахъ и свои видѣнія воплощаетъ не только въ чувствѣ, но и передъ глазами въ осязательной формѣ.

Не ищите, читатель, въ его гнѣвномъ словѣ, или рѣзкой мысли злобу, или мстительнаго чувства, — авторъ давно простилъ всѣмъ тѣмъ, кто вольно или невольно заставилъ его страдать, и если кто-нибудь изъ нихъ окажется въ бѣдѣ, то можетъ быть увѣренъ, что рука „этого чудака Будберга" не опустится при встрѣчѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ I.

Первымъ долгомъ, у меня на совѣсти и душѣ лежитъ отвѣтственность, какъ на врачѣ экспертѣ.

Мнѣ говорилъ разумъ, что совѣсть свою я не спасу, если буду относиться къ службѣ только съ формальной стороны. Напрягая силы ума, я отдавался дѣлу всѣмъ сердцемъ стремясь быть мстителемъ обиженныхъ и защитникомъ возможныхъ новыхъ жертвъ. Разные джентльмены любили называть меня сыщикомъ, но моимъ святымъ долгомъ было, хотя бы изъ мертвыхъ устъ, выслушивать жалобы невинныхъ, павшихъ жертвами судьбы и низменныхъ людскихъ страстей. Мнѣ было по душѣ утѣшать ихъ души, ставшія свободными и молиться о прощеніи ихъ.

Разливается въ ширину дымъ ладана и стремится къ небесамъ своимъ нѣжнымъ запахомъ ласково обвивая безъ кадилъ легкими облаками фигуры многихъ боговъ у жертвенника въ моей комнатѣ. Здѣсь, среди моихъ святынь, я находилъ покой и созерцая великихъ учителей, уносился мыслью и чувствомъ въ красоты человѣческой души.

Погружаясь въ нирвану Будды, я наслаждался прелестью перехода душъ Лаучена. Ласково мнѣ смѣется старый Конфуцій, самъ любитель мистицизма, но не бродяга въ небесахъ. Тамъ же среди нихъ въ простомъ переплетѣ лежитъ Евангеліе—воспоминаніе жизни души моихъ многихъ прежнихъ лѣтъ.

Скромный ящикъ писемъ моихъ предковъ, въ непрерывной цѣпи многихъ поколѣній, сопровождалъ меня постоянно. Въ тяжелыя минуты я любилъ проводить время за чтеніемъ ихъ, возвращавшимъ меня въ глубь вѣковъ, назадъ къ далекимъ временамъ, къ началу родословной нашей семьи, освѣщенной разсказами изъ жизни, чувства и мысли. Только тамъ, въ кругу предковъ, изъ духа и тѣла которыхъ я созданъ, я могъ жить, какъ мнѣ казалось, безъ начала и конца. Проникнутый глубокой любовью къ знаніямъ, я всѣми своими помышленіями былъ направленъ по руслу научныхъ идеаловъ и совершенно чуждался всякихъ политическихъ теченій, какъ въ молодости, въ студенческіе годы, такъ и до послѣднихъ дней.

Въ далекомъ и чуждомъ краѣ я нашелъ себѣ вторую родину и расширилъ полѣ дѣятельности ума на пути великихъ истинъ, исцѣлившихъ многія мои душевныя раны. Но в это короткое счастливое время я не пѣлъ гимна своей добродѣтели, будучи вѣрнымъ и преданнымъ долгу службы и присягѣ, не только какъ ученый врачъ, но и какъ честный гражданинъ.

Люди, стоявшіе у защиты права и правды, возвели на меня гнустную клевету и начались гоненія, о которыхъ измученное сердце не позволяетъ молчать. Меня обвинили въ Государственной измѣнѣ и замѣшали въ торговлѣ опіемъ.... меня, который всѣми силами боролся противъ этого зла для того народа, который далъ мнѣ неизсякаемый источникъ духовныхъ наслажденій въ духовной культурѣ его великихъ учителей.

Обвинить человѣка въ этихъ преступленіяхъ и не судить его, было бы невозможно ни въ одной культурной странѣ!

Здѣсь, на аренѣ жизни, не мало еще и теперь героевъ, игравшихъ двойственно—фальшивую игру. Многіе изъ нихъ достойны біографической записи, но, да не будутъ они въ претензіи, если я займусь ихъ обличеніемъ.

Нельзя себѣ представить, какія страсти ненависти кроются вь народной душѣ, разжигаемыя на патріотической почвѣ безпринципными лицами въ родѣ: Сульжикова, Баранова, Бакастова, Горстина и мног. друг., пѣвшихъ сегодня „Боже Царя храни", а завтра хоронившихъ въ грязи не только Царя, но и самого Бога!

Моимъ именемъ и популярностью воспользовались, чтобы создать громкое дѣло, а обстановка моей частной жизни, въ сторонѣ отъ мѣстнаго европейскаго общества, давала возможность создать цѣлую цѣпь провокаторскихъ интригъ и подтасовокъ фактовъ, которые всюду возможны, но не допустимы при обнаруженіи ихъ.

И пожать эти лавры захотѣлось слишкомъ многимъ представителямъ разнаго рода мѣстной власти, которые между собою не спѣлись и не освѣдомляя другъ друга о своихъ отдѣльныхъ выступленіяхъ, вносили путаницу въ общій ходъ провокаціи.

Я былъ окруженъ цѣлой стаей самыхъ безсовѣстныхъ агентовъ, вторгавшихся не только въ мою внѣшнюю обстановку, но и стремившихся пробраться въ самую интимную сторону моей личной жизни. Однимъ изъ главныхъ агентовъ было приближенное ко мнѣ лицо, моя правая рука по служебно-канцелярскимъ дѣламъ—фельдшеръ Горстинъ. Его роль сводилась къ передачѣ всякихъ слуховъ связанныхъ съ отдѣльными инсинуаціями, дабы этимъ вліять на мою нервную систему и психику. Горстинъ мнѣ постоянно докучалъ своими сплетнями: будто бы есть слухи, что на моемъ пароходѣ возятъ скрывающихся отъ военной службы евреевъ, а такъ же бѣглыхъ военно-плѣнныхъ, о провозѣ опія и пр. и пр. Я ужасно возмущался, т. к. не только военно-плѣннымъ, но и евреямъ не было никакой возможности сѣсть на пароходъ, т. к. береговая Полиція и Таможня имѣли весьма бдительный надзоръ, не говоря уже о моемъ категорическомъ запрещеніи принимать на бортъ парохода европейцевъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстныхъ скотопромышленниковъ, для которыхъ мы вывозили скотъ.

При моей обособленной жизни никто изъ постороннихъ не имѣлъ доступъ въ мою квартиру, и выборъ Горстина являлся наиболѣе вѣрнымъ и удачнымъ путемъ слѣдить за моей частной жизнью. Черезъ няню Феню, онъ имѣлъ возможность далеко внѣдряться въ мою семейную жизнь и вліять на окружающихъ меня лицъ, въ томъ числѣ на жену и ребенка, а это при нервномъ напряженіи вызывало у меня подозрѣніе даже къ нимъ.

Другимъ дѣятельнымъ агентомъ оказался мой служащій Шпекъ. Онъ велъ пароходное дѣло и до послѣдняго момента пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и расположеніемъ. Всѣ неудачи, связанныя съ значительными убытками, я приписывалъ только неопытности мало-развитаго человѣка и отнюдь не относилъ къ его нечестности. Я не имѣлъ возможности контролировать крупное пароходное дѣло, недобросовѣстно навязанное мнѣ бывшимъ моимъ компаньономъ и не могъ его ликвидировать. Десятокъ лѣтъ пришлось работать на грабившую меня администрацію. Во время войны, каждое появленіе на пароходѣ вызывало сплетни, что я занимаюсь провозомъ опія, евреевъ и военно-плѣнныхъ. Какой смыслъ военно-плѣннымъ было ѣхать на Бодунэ, который отстоитъ отъ Чань-чуня или Мукдена дальше чѣмъ Харбинъ? Не проще ли имъ было слѣдовать вдоль полотна желѣзной дороги, по южной линіи, не приближаясь только къ крупнымъ пунктамъ полосы отчужденія. Возможно, что бѣжали изъ Читы, Красноярска и Омска, черезъ всю Монголію, но въ такомъ случаѣ имъ не было смысла выходить ниже Бодунэ. Въ разговорѣ съ Шпекомъ, я коснулся однажды

этого вопроса и возмущался распускаемыми слухами, что они пользуются моимъ пароходомъ. Шпекъ это отрицалъ, но прибавилъ: „черезъ Монголію военно-плѣнные бѣгутъ массами, какъ зайцы по полю, я ихъ всегда называю японцами.

Въ этотъ день я былъ нервно разстроенъ и разсердился на его глупую шутку, но рѣшивъ, что не стоитъ разговаривать съ болваномъ рѣзко прекратилъ разговоръ. Это было въ самомъ началѣ лѣта 1915 года и я скоро забылъ слова Шпека. Пришлось мнѣ о нихъ вспомнить уже много спустя послѣ заключенія меня на гарнизонной гауптвахтѣ. Шпекъ былъ вообще любителемъ выдумывать всякія интересныя приключенія, отличавшіяся особенною глупостью, я привыкъ къ этой слабости полуграмотнаго человѣка и вслушивался машинально въ его разсказы, былъ обычно занятъ своими собственными мыслями. Въ другой разъ онъ мнѣ повѣдалъ о заговорѣ взорвать Сунгарійскій мостъ. Это якобы очень простое дѣло, т. к. провода можно совсѣмъ незамѣтно уложить изъ Частнаго Затона къ фермѣ моста, а элементовъ отъ электрическаго звонка достаточно если соединить ихъ съ взрывчатымъ веществомъ. „Кто это вамъ разсказалъ?" спросилъ я Шпека. Онъ мнѣ объяснилъ, что заговорщики не нѣмцы, а поляки изъ Главныхъ Мастерскихъ. „Не говорите глупостей и держитесь дальше отъ людей, которые вамъ разсказываютъ подобныя вещи"....

Со Шпекомъ я, вообще, разговаривалъ коротко и рѣзко, не желая отрываться отъ своей работы. Онъ зналъ мою привычку отдѣлываться отъ него: и мнѣ приходилось „давать скорѣе болвану желанныя деньги и отвязаться отъ него", и нуждаясь постоянно въ деньгахъ, онъ—вѣроятно нарочно разсказывамъ мнѣ всякую ерунду. Мое нежеланіе тратить даромъ время, и мое довѣріе къ нему достигли такой степени, и наивности, что я показалъ ему тайникъ гдѣ хранились деньги и разрѣшилъ брать оттуда самому Шпеку, если встрѣтится экстренная необходимость. Крупныхъ суммъ я тамъ, правда, не держалъ, но даже и жена не знала о существованіи этого тайника. Дорого мнѣ обошлась эта наивность и больше огорченіями въ семейной жизни, чѣмъ деньгами.

Жена легко поддавалась чужому вліянію и вся людская грязь, окружавшихъ насъ людей была направлена къ тому, чтобы насъ разъединить. Тяжелы эти воспоминанія... тяжелы ненависть и злость съ которыми наше культурное общество, еще до войны, смотрѣло на союзъ съ женщиной, имѣвшей обособленный міръ духовной жизни. Одни считали своимъ христіанскимъ долгомъ вмѣшиваться въ нашу интимную жизнь и вліять на неопытную, непосредственную душу, другіе жалѣли меня, какъ культурнаго, ученаго человѣка, отстранившагося отъ жизни мѣстнаго общества и глубоко опустившагося отъ такой духовной связи.

Трудно описать все, то что намъ пришлось пережить... И если я, измученный неслыханнымъ произволомъ и душевными пытками, еще терпѣлъ, то жена была не въ силахъ пережить тѣ, скрытыя отъ всѣхъ мученія, которыя легли непосильнымъ бременемъ на нее и ребенка, и перевысили терпѣніе ея столь одаренной души. Едва достигнувъ 27 лѣтъ, она отошла на покой. Во время боксерскаго движенія, она еще ребенкомъ, видѣла кровь и слышала стоны женщинъ и дѣтей ея соотечественниковъ безжалостно избиваемыхъ и нашла съ своимъ братомъ спасеніе въ горахъ прилегающихъ къ городу Ашихэ. Оторванная отъ своего естественнаго защитника, съ чуткостью души любящей природы, она нашла себѣ утѣшеніе изъ среды культурнаго свѣта чуждаго ея пониманію.

Наша духовная жизнь въ своей подлинной правдѣ, была скрыта отъ недоброжелателей и рисовалась ими въ грубыхъ мистическихъ формахъ и отбросивъ ее они избрали другой путь, дабы разрушить нашъ семейный очагъ. Сознаюсь,—путь былъ выбранъ вѣрный. Основнымъ стремленіемъ

было, по возможности, изолировать меня отъ семьи. Жену уговорили перейти на европейское платье, совершенно не идущее къ лицу ни ей, ни ребенку, при чемъ въ выборѣ фасона, умышленно, не придерживались правилъ приличія и скромности. Это вызывало между нами нелады и глубокую душевную боль. Разными интригами внушили бѣдной женщинѣ мысль, что я пользуюсь ею только ради удобствъ, нарочно отдаляю ее отъ европейскаго общества и не желаю, какъ ее, такъ и ребенка возстановить въ законныхъ правахъ. И чѣмъ дальше закапывались въ сокровенныя стороны нашей, до сей поры, гармоничной жизни, тѣмъ безжалостнѣе становились ихъ интриги, вызывавшія съ обѣихъ сторонъ недовѣріе другъ къ другу.

Горстинъ ежедневно посвящалъ меня въ разныя сплетни и отказывался сказать откуда онъ ихъ узнавалъ. Его няня, Феня, цѣлый день не выходила изъ моей квартиры. Я себя чувствовалъ преданнымъ въ собственномъ домѣ, допуская даже возможность соглашенія жены съ моими преслѣдователями. Мысль, что жена могла итти съ ними объ руку, душила меня нестерпимо и я бы не пережилъ разоблаченія, если бы они имѣли подъ собою реальную почву. Какъ только появлялась новая причина къ подозрительности, боязнь разоблаченій становилась сильнѣе. До высшей степени мнительности я дошелъ въ началѣ лѣта 1915 года, когда вернувшись однажды домой я засталъ въ столовой, въ кругу своей семьи, подъ маской бѣжавшаго военноплѣннаго, одного молодого провокатора.

Я, человѣкъ откровенный и страстно ищущій всегда близкую мнѣ душу, былъ вполнѣ изолированъ и этимъ парализовался мой умъ въ самое тяжелое время. И сейчасъ, при этихъ воспоминаніяхъ, не понимаю какъ я могъ сохранить свой разумъ, если не полностью, то близкимъ къ нормальному. Мнѣ не по силамъ еще разъ вернуться ко всѣмъ деталямъ темныхъ дьявольскихъ вліяній, достаточно этихъ намековъ на обстановку, въ которой мнѣ приходилось жить.

Съ какимъ талантомъ Горстинъ внушалъ мнѣ, что главные мои враги Прокуроръ Сульжиковъ и Жандармскій Полковникъ Андреевъ и этимъ отвлекалъ мое вниманіе отъ главныхъ героевъ. Только пріятеля моего фонъ-Арнольда ему не удалось выставить въ моихъ глазахъ какъ одного изъ руководителей. Горстинъ, часто характерно упиралъ: „одинъ выѣзжаетъ на бѣлыхъ лошадяхъ,—другой на смертникахъ"... У меня были бѣлыя лошади, а выѣзжавшій на мнѣ, очевидно былъ—Сульжиковъ. Подозрѣніе на полковника Андреева имѣло подъ собою почву, т. к. я, офиціально доносилъ Помощнику Управляющаго Дорогой Генералу Афанасьеву, что этотъ жандармскій Полковникъ причастенъ къ торговлѣ опіумомъ, и при встрѣчѣ, во время исполненія служебныхъ обязанностей, мы не раскланивались другъ съ другомъ. Лишь впослѣдствіи я узналъ отъ доктора Раупахъ, что передъ смертью Андрева угнетала мысль о моемъ подозрѣніи въ его соучастіи въ травлѣ. Онъ желалъ убѣдить меня, что этого не было и не могло быть даже по службѣ.

О существованіи Ротмистра Бокастова я совершенно не зналъ. Мнѣ показалось бы страннымъ и смѣшнымъ, если бы кто либо мнѣ указалъ на Начальника Штаба въ Харбинѣ—Полковника Баранова, какъ на первоисточникъ всѣхъ моихъ страданій.

Мнѣ старому, тюремному и судебному врачу, искушенному въ психологіи самыхъ отвратительныхъ преступниковъ, не приходило въ голову представить себѣ такую низость. Впрочемъ, я, нѣсколько разъ случайно слышалъ, какъ Горстинъ разговаривалъ по телефону со Штабомъ Округа, но не придавалъ этому значенія. Барановъ мой старый знакомый, а его жена моя давнишняя паціэнтка; разъ въ двѣ недѣли мы съ нимъ встрѣчались на засѣданіяхъ во Врачебно-Полицейскомъ Комитетѣ. Этотъ старый знакомый, знавшій мое сердечное отношеніе къ его семьѣ, не могъ не знать, что я

никакой торговлею шерстью не занимался, и что я не только не выѣзжалъ на линію, не говоря о поѣздкѣ въ Далекій Хайларъ, но и въ Новый Городъ ѣздилъ въ случаѣ крайней необходимости.

О его умственной недоразвитости не можетъ быть рѣчи, а между тѣмъ въ „Развѣдкѣ" Штаба Заамурскаго Округа, разсылавшейся по всѣмъ высшимъ и низшимъ инстанціямъ, появилось сообшеніе: что „Городовой и Тюремный врачъ гор. Харбина Р. А. Баронъ-Будбергъ, имѣетъ въ крупныхъ размѣрахъ торговлю въ Хайларѣ, центрѣ покупки монгольской шерсти, которую онъ переотправляетъ въ Германію. Самъ Баронъ Будбергъ часто бываетъ въ Хайларѣ". Достовѣрность этихъ свѣдѣній скрѣплялась подписью Начальника Штаба Полковника Баранова.

Онъ, старый, опытный политикъ, создалъ возможность провокаціи и моей травли въ широкихъ размѣрахъ, спрятавшись самъ за „секретной" рамкой офиціальнаго военнаго изданія, руководителемъ котораго онъ являлся не только, какъ начальникъ штаба, но и какъ извѣстный монголовѣдъ, давно косвенно руководившій монгольской политикой. Ну какъ же было не вѣрить Правительственнымъ Учрежденіямъ такому компетентному лицу, занимавшему въ военное время отвѣтственный постъ и не побрезговавшему, кстати, утопить невиннаго человѣка изъ желанія прославиться самому.

Я жилъ въ такихъ условіяхъ, при которыхъ исключалась всякая возможность негласной дѣятельности. Моя служба въ судебномъ вѣдомствѣ, въ въ тюрьмѣ и при полиціи, а также мои близкія отношенія къ полицмейстеру фонъ-Арнольду, контролировали не только каждый мой шагъ, но и почти каждую мысль. Горстинъ, и другіе патріоты этого типа людей, старались очернить нѣмцевъ, считая это своимъ высшимъ долгомъ и злились, видя невозможность мнѣ внушить, что фонъ-Арнольдъ, является вдохновителемъ направленной на меня травли и тѣмъ испортить наши дружескія отношенія. Нашлись даже такіе, которые зная мою преданность службѣ и приносимую пользу, высказывали опасеніе, что нѣмцы, въ концѣ концовъ, окажутся наилучшимъ контенгентомъ гражданъ.

Что-бы быть въ глазахъ общества вѣрнымъ сыномъ моего отечества, я не долженъ былъ восхвалять свое нѣмецкое происхожденіе и воспитаніе, а долженъ былъ высказывать публично свой патріотизмъ не останавливаясь передъ театральностью. Бывали страстные споры, вызывавшіеся неоднократнымъ обсужденіемъ принциповъ такой морали.

Преданный любви къ правдѣ и справедливости, я не соглашался защищать все общество, если оно симпатизируетъ нечистоплотности. Я считалъ что въ каждомъ кругѣ общества, каждое лицо должно себя выявлять тѣмъ какимъ оно является въ дѣйствительности и компромиссовъ въ этомъ отношеніи не допускалъ. Я не мстительный въ душѣ человѣкъ, какъ тогда, такъ и теперь готовъ отдать себя подъ удары мщенія другихъ, но считаю, что каждый долженъ копать себѣ яму самъ. Мои молитвы никогда не содержали принципа мести, наоборотъ я просилъ, чтобы Божій принципъ неизбѣжнаго возмездія еще въ этой жизни, не былъ слишкомъ грозенъ моимъ угнетателямъ, но я также просилъ молясь дать силу уму дабы побѣдить и выставить на свѣтъ правды и справедливости всѣхъ предателей, забывшихъ догматы чести. Горячи были мои молитвы: тутъ я нашелъ на своемъ столѣ оставленную молодымъ провокаторомъ записку (см. далѣе собственноручный протоколъ), подписанную фамиліей „Діель", читая которую наоборотъ, выходило нѣмецкое слово: „жаль". Внутренній голосъ мнѣ говорилъ, что Богъ рѣшитъ кого жалѣть и кого презирать. Такъ пусть негодяи имѣютъ свой паспортъ: „не мнѣ, а имъ идти на висилицу"—думалъ я, проникнутый негодованіемъ, и написалъ раздраженно записку на родномъ языкѣ сначала что то не ясное о русской власти, и въ концѣ: пусть все что мнѣ принадлежитъ, будетъ принадлежать моему, горячо любимому ребенку Джун-дэ-хуа; ненавижу я русскихъ отъ глубины души, пусть мой ребенокъ ихъ ненавидитъ, какъ и ея отецъ".

Записку провокатора я сжегъ, и услышаны были горячія молитвы, несшіяся къ небу вмѣстѣ съ ароматомъ ладона и дымомъ горѣвшей записки. Мою же таинственную записку я положилъ въ письменный столъ, и полгода она затуманивала головы, непонимавшія для чего я ее такъ настойчиво храню? Она всегда лежала сверху всѣхъ бумагъ и какой то любопытный читалъ постоянно свою аттестацію, такъ какъ записка и нѣкоторыя бумаги иногда исчезали, а затѣмъ возвращались и клались въ столъ въ другомъ порядкѣ, и мнѣ приходилось снова придавать имъ прежній видъ.

Объяснить себѣ цѣль этихъ кражъ, носившихъ періодическій характеръ, я не могъ. Пропадали также вещи мистическаго характера и божки съ жертвенника. Пропали часы золотые, съ боемъ и гравировкой, полученные отъ семьи Дризиныхъ, а точно такіе, но болѣе тяжелые и безъ примѣтъ, лежавшіе рядомъ, — остались на мѣстѣ. Исчезла затѣмъ серебрянная спичечница съ гербомъ, которой я постоянно пользовался, зажигая жертвенникъ. Она не представляла изъ себя ни какой цѣнности. Воръ былъ большимъ оригиналомъ. Онъ бралъ вещи только съ моими иниціалами и совершенно не трогалъ другія, болѣе цѣнныя вещи, лежавшія кругомъ. Въ концѣ концовъ, однажды утромъ, къ нашему общему удивленію, я обнаружилъ исчезновеніе индійскаго бога, стоявшаго рядомъ съ жертвенникомъ, на полкѣ между другими богами. Окружавшія его нефритовыя фигурки стояли на мѣстахъ; по небольшой пыли на полкѣ было видно, что бога сняли очень осторожно. Нижнее стекло въ окнѣ оказалось выдавленнымъ изнутри комнаты, а вторая рама — отрытой. Я осмотрѣлъ палисадникъ и не нашелъ слѣдовъ ногъ. Черезъ четверть часа, къ моему удивленію, заявились агенты сыскного отдѣленія, хотя я ни кому не поручалъ сообщить о кражѣ, т. к. она была не такъ ужъ велика, чтобы возбуждать дѣло. Агенты поспѣшили взять лежавшее на полу выдавленное стекло, чтобы снять оттиски пальцевъ вора. Взятый богъ былъ очень оригиналенъ, но для меня не представлялъ особаго интереса, я получилъ его отъ моего стараго знакомаго капитана Рогенгагенъ, часто дежурившаго на гауптвахтѣ во время моего заключенія.

На другой день, въ мѣстной газетѣ, въ хроникѣ появилась замѣтка: „у городового врача барона Будбергъ украденъ китайскій богъ, — богъ всѣхъ публичныхъ домовъ“... Кто помѣстилъ эту замѣтку, для чего она понадобилась, я такъ и не узналъ. Дня черезъ три, въ палисадникѣ, подъ выдавленнымъ окномъ, жена нашла совершенно новую маленькую стамеску для тонкихъ работъ; на ней не было ни ржавчины, ни налета, слѣдовательно подкинута она была въ этотъ же день. Еще черезъ нѣсколько дней жена принесла, связанный съ нѣкоторыми воспоминаніями, золотой самородокъ, находившійся въ рукѣ у украденнаго бога. Дочка моя объяснила, что она его нашла въ пепельницѣ у г-жи Р., жившей на заднемъ дворѣ и завѣдывавшей моими домами, у ней постоянно проживалъ Шпекъ. По объясненіямъ г-жи Р. эта вещичка, не имѣвшая, правда вида золота, была къ ней принесена вмѣстѣ съ другими игрушками моей дочерью.

На жену это происшествіе очень повліяло, она видимо почувствовала, что какіе то темные люди затѣяли недобрую игру, чтобы разъединить насъ. Съ этого времени, до самой смерти, ее не покидали душевныя страданія. Она была проникнута суевѣріемъ, и своего рода религіозностью, и эти не понятныя явленія имѣли на нее огромное вліяніе.

Вскорѣ, послѣ этого случая, жена моя была особенно взволнована однимъ старымъ евреемъ, желавшимъ мнѣ передать какой-то важный секретъ, но обязательно наединѣ. Я ему объявилъ при женѣ, что ни какихъ секретовъ отъ нея не имѣю, и готовъ его выслушать въ ея присутствіи, но онъ ушелъ, ничего не сообщивъ. Горстинъ разсказывалъ послѣ, что этотъ еврей большой скандалистъ, часто попадавшій въ участокъ. Мнѣ пришло въ голову: не алкоголикъ ли онъ, или сумасшедшій? По выходѣ съ гауптвахты я узналъ, что онъ умеръ, при чемъ былъ причастенъ къ дѣлу по поддѣлкѣ паспортовъ.

Горстинъ при допросѣ, явно лгалъ, говоря, что не зналъ этого человѣка. Не было ли связи думалъ я въ ошибочномъ обмѣнѣ евреемъ моей полицейской палки и таинственными кражами изъ моего кабинета? Эти вещи, повидимому, должны были служить вещественными доказательствами, въ провокаторскихъ планахъ, въ связи съ другими подтасованными фактами. Вѣдь еврей оказался завѣдомымъ провокаторомъ, какъ и нѣкоторые другіе его собратья. Я никуда не выходилъ изъ моего дома, и меня невозможно было выманить изъ моей берлоги: я не гулялъ и не практиковалъ внѣ дома. Рѣдкій день проходилъ безъ вызововъ по телефону въ какую-нибудь гостинницу, но ни просьбы, ни угрозы привлеченія меня къ отвѣтственности, не могли измѣнить принятаго мною рѣшенія... Черныя тучи, предвѣщая не доброе, сгустились за нѣсколько дней до моего ареста...

Въ городѣ жила чешка Челофига, австрійская подданная, которой разрѣшили остаться въ Харбинѣ послѣ начала военныхъ дѣйствій. Еще задолго до войны, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, она бывала у меня на пріемахъ, какъ бѣдная неимущая больная и пользовалась безплатною, медицинскою у меня помощью. По профессіи маникюрша, она жила въ Коммерческой гостинницѣ, вмѣстѣ съ венгерской еврейкой, состоявшей въ замужествѣ за нѣмцемъ Швальбе, русско-подданнымъ. Рѣдко можно было встрѣтить человѣка съ болѣе антипатичной физіономіей, какъ у Челофиги. Грубыя черты лица не умѣли смѣяться, и при попыткахъ лицо искажалось выраженіемъ ясно выраженной животной злобы и подлости; неуклюжая, неряшливо одѣтая фигура и толстое отекшее лицо. Съ начала войны она старалась всячески афишировать мое яко-бы дружеское отношеніе къ ней. Развалясь на скамьѣ около парикмахерской на улицѣ, она, завидя меня издали, посылала мнѣ привѣтствіе на нѣмецкомъ языкѣ. Получалось впечатлѣніе, что она хотѣла меня скомпрометировать, вывести изъ терпѣнія и на многолюдной улицѣ вызвать скандалъ. Не задолго до ареста, Челофига, по телефону просила разрѣшенія прійти ко мнѣ, — обыкновенно я отклонялъ ея просьбы, сегодня же, почему-то согласился, предупредивъ, что заканчиваю пріемъ и вскорѣ опять буду занятъ. Сейчасъ же послѣ этого позвонили изъ Старо-Пристанского участка и просили прибыть на освидѣтельствованіе трупа китайца у Стараго Базара на Новогородней улицѣ. Я немного задержался, желая узнать сколько времени потребуется Челофигѣ на дорогу къ моему дому. Прошло около 20 минутъ, слѣдовательно разговоръ по телефону происходилъ на значительномъ разстояніи. Я сейчасъ же вышелъ къ Челофигѣ, стоявшей въ дверяхъ и сказалъ ей, что къ сожалѣнію не могу ее принять, т. к. спѣшу по службѣ на освидѣтельствованіе трупа. „Что это за трупъ"? „Ну, вѣроятно морфиниста"... и на ея вопросъ можетъ ли она этотъ трупъ видѣть? отвѣтилъ: „Разумѣется! Публикѣ не запрещается смотрѣть на трупы". Челофига не отставая проводила меня до мѣста и обратно. Публика обращала невольно вниманіе на ея вызывающее поведеніе. Подойдя обратно къ квартирѣ, я, крайне разсерженный, категорически заявилъ ей, что занятъ и принять ее не могу.

Утромъ въ полицейскомъ пріемномъ покоѣ, еще до прихода фельдшера Горстина, опаздывавшаго, по обыкновенію, я встрѣтилъ Кулешева, лицо котораго меня поразило. Оно было очень блѣдно; фельдшеръ Кулешевъ, стоя у стола, оглядываясь на аптечную дверь, какъ бы прислушиваясь, сложивъ умоляюще руки въ моемъ направленіи, — прошепталъ: „Докторъ, Горстинъ плохой человѣкъ, онъ хочетъ Васъ погубить". „Скажите же въ чемъ дѣло? хладнокровно, съ улыбкой на лицѣ, спросилъ я его. Вмѣсто отвѣта, Кулешевъ приложилъ палецъ къ губамъ, показавъ глазами на аптеку, громко спросилъ: „Что же, Докторъ, пойдемте въ тюрьму„... „Да идите, я скоро приду". Съ опущенной головой, будто не выспавшійся послѣ пьянства, вошелъ Горстинъ. Сегодня онъ меня заинтересовалъ: не вѣрилось въ возможность его участія въ провокаціи противъ человѣка,

котораго онъ такъ хорошо зналъ, и который неизмѣнно тепло относился къ нему и его семьѣ. Неужели, думалъ я, Горстинъ могъ быть такимъ мерзавцемъ? Но, очевидно, что то есть, иначе простой и вѣрный солдатъ, ротный фельдшеръ Кулешевъ не сталъ бы такъ волноваться. Горстинъ мало разговаривалъ, но часто въ меня всматривался, перелистывая бумаги. Одѣтый въ длинный, лоснящійся, ободранный сюртукъ, этотъ блѣдный, истощенный чахоткой и алкоголемъ человѣкъ, съ грязными ногтями костлявыхъ рукъ, всей своей фигурой вызывалъ непріятное чувство. Мнѣ стало очень больно... Ну, отъ Кулешова я все узнаю. Но въ тюрьмѣ Кулешовъ страшно волновался, все время оглядывался по сторонамъ и боялся остаться со мною наединѣ. Мы обошли палаты больныхъ и вышли за ворота тюрьмы. Молча прошли по пожарному двору и только у Пріемнаго Покоя, Кулешовъ прошепталъ: „дочь Киссельмана продаетъ паспорта по 25 рублей... „А что мнѣ съ ними дѣлать"?—Этого достаточно, послѣ я Вамъ все разскажу"... Вотъ такъ загадка, — подумалъ я, въ слѣдъ Кулешову, ушедшему въ Пріемный Покой... Для чего онъ мнѣ это передалъ! Семью Кисельмановъ: отца, мать и дочъ я зналъ по тюрьмѣ, они долго сидѣли въ ней по обвиненію въ поджогѣ. Кажется, дочь была оправдана, а полуслѣпой и дряхлый старикъ, вмѣстѣ съ женой, былъ приговоренъ къ долгосрочной каторгѣ. У дочери, я даже принималъ ребенка, родившагося въ тюрьмѣ. Но размышлять мнѣ было некогда. День этотъ и безъ того былъ для меня сумбурнымъ: мой пароходъ, который уже давно долженъ былъ уйти послѣднимъ рейсомъ въ Бодунэ, все еще стоялъ на мѣстѣ. Шпекъ не показывался. День былъ холодный, выпалъ первый снѣгъ. Если пароходъ здѣсь, думалъ я — хорошо, — иначе онъ могъ бы зазимовать по дорогѣ, и тогда я буду совершенно разоренъ. По вызову я отправился для освидѣтельствованія трупа около Главныхъ мастерскихъ. Распорядившись тамъ, я приказалъ осѣдлать лошадь, и быстро поѣхалъ на берегъ рѣки Сунгари къ мѣсту стоянокъ парохода и узналъ, что онъ только часъ тому назадъ отправился въ Фудзядянъ принимать какой то грузъ. Я поспѣшилъ туда, и попалъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда пароходъ причаливалъ и устанавливалъ барку. Маневры дѣлались отвратительно. Баржа, приставая, раздавила шлюпку казеннаго катера, и былъ поврежденъ бортъ парохода. Военный постъ сейчасъ же обратился съ вопросомъ: мой-ли это пароходъ? такъ какъ надо составить протоколъ. — „Ну ужъ это не мое дѣло, отвѣтственное лицо командиръ, къ нему и обращайтесь", отвѣтилъ я.

Не дождавшись причала парохода, я крикнулъ на баржу, приказывая Шпеку поторопиться и сняться до обѣда.

Около четырехъ часовъ меня снова потребовали къ трупу въ Мостовой Поселокъ. Пришлось снова ѣхать, не закончивъ пріема больныхъ. Осмотрѣвъ трупъ, я отправился къ пароходу, желая установить время его отхода. Къ моему глубокому возмущенію пароходъ стоялъ еще на мѣстѣ и нѣсколько человѣкъ производили погрузку ста пудовъ какого то груза. Такимъ образомъ цѣлую недѣлю пароходъ простоялъ напрасно. Снѣгъ падалъ хлопьями. Моя досада не имѣла границъ. Очевидно все дѣлалось нарочно... Это старый способъ, продѣлывавшійся прежними командирами, чтобы разорить меня, своего хозяина, настолько, чтобы я самъ отказался отъ дѣла и отъ парохода. По словамъ команды, Шпекъ, пошелъ въ таможню. Вдругъ, точно изъ подъ земли, въ легкомъ дождевикѣ, дрожащій отъ холода, онъ выросъ передъ моими глазами. Кругомъ стояло много пограничниковъ. Я не выдержалъ и началъ укорять его: „какъ Вамъ не стыдно Шпекъ, разорять меня, смотрите какая погода. Вы не успѣете вернуться. Никакого груза больше не надо. Отправляйтесь съ тѣмъ, что у васъ есть. Лучше я потерплю 400 рублей убытка, чѣмъ съ вашей просрочкой совсѣмъ разорюсь". Шпекъ жалобнымъ тономъ началъ оправдываться, сваливая вину на таможню, которая его задерживала. И мнѣ опять стало его жаль, и я подумалъ что во всемъ виновата его малограмотность и неопытность, вѣдь все-таки онъ старался...

„Какъ мнѣ сдѣлать г. Баронъ? у меня на пароходѣ большая партія японцевъ. Взять ихъ съ собою или нѣтъ? Если бы это былъ одинъ человѣкъ, а то цѣлая партія". „Японцы?" удивленно переспросилъ я Шпека. „Японцы никогда въ Бодунэ не ѣздили, что же это за японцы? рабочіе?" „Да, я думаю, рабочіе, но навѣрное — незнаю". „Весьма возможно" говорю я ему, что это рабочіе. Кажется, японцы строятъ какую-то желѣзную дорогу на Тау-нан-фу, и эта партія хочетъ воспользоваться послѣднимъ рейсомъ, чтобы попасть туда кратчайшимъ путемъ. — Разумѣется, если Вы имъ выдали билеты, то не имѣете право отказывать. А на баржѣ, есть пассажиры? вѣдь холодъ страшный". — „Да, на баржѣ были тоже пассажиры, но вѣроятно, разбѣжались". „Значитъ отправляйтесь, но пожалуйста возвращайтесь не теряя времени и становитесь на зимовку"..

Около 9 часовъ снова позвонила Челофига, я чувствуя себя достаточно бодрымъ въ своей тяжелой умственной борьбѣ, согласился ее принять. Вспомнилось предупрежденіе Кулешова. Все было такъ неожиданно, и я вѣроятно сдѣлалъ ошибку. Надобно было наблюдать и за Горстинымъ, и за Челофигой, и за другими, а у меня былъ только одинъ китаецъ, служившій раньше сыщикомъ, которому я и поручилъ наблюдать, кто въ теченіи часа или двухъ войдетъ во дворъ пожарной команды. Челофигу рѣшилъ принять въ послѣднемъ кабинетѣ, гдѣ все было видно съ улицы. Окно, обвитое дикимъ виноградомъ, давало возможность удобно спрятаться наблюдателю, который будетъ навѣрняка. Вѣроятно это начало какой то игры, и я потомъ всегда успѣю что либо предпринять.

Комната обставлена была мебелью такъ, что съ улицы было видно рѣшительно все, и что въ ней дѣлается. Этимъ я надѣялся заставить провокаторовъ быть самимъ свидѣтелями провокаціи, если она будетъ имѣть мѣсто. Постарался я также лишить Челофигу возможности незамѣтно что-нибудь подбросить. Я самъ отворилъ ей дверь, и проводилъ черезъ весь домъ въ кабинетъ. Между разговоромъ по телефону и ея появленіемъ, прошло какъ и въ прошлый разъ, минутъ 20, я ее пригласилъ сѣсть на диванъ противъ окна, давъ этимъ возможность наблюдателямъ слѣдить за каждымъ движеніемъ. Челофига начала разговоръ съ ненависти къ русскимъ. Они ей надоѣли до глубины души, она рѣшила бѣжать и запаслась паспортомъ на имя русской мѣщанки Линдеманъ.

„Зачѣмъ же вамъ пользоваться чужимъ паспортомъ? Вамъ и такъ разрѣшатъ отсюда уѣхать. Обратитесь къ генералу Афанасьеву, и если вы ему заявите, что не имѣетѣ средствъ къ жизни, онъ вамъ навѣрное разрѣшитъ выѣхать въ Тянь-цзинь, или другое мѣсто, гдѣ у васъ есть родственники. У меня, добавилъ я ей, когда то служила гувернанткой австріячка, не помню ея фалиміи, кажется родомъ изъ Юденбурга, и она недавно получила разрѣшеніе черезъ консульство и генерала Афанасьева, на выѣздъ въ Тянь-цзинь. Челофига встала, обернулась къ окну, и хлопнувъ себя по бедру проговорила: „Ну я уже имѣю паспортъ, я его купила за 75 рублей, у дочери Киссельмана". „Такъ... а я слышалъ, что паспортъ можно достать за 25 рублей. Товаръ сталъ дешевый"...

„Можетъ быть, но я заплатила дочери Киссельмана 75 рублей. Впрочемъ я очень хотѣла просить у васъ совѣта. У Датана, во Владивостокѣ, были всѣ секретные планы крѣпости. Они вполнѣ естественно попали въ его руки, такъ какъ фирма Кунстъ и Альберсъ предложила провести всю сѣть электрическихъ проводовъ и выполнить другія секретныя работы. Планы, числомъ 10 хранились у Датана и когда пришли его арестовать, то, во время обыска, онъ 7 штукъ, успѣлъ передать жившему у него инженеру Кюне (Смѣлый). Разсказывая это Челофига опять подошла къ окну, и стала показывать, какъ Датанъ передавалъ планы черезъ окно Кюне.

„Удивительно ловко, но скажите какой длинны были планы, чтобы ихъ можно было передать изъ одного окна въ другое? спрашиваю я ее, жестикулируя передъ окномъ.

„Да я не знаю, мнѣ разсказывалъ пріятель. Онъ довольно часто пріѣзжаетъ сюда по дѣламъ. Онъ норвежскій подданный, инженеръ, и его не подозрѣваютъ. Онъ куда то запряталъ эти планы, но сейчасъ не желаетъ ихъ больше хранить. Его арестовали вмѣстѣ съ Датаномъ и ему много пришлось пережить. Болѣе двухъ недѣль эти планы онъ держать у себя не можетъ, и затѣмъ уничтожитъ, онъ мнѣ объ этомъ написалъ. Какъ вы думаете можно будетъ ихъ отправить съ китайской почтой"? „Этого я вамъ сказать не могу"...

„Ну а какъ вы думаете имѣютъ ли еще интересъ для Центральныхъ Державъ эти планы?

„Да, хотя Владивостокъ не имѣетъ ничего общаго съ теперешнимъ театромъ войны, но, на будущее время, при другой войнѣ, они могли бы имѣть большой интересъ".

„Можетъ быть вы возмете ихъ къ себѣ"? „Нѣтъ, къ сожалѣнію, прошу освободить меня отъ этихъ заботъ".

„Но все таки, что вы по совѣтуете"?

„Думаю, что вамъ надобно поѣхать во Владивостокъ къ своему пріятелю, оттуда въ Тянь-цзинъ или Пекинъ, и тамъ прямо обратиться въ свое Консульство или Посольство".

Было уже около 10 часовъ вечера. Вдругъ въ открытыхъ дверяхъ кабинета появился П., часто бывавшій у Горстина. Не заходя въ комнату, онъ сказалъ, что привезъ сѣно, которое его братъ, тоже мой хорошій знакомый, когда то у меня занималъ, и спросилъ куда его сложить? Я ни какъ не могъ себѣ представить, что и эти мои друзья участвуютъ въ гнусной исторіи, и не сдержался, крикнувъ вмѣсто привѣтствія: „Спросите въ домѣ. Вамъ укажутъ куда сложить это сѣно. Хоть въ мой кабинетъ..." П. повернулся, намѣреваясь выйти, и не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ появилась Г-жа Р.—„Пожалуйста, Г-жа Р. укажите куда сложить сѣно" крикнулъ я ей раздраженно...

Въ этотъ вечеръ къ моей дочери, уже послѣ 9 часовъ пришла учительница, и онѣ долго занимались. Обстоятельство съ привезеннымъ сѣномъ было совсѣмъ исключительное. При моемъ рѣзкомъ окрикѣ на П. Челофига смутилась, и даже поблѣднѣла. Но я быстро исправилъ положеніе: указавъ на глупость привозить сѣно ночью, не принимать же сѣно со свѣчей?.. Челофига успокоилась и начала разсказывать какъ онѣ съ г-жей Карагеновой помогаютъ военно-плѣннымъ, встрѣчая каждый поѣздъ. Въ Фудзядянѣ есть французская миссія, гдѣ она часто бываетъ, и гдѣ даютъ пріютъ бѣглецамъ; хотя они и враги, но въ миссіи встрѣчаютъ радушный пріемъ. Недавно еще онѣ съ Карагеновой собрали 140 рублей и передали очень красивому венгерцу. При этомъ Челофига попросила меня дать ей что либо изъ написаннаго мною о духовной жизни китайцевъ.

Мнѣ это очень понравилось, что это ее интересуетъ. Ну что же подумалъ я, пусть статья эта будетъ прочитана въ Судѣ, если уже меня хотятъ спровоцировать. Тогда увидятъ, что на землѣ есть и болѣе чистая духовная жизнь, чѣмъ среди этихъ „отбросовъ". Не мѣшаетъ также охладить патріотическій пылъ уличныхъ наблюдателей, продолжалъ размышлять я.—

И вотъ медленно и съ поясненіями, я началъ чтеніе. Пусть она передастъ своимъ сотрудникамъ мое увлеченіе; пусть вся эта свора знаетъ въ какія святыни она залѣзла. Было интересно слѣдить за смѣной впечатлѣній на лицѣ этой нечистой души, при чтеніи статьи, написанной съ духовнымъ подъемомъ.

„Это Вашъ ребенокъ“? Спросила Челофига, увидавъ мою дочь, зашедшую проститься со мной и получить обычное пожеланіе покойной ночи, въ дѣтскихъ снахъ, согрѣтыхъ отцовской любовью. Затѣмъ она вторично задала какъ бы съ презрѣніемъ тотъ же вопросъ. Сердце мое сжалось: бѣдный ребенокъ, бѣдная жена, бѣдные мы всѣ трое въ одной душѣ. Боже помилуй насъ, Твоихъ рабовъ. На глазахъ матери, укладывавшей свою дочь, стояли слезы, она понимала, что я читалъ на понятномъ ея душѣ языкѣ.

Челофига попросила у меня экземпляръ моей статьи. Но я возразилъ: „достаточно того, что я вамъ самъ прочелъ, и влилъ въ вашу душу довольно много изъ нашей духовной жизни. Путь вашъ далекъ, духовной пищи вамъ хватитъ надолго, а лишняго экземпляра я не имѣю“.

На прощаньи, уже за дверями дома, Челофига спросила: „Значитъ мнѣ ѣхать за планами?“—„Поѣзжайте, но помните, что ваши планы опасны“.

Утромъ, при выходѣ изъ дома, меня остановилъ какой то незнакомецъ и сообщилъ, что какая то женщина задержана за оказаніе помощи военноплѣннымъ и препровождена въ тюрьму. При ней ребенокъ, но не ея собственный. Незнакомецъ просилъ меня зайти въ тюрьму, и дать совѣтъ—какъ быть съ ребенкомъ, оставить его тамъ, или отправить домой? Я ему сказалъ, что женщину я могу увидѣть если мнѣ о ней доложитъ фельдшеръ, въ случаѣ ея болѣзни, а когда вообще я буду въ тюрьмѣ—не знаю. „Обратитесь къ фельдшеру Горстину, онъ человѣкъ не только знающій, но и съ чуткой душой. Посовѣтуйтесь съ нимъ, и попросите Вамъ помочь. Скажите ему, что говорили со мною.

Я былъ убѣжденъ, что для продолженія игры меня хотятъ свести въ тюрьмѣ съ Челофигой. Незнакомецъ очень назойливо настаивалъ на своей просьбѣ, но я рѣзко и категорически отказалъ. Въ послѣдствіи я очень сожалѣлъ, что не спросилъ фамиліи арестованной.

По воскресеніямъ я обыкновенно ѣздилъ на заводъ „Спритенка“ къ Паулину, гдѣ состоялъ годовымъ врачемъ. Въ послѣднее воскресеніе, передъ арестомъ, я вышелъ на дворъ и приказалъ запречь лошадей, но къ большому удивленію, отъ прислуги узналъ, что жена уѣхала верхомъ, вмѣстѣ съ дочерью, на лошадяхъ. Этого безъ моего вѣдома раньше никогда не случалось, чтобъ она выѣзжала, а тѣмъ болѣе въ воскресеніе, зная что лошади мнѣ понадобятся самому. Стало страшно.... казалось, что и жену втягиваютъ въ таинственную игру. Въ то же время, мой взоръ остановился на заколотой свиньѣ, которую будто подарили женѣ пріятели изъ поселка при Главныхъ Мастерскихъ.

Всѣ эти явленія, такъ быстро слѣдовавшіе одно за другимъ, вызвали во мнѣ опасеніе, что вокругъ накапливаются событія въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ я могъ бы переработать своимъ умомъ, стараясь разгадать суть дѣла. Нервы и безъ того были страшно напряжены, больше не выдержали и я старался не выяснять побочныхъ явленій. Самымъ важнымъ было узнать, кто, кромѣ Горстина и Челофиги, участвовалъ въ игрѣ? Китаецъ, наблюдавшій вечеромъ на пожарномъ дворѣ, видѣлъ только Генеральнаго Консула Траутшольда. Правда появленіе этой личности мнѣ показалось очень важнымъ, т. к. зная верхи,—легко разобраться въ мелкихъ агентахъ. Я въ тотъ же день былъ у Паулина, чтобы узнать отъ его жены, куда именно и зачѣмъ ѣздила верхомъ моя жена.

Не могу точно установить сколько дней продолжалось все здѣсь разсказанное, такъ какъ мои первые мемуары отпечатанные въ 5 экземплярахъ были отобраны въ 1919 году Контръ-развѣдкой во время обыска при вторичномъ арестѣ.

Утромъ, наканунѣ ареста, я засталъ Горстина въ Полицейскомъ Пріемномъ Покоѣ чрезвычайно блѣднаго и разстроеннаго. Въ это время вошелъ туда же Приставъ Гребенщиковъ и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ: „Вы слы-

шали, докторъ, сбѣжала Челофига и осталась хозяйкѣ должна 180 рублей?" „Нѣтъ, не слышалъ. Я понимаю ваше отношеніе къ Челофигѣ продолжалъ Гребенщиковъ, но я не понимаю, какое отношеніе къ ней имѣетъ Горстинъ?" Тотъ поблѣднѣлъ еще больше, но до ухода Гребенщикова молчалъ, а затѣмъ вскочивъ со стула громко воскликнулъ: „Все равно, какъ бы война ни кончилась, такъ это не останется".

„Почему вы такъ волнуетесь? что это за война, про которую вы говорили? Я васъ не понимаю, что же это, что не останется какъ было"?

„Да, все равно, какъ бы война не кончилась, такъ это не останется"... еще разъ, съ нескрываемой злобой, повторилъ Горстинъ. Я спокойно всталъ и со словами: „незнаю о какой войнѣ вы говорите", ушелъ, не прощаясь. Съ тѣхъ поръ я невидалъ больше въ жизни ни Горстина, ни Кулешова.

МОЙ АРЕСТЪ.

Только послѣ выхода изъ тринадцатимѣсячнаго заключенія на Гарнизонной Гауптвахтѣ, мнѣ стали понятными многія обстоятельства, окружавшія меня тѣснымъ кольцомъ, и сталъ ясно вырисовываться центръ заправлявшій всѣмъ дѣломъ, и создавшій провокацію.

Могъ ли я тогда предположить, что въ „Развѣдкѣ" Штаба Заамурскаго Округа, разсылавшейся по верхамъ и низамъ административнаго аппарата, Полковникъ Барановъ выставитъ меня дѣятельнымъ агентомъ Германіи, снабжающимъ ее такимъ важнымъ матеріаломъ, какъ шерсть? Его даже не остановила явная преступность провокаціи. Могъ ли я думать, что Ротмистръ Бокастовъ, въ моемъ статейномъ спискѣ сдѣлаетъ меня евреемъ? Такъ въ 17 п. отмѣчено—національность: „еврейская", въ 18 п. вѣроисповѣданіе: іудейское.

Я вынудилъ руководителей поспѣшить съ арестомъ и безъ дальнѣйшей подтасовки фактовъ обвинить меня въ государственной измѣнѣ, т. к. безсистемность травли, вытекавшая изъ бездарности безсовѣстныхъ агентовъ вродѣ: Эструпа, Челофиги, Горстина, Шпека и др., дала мнѣ полную возможность своевременно расшифровать игру, и внести смятеніе и опасеніе, чтобы изъ обвинителей не превратиться имъ въ обвиняемыхъ. Не отдавъ себѣ яснаго отчета въ грозившей опасности, я твердо вѣрилъ въ дѣйствительность приказа Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича, гласившаго, что участь ожидающая шпіоновъ, будетъ тождественной съ участью тѣхъ, кто ложно обвинитъ невиннаго. И я не воспользовался даже услугами болѣе опытныхъ людей изъ среды полиціи или сыскного отдѣленія.

Впослѣдствіи игра оказалась буквально ставкой на жизнь или смерть, а я сдѣлалъ много неловкихъ, если не сказать прямо бездарныхъ шаговъ, отражая нелѣпые выпады подтасовщиковъ, со стороны которыхъ ожидалъ большей даровитости, а это повлекло за собою тяжелыя послѣдствія какъ для меня, такъ и для нѣкоторыхъ невинныхъ людей.

Непосильныя требованія къ уму и нервной системѣ, предъявленныя въ послѣднее время окружавшей меня обстановкой, и рядъ явленій, накапливавшихся безпрерывно, лишали меня возможности хладнокровно, логически, анализировать и связывать отдѣльныя звенья въ одну общую цѣпь. Правда, на моей сторонѣ были огромныя преимущества: мое доброе имя, связи и родство съ Царствовавшимъ Домомъ, и служба, ставившая подъ контроль полиціи и судебныхъ властей меня, и каждый мой шагъ. Еще бы только однѣ сутки, и можетъ быть вся банда была открыта. Большой ошибкой

оказалось и то, что я не узналъ отъ остановившаго меня незнакомца фамилію женщины арестованной съ ребенкомъ. Тогда я бы узналъ о существованіи Ротмистра Бокастова и нашелъ бы связь этой группы со старымъ евреемъ, которому понадобилась моя полицейская палка и пр. и пр. И отъ Кулешова я могъ бы узнать многое. Во время слѣдствія, преступникамъ удалось спрятать концы, не пощадивъ бѣднаго Кулешова и его семьи. Только 13 Октября, т. е. за два дня до ареста, они схватились за Эструпа, какъ за спасителя, и послали его къ Американскому Консулу, за сутки допрашивали и уже послѣ ареста отправили въ Чань-Чунь и Мукденъ, откуда онъ ихъ водилъ за носъ.

За долго до разсвѣта 16 Октября у парадныхъ дверей позвонили. Бой отворять не пошелъ т. к. зналъ, что въ ночное время я не разрѣшалъ отворять дверей, а если нужно было по службѣ, то звонили по телефону. Прошло минутъ 10 и къ телефону меня вызвалъ Помощникъ Начальника Сыскного Отдѣленія Персидскій и попросилъ распорядиться отворить двери ибо онъ имѣлъ исполнить служебное порученіе. Двери немедленно были открыты и ко мнѣ въ спальню вошли: Ротмистръ Козловскій и Персидскій, въ сопровожденіи вооруженныхъ маузерами агентовъ сыскного отдѣленія. Это были прекрасно обученные китайцы-великаны изъ отряда Гоу. Мнѣ самому приходилось съ ними работать и нѣкоторыхъ я даже обучалъ систематической работѣ по изслѣдованію на мѣстѣ слѣдовъ преступленій и возстановленіи полной картины въ томъ видѣ, какъ она должна рисоваться при самомъ фактѣ преступленія. Во время чумы 1910—11 г.г. работая днемъ и ночью, нѣсколько человѣкъ жило даже у меня въ домѣ. Вообще ихъ брали съ собой, когда приходилось имѣть дѣло съ опаснѣйшими преступниками. У каждой комнаты, не исключая дѣтской, выставили посты; домъ оцѣпили съ двухъ улицъ большимъ нарядомъ полицейскихъ. Какъ Персидскій, такъ и незнакомый мнѣ Ротмистръ Козловскій держались съ безупречнымъ тактомъ, исполняя свои обязанности по обыску очень тщательно. Серьезныя и рѣшительныя лица китайцевъ невольно внушали всѣмъ въ домѣ убѣжденіе, что не слѣдуетъ опасаться произвола и издѣвательствъ. Я потребовалъ распоряженіе объ обыскѣ и Ротмистръ Козловскій предъявилъ его хотя не очень охотно. Помню очень хорошо о ссылкѣ на доносъ нѣсколько совершенно неизвѣстныхъ женщинъ. Мое желаніе сдѣлать отмѣтку объ этомъ обстоятельствѣ не было удовлетворено съ поясненіемъ, что я всегда могу справиться потомъ. Ни отъ слѣдователя, ни изъ дѣла, я никогда потомъ не могъ добиться возможности увидѣть первоначальное распоряженіе.

У меня въ памяти не сохранились всѣ детали обыска, отмѣченныя въ отобранныхъ мемуарахъ. Ротмистръ Козловскій былъ, повидимому, детально подготовленъ: онъ прежде всего заинтересовался маленькой стамеской, найденной послѣ похищенія индійскаго бога, и хотѣлъ взять ее съ собой, зная заранѣе мѣсто на письменномъ столѣ, гдѣ она находилась. Я лишь потомъ узналъ, что стамеска могла служить вещественнымъ доказательствомъ въ дѣлѣ о фальшивыхъ паспортахъ. Я охотно согласился, чтобы вся масса письменнаго матеріала—около 20 пудовъ, научныхъ работъ, многочисленныхъ писемъ и пр. и пр. была сложена въ большой сундукъ и запечатана моею и сыскного отдѣленія печатями, безъ регистраціи. Персидскій и Козловскій меня убѣждали, что безъ моего участія вскрытіе печатей не можетъ состояться. Они оба замѣтно тяготились выпавшей на ихъ долю обязанностью и были послѣдними достойными названія людей, съ которыми мнѣ пришлось встрѣчаться пока длилось дѣло. Персидскій отлично зналъ меня въ повседневной жизни и по службѣ, мы постоянно сталкивались, работая по уголовнымъ дѣламъ, требовавшимъ судебно-медицинской обработки. До самаго конца обыска я не вѣрилъ въ возможность ареста и думалъ, что недоразумѣніе и отсутствіе поводовъ выяснится на мѣстѣ. Но,

Ротмистръ Козловскій предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Жандармское Полицейское Управленіе.

Жена моя держалась героически, хотя сердце ей говорило, что я напрасно расчитываю на справедливость и законность. Ея достоинство и умѣніе держать себя въ рукахъ, при тяжеломъ положеніи во время обыска, внушало чувство глубокаго уваженія. Козловскій посовѣтывалъ собрать для меня самое необходимое: полотенце, мыло и пр., не ручаясь, что возвращеніе послѣдуетъ сейчасъ-же. Жена о себѣ не думала, а сердце стремилось меня подбодрить своимъ хладнокровіемъ и душевной лаской. Она предпочитала остаться лучше не крещеной безправной рабыней, чѣмъ узаконить свои и дочери права цѣной потери свободы души въ средѣ мифическихъ христіанъ. Не такъ сдержанна была старая няня, маньчжурка. Она рѣзко критиковала подобное отношеніе къ чиновнику и человѣку, пользующемуся такою популярностью среди населенія. У китайцевъ такое обращеніе не принято. Самымъ чуткимъ былъ ребенокъ. Во время обыска я его не видѣлъ, но при выходѣ съ Ротмистромъ Козловскимъ, она съ поднятыми вверхъ рученками и душу раздирающимъ крикомъ, глубоко врѣзавшимся мнѣ въ сердцѣ, бросилась ко мнѣ на шею, трясясь всѣмъ тѣломъ и обливаясь горькими слезами.

Никакія мои увѣщеванія, что я скоро вернусь, — не помогали. Ея сердце, ей говорило яснѣе чѣмъ мнѣ, не разочаровавшемуся еще въ людяхъ фантазеру, какія темныя существа имѣютъ власть надъ нами. Объ обыскѣ составили протоколъ подписанный Козловскимъ, Персидскимъ и мной, и еще двумя понятыми. Кромѣ моихъ личныхъ вещей опечатали и взяли японскую корзину, принадлежавшую моему знакомому электро-технику Шитцу, около двухъ мѣсяцевъ хранившуюся въ моемъ домѣ, съ частями электрической машины.

По дорогѣ въ жандармское управленіе, ротмистръ Козловскій мнѣ повѣдалъ, что ему въ первый разъ пришлось дѣлать обыскъ у человѣка ученаго, съ извѣстнымъ родовымъ именемъ и положеніемъ. Несомнѣнно этотъ молодой жандармъ глубоко волновался отъ сознанія, что на свѣтѣ могутъ быть такіе люди, которые съ увлеченіемъ и страстью отдаются игрѣ, гдѣ ложь, поддѣлка и всѣ искусства преступнѣйшаго размышленія, кажутся имъ геніальностью. Эти вѣрноподанные типы властителя ада набросились на такихъ людей какъ докторъ Раупахъ, аптекарь Томсонъ, раввинъ Киселевъ и я, которыхъ всѣ знали за честныхъ, преданныхъ наукѣ, службѣ и профессіи работниковъ. Съ побѣдой надъ ними снился тріумфъ славы на всю жизнь, а полевой судъ можетъ быстро ликвидировать возможность найти истину. Долгъ службы не позволилъ молодому ротмистру быть болѣе откровеннымъ, тѣмъ болѣе со мной, котораго онъ зналъ только по доброму имени.

Въ жандармскомъ управленіи онъ меня ввелъ въ маленькій кабинетъ и любезно предложилъ стаканъ чая съ булкой, принятые мною съ благодарностью, т. к. дома мнѣ было не до ѣды. Вошелъ полковникъ Андреевъ, какъ мнѣ тогда казалось, мой злѣйшій врагъ, и не поздоровавшись сѣлъ за письменный столъ. У меня невольно запечатлѣлись формы его рукъ, которыя онъ показывалъ со всѣхъ сторонъ, то перелистывая бумаги, то наклоняясь надъ столомъ, упираясь въ него руками. Въ этомъ кабинетѣ я просидѣлъ нѣсколько часовъ, ожидая рѣшенія дальнѣйшей участи. Наконецъ ротмистръ Козловскій мнѣ передалъ, что я не буду допрошенъ, но онъ обязанъ мнѣ сообщить непріятную новость объ арестѣ. О времени допроса онъ ничего не знаетъ и проситъ расписаться подъ постановленіемъ. Въ комендантское управленіе ѣхали мы на извощикѣ. Меня сопровождалъ жандармскій унтеръ офицеръ. Всѣ жандармскіе солдаты, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать были люди довольно развитые и отлично дисциплинированы. Мнѣ ни разу не пришлось натолкнуться на грубость, и казалось, что въ ихъ душѣ врядъ-ли скрывалось столько подлости, сколько гнѣздилось въ душѣ ихъ начальства.

Въ комендантскомъ управленіи сразу исчезли слѣды цивилизованнаго міра. Все зданіе, какъ снаружи, такъ и внутри, было запущено и дышало отсутствіемъ малѣйшаго намека на порядокъ. Мнѣ стало тошно при входѣ въ это страшное логовище, изъ котораго несло навстрѣчу специфическое испареніе смѣси махорки, грязнаго платья, пота и дегтя. Не замѣчалось ни какой системы въ распредѣленіи комнатъ; какой то темный корридоръ съ дверьми безъ надписей. Никто не зналъ куда ему обращаться и только сыпалась ругань, если кто либо совался не въ ту нору, куда слѣдовало. Въ корридорѣ встрѣтился комендантскій адьютантъ Врайчевскій, всегда очень вѣжливый при частныхъ служебныхъ встрѣчахъ. Онъ и теперь, увидѣвъ меня, быстро пошелъ навстрѣчу, но едва я пробормоталъ, что являюсь арестованнымъ, какъ его рука протянутая для привѣтствія, быстро опустилась, и онъ потребовалъ отъ жандарма сопроводительную бумагу. Читать ее онъ пошелъ въ другую комнату. Оставшись одинъ, я едва успѣлъ присѣсть въ углу на стулъ какъ вошелъ солдатъ съ винтовкой и сказалъ: „арестантъ Будбергъ, идите! Черезъ переполненный публикой корридоръ пришли въ караульное помѣщеніе. Нельзя было разсмотрѣть лицъ въ маленькой комнатѣ, набитой народомъ, такъ густо стоялъ тамъ паръ и дымъ. Присѣсть было некуда, и я опустился на полъ. Ввели еще арестованнаго Шамеса Линскаго. Наконецъ, черезъ часъ, подъ большимъ конвоемъ стариковъ дружинниковъ, одѣтыхъ въ довольно неопрятную форму, насъ повели по Большому проспекту, мимо Штаба Округа и Управленія Дороги къ поселку 15-го госпиталя, гдѣ находилась гарнизонная гауптвахта.

Едва ли было простой случайностью, что наше шествіе мимо Управленія Дороги совпало съ окончаніемъ занятій и нѣсколько тысячъ служащихъ получили возможность полюбоваться не заурядной картиной. Къ тому же на мнѣ была служебная фуражка, а за спиной, какъ у заурялнаго арестанта — маленькая сумочка. Между Штабомъ Округа и Управленіемъ Дороги шествіе остановилъ комендантъ города капитанъ Бауэръ, шедшій намъ навстрѣчу. Онъ спросилъ: знаетъ ли его старшій конвоя, и получилъ отрицательный отвѣтъ. Послѣдовалъ экзаменъ обязанностей конвоировъ. Наконецъ, потребовавъ попутный листъ, Бауэръ разрѣшилъ идти дальше, и по прибытіи на мѣсто, держать насъ въ караульномъ помѣщеніи до его пріѣзда съ инструкціями.

Бауэръ прекрасно зналъ, что по крайней мѣрѣ неумѣстно останавливать конвоируемыхъ на дорогѣ, и при многочисленной публикѣ производить экзаменъ конвою, такъ какъ изъ этой публики меня многіе знаютъ. Но, нося нѣмецкую фамилію, онъ никогда не упускалъ случая показать свою національно-русскую приверженность, презирающую яко бы по убѣжденію все нѣмецкое; онъ не упускалъ случая поиздѣваться надъ нѣмцемъ, разъ къ тому являлась безнаказанная возможность. Не только мнѣ, но и другимъ пришлось испытать этотъ своеобразный патріотизмъ, позволявшій ему просто засѣсть въ тылу, на приличномъ разстояніи отъ фронта, гдѣ онъ, какъ кадровый офицеръ, могъ отстаивать свои чисто русскія убѣжденія. Не мало знакомыхъ встрѣтилось по дорогѣ, но всѣ отворачивались и только, то тутъ, то тамъ раздавались китайскія привѣтствія, подбадривавшія меня, и глубоко западавшія въ сердцѣ. Боже,—гдѣ они, не христіане, изъ низшихъ слоевъ человѣческаго бытія нашли эту глубину души? Изъ больного сердца моего невольно выступили слезы...

Переходя оврагъ, ниже базара, у выхода на дорогу, я поднялъ подкову, обрадованный находкой, по повѣрью приносящей счастье, мнѣ было больно, когда суровый конвоиръ приказалъ ее бросить. „Развѣ вамъ обидно, что мнѣ Богъ посылаетъ счастье? спросилъ я. Будьте же и вы добрымъ, я съ вѣрой положу находку въ сумку, и справедливый Богъ поможетъ намъ. Вѣдь меня не обыскивали передавая вамъ, и подкова ни кому помѣшать не можетъ“.

„Брось, тебѣ говорю“, послѣдовалъ суровый окрикъ. Что ему было за дѣло до чужой вѣры...

Наконецъ, прибыли на гауптвахту; насъ всѣхъ ввели въ караульное помѣщеніе и приказали сѣсть на нары, изъ за грязи пола не было видно. Вотъ гдѣ, подумалъ я раздолье клопамъ, дружно живущимъ съ обитателями наръ и стѣнъ.

Нами, какъ шпіонами, видимо заинтересовались... Вѣшать ихъ будутъ, „послышались возгласы молодцовъ вмѣсто привѣтствій. Это не тюрьма, гдѣ ни кто себѣ не позволялъ подобныхъ шутокъ. — Прошло порядочно времени, насъ повели въ дежурную комнату и обыскали. Отобрали часы, кошельки съ деньгами; золото и кредитки подсчитали и они перешли въ карманъ завѣдывающаго, для расходованія на наше пропитаніе. Я просилъ разрѣшенія оставить у себя драгоцѣнный нефритъ изъ могилъ ханской Династіи, амулетъ, съ которымъ я никогда не разставался. Просьбу удовлетворили, оставивъ „чудаку“ его святыню. Послѣ обыска насъ повели въ солдатскій баракъ, и какъ важныхъ „уголовныхъ арестантовъ“ разсадили по одиночкамъ. Здѣсь я увидѣлъ Томсона и раввина Киселева. Камера узкая; клоповъ масса. Я не ѣлъ цѣлый день и меня тошнило. На просьбу дать мнѣ кусочекъ хлѣба и хотя бы стаканъ воды, послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ: „не полагается, — вы гражданскій чинъ“! Того же отвѣта удостоились Томсонъ и другіе.

Слѣдующій день также прошелъ безъ пищи и питья. Только уже 18 октября, послѣ полудня, меня перевели въ офицерскій баракъ, въ одиночную камеру, довольно приличную — съ кроватью, ночнымъ столикомъ, столомъ и стуломъ. Передали пищу, присланную, будто бы, отъ акушерки А—вой: — хлѣбъ и воду. Едва я проглотилъ нѣсколько кусковъ, какъ подъѣхали на извощикѣ два жандарма и повезли меня на допросъ въ жандармское управленіе. Это были вѣжливые и воспитанные молодые люди, довольно разговорчивые, но получалось впечатлѣніе, что тема имъ была задана заранѣе. Одинъ жаловался на хроническую болѣзнь и желалъ у меня лечиться, надѣясь, что въ этомъ я ему не откажу по своемъ освобожденіи. Такъ какъ мужчинъ я не лечу, то предложилъ ему обратиться къ фельдшеру Горстину, но жандармъ не унимался сводя разговоръ все на эту же тему, какъ будто экзаменуя меня. Другой, сидѣвшій рядомъ, старался обратить мое вниманіе на пачку писемъ вь бѣлыхъ конвертахъ, держа ихъ въ рукахъ. Коснувшись мимоходомъ ареста Томсона, жандармъ высказалъ предположеніе о его скоромъ освобожденіи. Онъ разсказалъ о восьми отобранныхъ письмахъ. Письма меня мало интересовали, но лишь увеличили многія мои догадки.

Въ Жандармскомъ Управленіи, въ большомъ кабинетѣ меня любезно встрѣтили Прокуроръ Сульжиковъ и Ротмистръ Бокастовъ. Сульжиковъ былъ въ новомъ очень элегантномъ мундирѣ и разыгрывалъ воспитаннаго и любезнаго джентльмена. Онъ хотѣлъ казаться такимъ, но это стараніе придавало картинѣ довольно смѣшной видъ. „Странно,—какое совпаденіе! Мнѣ приходится теперь, вамъ, борцу съ опіеторговлей предъявлять обвиненіе по опійному дѣлу“. И онъ разсказалъ о найденномъ въ корзинкѣ Шитца, взятой мною на храненіе, опіѣ. Любезно попросивъ сѣсть у большого письменнаго стола, противъ него и Ротмистра Бокастова, Сульжиковъ извинился, что не можетъ предложить мнѣ сигары, т. к. имѣетъ только одну, которую куритъ, но если я желаю то могу курить свои папиросы. Было смѣшно смотрѣть на Сульжикова, не привыкшаго къ сигарамъ: онъ нервно сосалъ большую сигару, окутываясь дымомъ, нервно вертѣлся на стулѣ и часто перешоптывался съ Бокастовымъ. Далѣе, въ продолженіи допроса, то одинъ, то другой выходили въ сосѣднія комнаты.

Вся инсценировка допроса носила театральный характеръ: около стѣны находились мой большой китайскій ящикъ и какія то корзины; на двухъ столахъ—большая выставка фотографій моихъ и Штефлера. Между прочимъ

фотографія моего парохода съ перспективой Сунгарійскаго моста вдали, — были и снимки Штефлера съ Инженера Вишняковскаго изъ Имяньпо, разныя письма и что меня болѣе всего удивило и возмутило—мой китайскій ящикъ обтянутый бѣлой кожей, особенно тщательно запечатанный моими и сыскного отдѣленія печатями, содержавшій всѣ мои денежныя документы, ключи отъ котораго находились при мнѣ. Всѣ печати, наложенныя при обыскѣ на ящики и корзины, были сорваны, а у бѣлаго ящика еще и оторванъ висячій китайскій замокъ. На мой протестъ Сульжиковъ цинично отвѣтилъ, что онъ охотно уплатитъ за порчу замка: „Ну что же это можетъ стоить? какія нибудь 15 или 20 копѣекъ“... „Дѣло не въ порчѣ, а въ беззаконіи и насиліи“, отвѣтилъ я. Они засмѣялись надъ моимъ предложеніемъ занести этотъ фактъ въ протоколъ, нашли такъ же излишнимъ показать корзину съ опіемъ. Тогда я обратился къ Прокурору со слѣдующими словами: „Прошу васъ г-нъ Прокуроръ, внести въ протоколъ, что я требую, если все затѣянное противъ меня дѣло окажется провокаторскимъ, что бы всѣ виновные были привлечены къ отвѣтственности и судимы такъ же строго, какъ сами шпіоны, согласно приказа Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича“. — „Этотъ приказъ долженъ быть моей защитой“.

Мое требованіе, видимо, сильно встревожило Прокурора и онъ сталъ увѣрять, что если окажутся ложные доносчики, то они будутъ привлечены къ отвѣтственности, но этого не слѣдуетъ вносить въ протоколъ, такъ какъ законъ, самъ по себѣ, самымъ строгимъ образомъ караетъ такіе доносы. Мнѣ глубоко врѣзалось въ память выраженіе лица ротмистра Бокастова — это была какая то смѣсь подлости съ радостью отъ сознанія и ощущенія власти надъ беззащитнымъ человѣкомъ. Сульжиковъ былъ смущенъ прямотой и быстротой моихъ отвѣтовъ на его и Бокастова вопросы, по большей части до смѣшного глупые вродѣ: „Для чего вамъ понадобилось снять Сунгарійскій мостъ?“—„Былъ снятъ не мостъ—а видъ на рѣку и мой пароходъ, гдѣ въ дали видна часть моста“. Сульжиковъ заявилъ, что съ послѣднимъ рейсомъ на пароходѣ выѣхала большая партія военноплѣнныхъ бѣглецовъ, на что я возразилъ съ горячностью: „Если это такъ, то не мнѣ, а вамъ надо быть подъ слѣдствіемъ, т. к. береговая полиція, обязанная строжайшимъ образомъ контролировать пассажировъ-европейцевъ подчинена не мнѣ а вамъ, какъ прокурору. Я ничего не понималъ: всѣ эти глупые вопросы, съ какими то записками отъ Американскаго Консула, казалось, исходили изъ заведенія для помѣшанныхъ. Сульжиковъ видимо терялъ надежду запутать меня и выкрутиться самому. Онъ не замѣчалъ, что движеніями рукъ и ногъ, онъ выдавалъ свое волненіе, прислушиваясь къ подбадриваніямъ Бокастова, что-то нашептывавшаго ему на ухо. Сульжиковъ попросилъ вынуть изъ ящика наиболѣе интересныя письма, по возможности Штефлеровскія. Въ тотъ моментъ когда я подошелъ и наклонился къ ящику, открылась дверь и вплотную со мною встала какая то ужасающая фигура въ плохомъ лѣтнемъ пальто; лицо было закрыто маской, или толстымъ слоемъ гримма. Въ первый моментъ мнѣ показалось, что это галюцинація, но нѣтъ . . . я видѣлъ ясно . . . Эта фигура, все время вплотную со мною, держала руки вытянутыми впередъ, какъ будто желая принять вынутыя изъ ящика бумаги, Сульжиковъ нервно вертѣлся по комнатѣ, переходя съ мѣста на мѣсто, то перелистывалъ бумаги, то улыбаясь, смотрѣлъ на меня и фигуру. Присматриваясь къ протянутымъ рукамъ, я невольно вспомнилъ сцену, еще свѣжую въ памяти, когда полковникъ Андреевъ вертѣлъ руками у меня передъ глазами, какъ бы желая показать ихъ со всѣхъ сторонъ. Я не могъ понять, для чего этимъ господамъ понадобилась такая инсценировка съ приглашенною ими замаскированною ужасною личностью.

Не только во время ужасающаго заключенія на гауптвахтѣ, гдѣ я все еще отожествлялъ эту личность съ полковникомъ Андреевымъ, но и долго

послѣ того, меня будили страшные сны, въ которыхъ я снова видѣлъ это отвратительное лицо. Во всякомъ случаѣ Сульжиковъ не въ первый разъ инсценировалъ такіе допросы, упражняясь въ этомъ раньше. Не даромъ Горстинъ выразился:... „выѣзжаетъ на смертникахъ"...

Правда, я былъ любителемъ сильныхъ ощущеній, но ради ихъ самихъ, ради изученія разныхъ таинственныхъ силъ, я никогда не прибѣгалъ къ опытамъ за счетъ другихъ лицъ.

Сколько ночей въ своей жизни я провелъ на кладбищахъ, въ склепахъ около гробницъ, на мѣстахъ казней и страшнѣйшихъ преступленій, у труповъ, и вообще тамъ, гдѣ по разсказамъ являлись духи. Я старался дать свободу ощущеніямъ и правда, — бывало, и я видѣлъ этихъ духовъ, такъ же какъ и другіе, но они пугали меня не долго, я бралъ себя въ руки и не помню случая, гдѣ бы всѣ эти явленія не приняли бы естественной оболочки, только тутъ и тамъ оставляя, какъ загадку, неизвѣстную природную силу, напримѣръ: гипнотизмъ, передачу мыслей на далекое разстояніе, сомнабулизмъ и пр.

Фонъ-Арнольдъ обрисовалъ меня какъ человѣка будто бы вѣрующаго въ существованіе духовъ, но онъ забылъ свои слова обо мнѣ, какъ о талантливомъ разскащикѣ, поэтически и увлекательно передающемъ о разныхъ переживаніяхъ. Онъ слышалъ мой разсказъ о духѣ стараго пріятеля Дика, но не понялъ, что это уже вошло въ таинственный міръ, въ сферы абстрактныя, не отъ міра сего.

Послѣ всего этого составили протоколъ допроса, и я отправился обратно на гауптвахту, взявъ письмо Ан—вой, и двѣ свѣчи, любезно предложенныя мнѣ Сульжиковымъ, т. к. моя камера не освѣщалась.

Я былъ и буду конфуціанистъ, незнающій жизни міра въ полной ея глубинѣ, какъ же я могу знать: что такое смерть, и что сокрыто за гранью жизни вообще?

Не можетъ существовать для меня вѣры въ догматы, кующіе цѣпи рабства моей душѣ въ людской тьмѣ. Зная безпредѣльность безвременной жизни въ кругѣ вѣчности вселенной, и зная многія связи въ ней, мнѣ какъ покорному ученику, дано знать не мало жизненныхъ тайнъ, но знать самого Бога не дано людямъ, такъ же какъ и мнѣ.

Чую я необъятнаго Бога во всемъ. Живу въ Немъ, но игрушкою ума людского сдѣлать Его противно душѣ моей!

Не людямъ быть учителями духовныхъ моихъ знаній. Учитъ меня сама жизнь, и ея законы вѣчнаго творенія. Свободны души моей полеты высокихъ и многихъ чаяній, идущихъ изъ вѣчности въ вѣчность, и я не теряю связи съ Единымъ Духомъ во всей вселенной.

Грустно и противно мнѣ писать о мерзостяхъ людскихъ душъ.

Сама тюремно-полицейская служба моя, ставила меня въ обязанность углубляться моимъ умомъ въ тайники людскихъ душъ и открывать всѣ ихъ скверности; и только теперь понялъ я, какъ неспособенъ былъ въ то время проникнуть въ самую глубину людской мерзости—познакомившись съ Бокастовымъ, Сульжиковымъ и многими родственными имъ мелкими агентами, какъ-то: Эструпомъ, Агасферомъ, Шпекомъ и т. п. героями повѣсти моей.

Описанная сцена, разыгранная въ жандармскомъ управленіи прокуроромъ Сульжиковымъ, какъ режиссеромъ и актеромъ, открыла передо мною совершенно иной свѣтъ въ своей темнотѣ!

Рѣшеніе мое принять чашу всѣхъ страданій было непоколебимо, — и „*двѣ свѣчи*", какъ символъ, я принялъ изъ рукъ духовъ тьмы...

Путь тернистый мой еще впереди. Отлученный отъ всего свѣта, перешелъ я *порогъ*, и позналъ, что, и для меня выдти къ свѣту предстоитъ далекій путь величайшихъ страданій...

Копія протокола:

1915 года октября 18 дня, въ г. Харбинѣ, я жандармскаго полицейскаго управленія К. В. ж. д. ротмистръ Бокастовъ, на основаніи ст. 1035 Уст. Угол. Суд. въ присутствіи прокурора окружнаго пограничнаго суда А. Д. Сульжикова, съ соблюденіемъ 403 ст. того же устава, допрашивалъ нижепоименованнаго, въ качествѣ обвиняемаго, который показалъ:

Беннингсаузенъ - Будбергъ Рожеръ Александровичъ, 49 лѣтъ, баронъ, приписанъ къ babemъ дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній. Мѣсто рожденія обвиняемаго: губернія Ковенская, уѣздъ Поневѣжскій, или Понѣмунь—тоже Будбергъ, постоянное мѣстожительство съ 1906 года въ г. Харбинѣ, рожденіе брачное, подданство русское, народности нѣмецъ, религія лютеранская, окончилъ Юрьевскій университетъ въ 1895 году, семейное положеніе: женатъ по китайскому обряду на китайской подданной Ли, имѣю дочь 6 лѣтъ по имени Джун-дэ-хуа. Этотъ бракъ по русскимъ законамъ не считается дѣйствительнымъ, родственныя связи: мать Александра Іосифовна, рожд. Анрепъ - Эльмптъ, старшій братъ Іосифъ, членъ тобольскаго окружного суда, второй братъ Готгартъ— живетъ съ братомъ въ Тобольскѣ, третій Вильгельмъ (Василій) о немъ свѣдѣній не имѣю. Сестеръ четыре: Марія Беллони, замужняя, живетъ въ Римѣ, Цецилія Дистельхорстъ живетъ въ Дрезденѣ, графиня Антуанета Рачинская, живетъ въ Познаніи и Александрина — живетъ въ Америкѣ. Занятіе или ремесло: Докторъ - медицины и тюремно-городовой врачъ г. Харбина. Былъ ли за границей: былъ въ Германіи въ 1893 г., ѣздилъ туда по дѣламъ наслѣдства. Моя родная бабушка графиня Цецилія Эльмптъ, имѣла замокъ въ Рейнландѣ, въ Пруссіи. Отношеніе къ воинской повинности: послѣ японской войны освобожденъ Высочайшимъ приказомъ отъ состоянія въ запасѣ. Имѣлъ ли недвижимое имущество во время совершенія приписываемаго ему преступленія? два дома въ Харбинѣ. Прежняя судимость: подъ судомъ не состоялъ. На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю, что я не признаю себя виновнымъ въ предъявленномъ мнѣ обвиненіи и объясняю, что я не вступалъ никогда ни въ какія сношенія съ подданными враждующихъ съ Россіей державъ, и рѣшительно не имѣю ни какого отношенія къ ихъ побѣгамъ. Съ американскимъ консуломъ Мозеромъ я знакомъ, но никогда не было случая, чтобы Мозеръ посылалъ ко мнѣ кого либо изъ военно-плѣнныхъ съ просьбой оказанія ему содѣйствія. Равнымъ образомъ, категорически заявляю, что на моемъ пароходѣ, крейсирующемъ вверхъ по Сунгари до Бодунэ, никогда не было случая провоза военно-плѣнныхъ, и что въ этомъ отношеніи командиръ парохода Шпекъ, по моему убѣжденію, находится внѣ всякихъ подозрѣній. Почеркъ американскаго консула Мозера я знаю плохо и не могу сказать его ли рукой написана предъявленныя мнѣ записки (предъявлены записки, пріобщенныя къ дознанію съ адресомъ доктора Будбергъ). Если консулъ дѣйствительно написалъ эти записки, я не могу объяснить причины такого его дѣйствія. Помимо всего, содержаніе записокъ безсмысленно, т. к. мой адресъ указывается: 1) въ Фудзядянѣ, гдѣ у меня нѣтъ ни дома, ни квартиры, и гдѣ я никогда не бываю и 2) въ Старомъ Городѣ, на Пристани. Долженъ прибавить, что послѣдніе полтора мѣсяца Мозеръ ни разу со мной не встрѣчался и не былъ ни разу у меня, что меня немного удивило, т. к. я лѣчилъ Мозера, и казалось бы, что онъ по отношенію ко мнѣ долженъ былъ быть болѣе вѣжливымъ. Насколько припоминаю съ американцемъ Ведекиндомъ, проживавшимъ въ Харбинѣ, я знакомъ не былъ, и никогда его не видалъ. Кажется мнѣ, что этотъ господинъ жилъ у бельгійскаго консула Гроажана, съ которымъ у меня произошло крупное недоразумѣніе на почвѣ денежныхъ расчетовъ, результатомъ чего было прекращеніе личнаго знакомства.

Съ германскимъ подданнымъ Августомъ Штефлеромъ, я хорошо знакомъ и очень съ нимъ друженъ. Раньше Штефлеръ былъ миссіонеромъ во

французской миссіи, а за годъ до войны поступилъ на службу въ фирму Нюманъ, въ качествѣ агента по скупкѣ зерна. Я являюсь поручителемъ за Штефлера передъ этой фирмой въ суммѣ 45,000 рублей, согласно предъявленнаго мнѣ письменнаго договора (договоръ предъявленъ на нѣмецкомъ языкѣ, обнаруженъ былъ при обыскѣ у обвиняемаго). Заявляю, что въ этомъ поручительствѣ для меня ни какого риска не было. Въ настоящее время Штефлеръ проживаетъ въ Бодунэ и на службѣ у Нюмана не состоитъ. Штефлеръ уѣхалъ изъ Харбина вскорѣ послѣ объявленія войны съ Германіей, причемъ отъѣздъ его состоялся до назначеннаго администраціей срока, т. е. до 28 іюля 1914 года. Моя переписка съ Штефлеромъ находится среди отобранныхъ у меня бумагъ, и будетъ мною самимъ указана. На предъявленныхъ мнѣ трехъ фотографическихъ снимкахъ (предъявлены три снимка, отобранные при обыскѣ) европеецъ въ китайскомъ платьѣ — есть Штефлеръ. Снимки эти мною получены отъ него. Подтверждаю, что обнаруженная у меня небольшая японская корзинка, запертая на замокъ, — принадлежитъ электротехнику Шитцу, проживающему на ст. Пограничная. Съ Шитцемъ я знакомъ мало, но мѣсяцъ тому назадъ Шитцъ, въ мое отсутствіе, привезъ эту корзинку и просилъ ее оставить у меня. По объясненію Шитца, въ этой корзинкѣ находились тяжелыя части отъ электрическихъ машинъ. Корзина была доставлена днемъ, а вечеромъ явился Шитцъ съ просьбой сохранить ее. Я согласился, она была поставлена въ кабинетѣ, гдѣ ее нашли... Нѣкоторое время спустя, когда именно — я не помню, ко мнѣ пріѣхала изъ Пограничной жена доктора Гильдебрандта, которая отъ имени Шитца, просила меня выдать ей эту корзинку, которую она передастъ какимъ то знакомымъ. Я сказалъ, что корзина меня нисколько не стѣсняетъ, и ей ея не выдалъ. Послѣ этого она уже съ мужемъ вторично была у меня по этому поводу, но я сказалъ, что пусть за этой корзинкой пріѣдетъ самъ Шитцъ.

Помню,—я говорилъ доктору Гильдебрандту, что мнѣ угрожаетъ обыскъ, т. к. я все время, въ виду циркулировавшихъ слуховъ обо мнѣ на политической почвѣ, ожидалъ обыска. Заявляю, что я не зналъ, что въ этой корзинѣ находился опіумъ. Добавляю, что г-жа Гильдебрандтъ должна была передать корзинку знакомымъ по порученію Шитца. Съ проживающимъ въ Харбинѣ Кегелемъ я знакомъ, за послѣднее время мы часто стали видѣться, такъ какъ у меня есть нѣмецкія газеты, и кромѣ того Кегель часто ѣздилъ на Пристань лѣчить зубы, и заѣзжалъ ко мнѣ. Съ Александромъ Эструпомъ, мнѣ пришлось встрѣтиться года четыре тому назадъ. Онъ обратился ко мнѣ за помощью, ссылаясь на свое крайне бѣдственное положеніе, и я ему оказалъ денежную помощь, и направилъ его къ Нотаріусу Кайдо, какъ горнаго инженера, въ которомъ Кайдо нуждался. Изъ собранныхъ мною потомъ справокъ, я пришелъ къ убѣжденію, что Эструпъ аффернстъ. Предъявляемая мнѣ корзина (предъявлена большая японская корзина, отобранная при обыскѣ) принадлежитъ вѣроятно Степану Гарбузу, который жилъ у меня. Этотъ Гарбузъ былъ призванъ на военную службу и находится нынѣ въ дѣйствующей арміи, откуда я получилъ отъ него одно лишь письмо. Съ Германомъ Килемъ я не знакомъ, и эту фамилію слышалъ впервые. Лѣтомъ я какъ то былъ у Кегеля; былъ тамъ одинъ и никого не видѣлъ. А вскорѣ послѣ этого въ квартирѣ Кегеля былъ арестованъ Эструпъ. Пребываніе тамъ Эструпа было мнѣ совершенно неизвѣстно. Категорически заявляю, что съ Эструпомъ я не видѣлся, и никакихъ разговоровъ у Кегеля съ нимъ не велъ. Эструпъ меня тоже не видѣлъ и даже не могъ видѣть. Пріѣзжалъ я къ Кегелю на своихъ бѣлыхъ лошадяхъ. Протоколъ записанъ съ моихъ словъ вѣрно, и мнѣ прочитанъ, но заявляю, что не чувствую за собою никакой вины и являюсь жертвой ложнаго доноса. Затѣмъ слѣдовали подписи: моя, Бокастова и Сульжикова.

———

ГАУПТВАХТА.

Вернувшись въ камеру, я прочиталъ письмо г-жи Ан-вой. Она меня успокаивала, сообщая о заботахъ жены по дому. Я подумалъ, что хотя мать и дочь въ мукахъ, но Богъ будетъ къ намъ милостивъ, и съ этой мыслью, отлученный отъ всего, что было близко моему сердцу,—погрузился въ сонъ.

Странные порядки существовали на гауптвахтѣ: какъ гражданскій чинъ я не пользовался правомъ на какое либо довольствіе отъ Военнаго вѣдомства, и это строго проводилось въ жизнь до конца ареста. Администраціи не было ни какого дѣла, если мнѣ не приносили пищи, и я свободно могъ умереть съ голоду. Я и на свободѣ былъ достаточно измученъ діэтой, т. к. страдалъ камнями печени, суженіемъ кишечника и пр. болѣзнями, и почти незналъ безболѣзненныхъ дней. Не долго г-жа Ан-ва, знавшая состояніе моего здоровья, присылала хорошую пищу. Вскорѣ присылка эта стала невозможной, послѣ восьмиверстнаго пути застывала и подавалась подогрѣтой. Однажды я получилъ только двѣ головы селедки, на другой день только два хвоста. А то получалъ кашу, и въ ней находилъ кусочекъ бумаги съ большими буквами: „ходъ". Меня увѣряли, что Ан-ва присылаетъ такую пищу, и моему возмущенію не было границъ. Было видно, что это одно издѣвательство, но не со стороны Ан-вой, а чьей-то другой. Я требовалъ казенную пищу, и неизмѣнно получалъ отвѣтъ: „вамъ, какъ гражданскому чину, не полагается".

Когда я сталъ совсѣмъ уже изнемогать, мнѣ стали приносить удовлетворительный столъ изъ госпиталя, но въ другомъ отношеніи я попалъ въ отчаянное положеніе: мнѣ изъ дому перестали привозить бѣлье, спички и мыло. Очевидно, фельдфебель Сиротинъ, который принималъ отъ боя-китайца присылаемое мнѣ, не считалъ нужнымъ ему сообщать, что именно мнѣ было необходимо, и я мѣсяцами не получалъ мыла, не имѣя возможности вымыть носки и бѣлье, превращавшіяся въ тряпки. Чувствительнѣе всего обстояло дѣло съ постѣльнымъ бѣльемъ. Одѣтый въ лохмотья я служилъ потѣхой обитателямъ гауптвахты. Часто слышались ихъ возгласы: „видно, что человѣкъ ненормальный".

Въ этомъ ужасномъ положеніи всякіе пустяки доставляли мнѣ радость, какъ ребенку. Я былъ цѣлый день счастливъ, когда въ умывальникѣ нашелъ отломанный кусочекъ мыла, но достаточно было узнать объ этомъ служителямъ, какъ противнѣйшіе эти типы, старались лишить меня подобныхъ подарковъ, внимательнѣе наблюдая за умывальникомъ. Какъ то разъ, прислали большую мѣдную посудину, въ которой варятъ опій. Я ее купилъ на толкучкѣ въ Фудзядянѣ. Этотъ тазъ находился при дѣлѣ, какъ вещественное доказательство, и мнѣ, какъ „опіеторговцу" очевидно желали напомнить объ этой профессіи, и доставить всѣмъ на гауптвахтѣ лишнюю потѣху надъ „оборванцемъ". Сколько, однако, утѣшенія доставилъ своимъ блескомъ этотъ большой тазъ, служившій не только для умыванія, но и для стирки бѣлья. И теперь на свободѣ—я съ нимъ не разстаюсь, и мнѣ его не можетъ замѣнить, даже серебрянный.

Послѣ мнѣ стало извѣстно отъ моихъ родныхъ, что онѣ доставляли мнѣ многія вещи и предметы первой необходимости, но я ихъ не получалъ, и куда они дѣвались, не знаю.

Курить разрѣшали, но изъ дому по долгу не присылали табаку. Какое было мученье безъ куренья: я выбиралъ изъ умывальника выплеснутые чайные листья, сушилъ ихъ, и курилъ, но и это замѣтили, и я уже не находилъ добычи въ умывальникѣ. Я собиралъ во дворѣ листья вяза, но отъ нихъ во рту и гортани получалось воспаленіе. Меня увѣряли, что и жена томится въ тюрьмѣ. Но, наконецъ она прислала мнѣ вдоволь: табаку, бѣлья, спичекъ, и пр. Я болѣлъ за нихъ душой, зная, что жена и дочь и старуха няня, голо-

дали въ неотопленномъ домѣ. Особенно тяжело было пережить тогдашнюю суровую зиму. Шпеку, не имѣвшему ни какой отъ меня довѣренности, предоставили право безконтрольно распоряжаться всѣмъ моимъ имуществомъ, хотя самъ слѣдователь, отзывался о немъ, какъ о большомъ жуликѣ. Но верхъ издѣвательства въ распоряженіи моими цѣнностями, было то, когда прислали мнѣ чековую и банковую книжки съ сопровождающей бумагой отъ слѣдователя Стразова. — Въ этомъ извѣщеніи, прочитанномъ мнѣ завѣдывающимъ гауптвахтой офицеромъ Дикуновымъ сообщалось, что на моемъ текушемъ счету въ Русско-Азіатскомъ Банкѣ имѣется восемь тысячъ рублей (на самомъ дѣлѣ было менѣе одной тысячи) и что мнѣ разрѣшается выписывать чеки моему уполномоченному Шпеку, *или тѣмъ лицамъ, которыхъ укажетъ слѣдователь.* Потомъ описывалась длинная формальность, необходимая при выпискѣ чека, — это было чистымъ издѣвательствомъ, какъ будто дѣло шло о составленіи государственнаго акта: при рукоприложеніи требовалось присутствіе завѣдывающаго гауптвахтой и еще двухъ офицеровъ. Въ чековой же книжкѣ оставалось всего два чека.

Возмущенный насиліемъ, я потребовалъ отъ Дикунова копіи съ этой бумаги, но получилъ категорическій отказъ, даже въ разрѣшеніи отмѣтить исходящій номеръ. Дикуновъ не согласился оставить банковую и чековую книжки для подсчета. „Тѣмъ лучше", сказалъ онъ, „что слѣдователь удостовѣряетъ сумму большую, чѣмъ дѣйствительно у васъ имѣется на текущемъ счету, и вы всегда можете потребовать ту сумму, которую онъ указалъ, вѣдь бумага эта будетъ находиться при вашемъ дѣлѣ." Дикуновъ предложилъ выписать чекъ, такъ какъ деньги отобранныя при арестѣ были уже израсходованы на уплату за довольствіе въ госпиталѣ. Но я отказался дать чекъ Шпеку, а также написать прошеніе слѣдователю о разрѣшеніи выписать чекъ на имя жены. Одинъ ли Шпекъ былъ заинтересованъ въ безконтрольномъ распоряженіи моимъ имуществомъ? Не знаю. Можетъ быть и еще кто-нибудь съ нимъ дѣлился, пользуясь матеріальными благами моего труда.

На стѣнѣ въ дежурной комнатѣ висѣла подробная инструкція: „О порядкѣ содержанія обвиняемаго въ государственной измѣнѣ городового и тюремнаго врача барона Будбергъ подъ усиленной стражей", выработанная штабомъ округа и утвержденная прокурорскимъ надзоромъ и слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ. Въ случаяхъ необходимости ко мнѣ могъ заходить только завѣдывающій гауптвахтой. Разговаривать со мною строжайше запрещалось; у дверей камеры долженъ былъ стоять часовой, и не отворачивая головы отъ дверного окошка, непрерывно наблюдать за мной. При моемъ выходѣ обязательно въ сопровожденіи вооруженнаго винтовкой взводнаго, часовой оставался у дверей камеры, и никого не долженъ былъ туда допускать.

Ночь составляла рѣзкій контрастъ съ днемъ: хотя часовой и оставался у дверей, но камера совершенно не освѣщалась, и мнѣ предоставлялось право въ темнотѣ свободно предаваться размышленіямъ надъ своей участью и даже полная возможность закончить всѣ счеты съ невыносимымъ положеніемъ, прибѣгнувъ къ самоубійству. Когда моя воля сопротивляться данному желанію, показалась сломленной, Стразовъ предупредительно прислалъ веревку вполнѣ пригодную для даннаго случая.

Съ перваго до послѣдняго дня заключенія, мнѣ ни разу не дали проспать всю ночь напролетъ, и у меня образовалась привычка, не исчезающая съ годами просыпаться отъ глубокаго сна черезъ извѣстные промежутки времени, при чемъ потревоженный умъ не имѣлъ силы вновь сейчасъ же заснуть. У меня создалось такое впечатлѣніе, что часовымъ было вмѣнено въ обязанность, черезъ каждый часъ или полчаса, такъ прислоняться къ дверямъ моей камеры, чтобы грохоталъ тяжелый замокъ. У часовыхъ были разныя манеры стучать дверью: одни къ ней прислонялись всѣмъ тѣломъ, другіе ударяли въ дверь винтовкой, третьи ногой, и въ общемъ получались

разнообразные звуки, гулко отдававшіеся въ моей камерѣ. Привычка становится второй натурой, и удивительно, какъ это за 13 мѣсяцевъ, я не привыкъ къ специфически громкимъ стукамъ. Нервная система была настолько расшатана, что отъ рѣзкаго шума, я неоднократно вскакивалъ съ кровати и падалъ на полъ. Правда, я самъ отчасти въ этомъ былъ виноватъ, т. к. не сумѣлъ скрыть своихъ мученій, а разъ о нихъ узнавали, то и стремленіе меня помучить превосходило всѣ границы человѣколюбія. Между мѣнявшимися караульными начальниками и дежурными по карауламъ попадались, то болѣе воспитанные, то малограмотные звѣрскіе типы. Большинство изъ этихъ офицеровъ дружинъ ополченія, были унтеръ-офицеры прошедшіе ускоренные офицерскіе курсы. Они часто напивались пьяными и тогда становились хуже животныхъ. Любимымъ ихъ удовольствіемъ было, совмѣстно съ арестованными за пьянство офицерами издѣваться надъ „шпіономъ въ лохмотьяхъ“, натравливая на меня всѣми способами своихъ солдатъ. Это была своего рода школа для разжиганія ненависти въ солдатахъ къ проклятымъ нѣмцамъ. Гадко и не понятно для посторонняго, не знакомаго съ обстановкой, — какъ это люди могли опуститься до такой степени. Очень мало было исключеній; и изъ нихъ наиболѣе яркимъ былъ Рютинъ, большевикъ, прогремѣвшій въ революціонное время. Образованный, начитанный, талантливо трактовавшій всякія научныя темы, онъ не придерживался инструкцій по моей охранѣ. На его дежурствахъ, какъ караульнаго начальника, можно было отдохнуть и тѣломъ и душой. Цѣлыми ночами мы съ нимъ просиживали въ моей камерѣ. Онъ отлично зналъ мое дѣло, и еще лучше зналъ начальника штаба полковника Баранова, спровоцировавшаго меня на гнусной затѣѣ. Не приходится удивляться чувству его отвращенія къ этому строю, среди грубыхъ, недообразованныхъ и развращенныхъ людей. Правда, онъ никогда не вращался въ сферахъ интеллигентныхъ и образованныхъ людей, и ему казалось, что такіе господа, какъ здѣшніе начальствующіе лица, вродѣ полковника Баранова, служатъ основой государственнаго строя, и чѣмъ выше кругъ общества, тѣмъ хуже становится людская мерзость.

Я могъ бы простить этимъ людямъ всѣ ихъ мерзости, если бы былъ дѣйствительно виновенъ, но этого не было, и на гауптвахтѣ всѣ знали, что я страдаю невинно, но избранъ какъ жертва для развитія патріотическихъ инстинктовъ. Мнѣ не разъ пришлось слышать, что не смотря на всѣ страданія, я всетаки долженъ молчать еслибъ былъ вѣрнымъ сыномъ Россіи, или наложить на себя руки, такъ какъ иначе компрометирую все общество и даже народъ.

Трудно опредѣлить, что исходило непосредственно отъ низменныхъ инстинктовъ отдѣльныхъ лицъ и какія издѣвательства являлись слѣдствіемъ неудавшейся провокаціи, во всякомъ случаѣ администрацію нельзя упрекнуть въ игнорированіи какихъ либо способовъ, могущихъ содѣйствовать разрушенію моего организма. Примитивное центральное отопленіе давало возможность въ моей камерѣ и камерѣ напротивъ доводить жару до такой температуры, что положительно становилось нечѣмъ дышать, и я даже раздѣтый до нага, нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ. Когда у меня сильно разболѣлись зубы, я нѣсколько разъ письменно просилъ дать возможность избавиться отъ адской боли, — только черезъ три мѣсяца былъ отправленъ къ зубному врачу, когда въ этомъ уже миновала надобность. Мнѣ больше года не разрѣшали вымыться въ банѣ и только въ послѣдніе мѣсяцы разрѣшили пользоваться госпитальной ванной.

Только два дня я жилъ въ камерѣ на южной сторонѣ, гдѣ лучи солнца короткихъ зимнихъ дней, проникали въ камеру, лаская бѣлыя стѣны и согрѣвая душу, и я смотрѣлъ въ пустынную степную даль и забывъ свое рабство, уносился въ отвлеченный міръ, вслѣдъ за далекимъ паровознымъ дымомъ. Нашлись и собесѣдники — воробьи, щебетавшіе своимъ объ узникѣ, охотно дѣлившимся съ ними хлѣбомъ. Не помогли просьбы оставить меня

здѣсь, и я былъ переведенъ въ другую камеру, на противуположномъ концѣ, съ видомъ на большое отхожее мѣсто, которымъ пользовалась вся команда.

Правда, мѣсто было оживленное, привлекавшее солдатъ ни ѣдкимъ запахомъ, но весельемъ отъ разныхъ разнообразныхъ естественныхъ и не естественныхъ забавъ. Никогда въ жизни мнѣ не приходилось встрѣчать такихъ опустившихся типовъ, не только среди заключенныхъ, но и среди тѣхъ, кто былъ призванъ выполнять служебныя функціи. Однажды на Гауптвахту прибылъ самъ Комендантъ города, въ невмѣняемо-пьяномъ состояніи, и надѣлалъ не мало скандала, когда Караульный Начальникъ не согласился его пустить на гауптвахту въ такомъ видѣ. Къ счастью онъ бывалъ у насъ рѣдко. Не мало переполоха надѣлала стрѣльба, когда напившійся Караульный Начальникъ Т. отнявъ у часового винтовку, началъ его учить, какъ надо съ ней обращаться. Еще большій переполохъ среди заключенныхъ произвелъ какой то Баронъ К., кавалеристъ, въѣхавшій верхомъ поздно вечеромъ въ корридоръ офицерскаго барака. Къ счастью все обошлось благополучно, хотя лошадь и испугалась свѣта керосиновыхъ лампъ въ узкомъ корридорѣ, но люди попрятались въ открытыя камеры. На Пасху привели какихъ то красавицъ, и я долженъ былъ служить предметомъ ихъ развлеченія. Имъ разсказали какой „опасный шпіонъ“ сидитъ подъ усиленной охраной. И дѣйствительно, должно быть я производилъ потрясающее впечатлѣніе... Онѣ, разглядывая меня въ окошко, съ ужасомъ восклицали: „да какой же онъ страшный“!

Продолжительное время содержался подъ арестомъ дѣлопроизводитель Комендантскаго Управленія Неводовъ, бывшій раньше наѣздникомъ у генерала Мартынова. Онъ обвинялся въ вымогательствѣ, отпуская за взятки даже арестованныхъ и, въ компаніи съ другими, съумѣлъ все дѣло по призыву на военную службу, поставить на выгодную коммерческую ногу. Не здѣсь разоблачать нѣдра этого гнѣзда, гдѣ мелкія сошки и солидныя шишки шли рука объ руку въ предательствѣ своего отечества, и не забывали въ патріотическомъ экстазѣ пополнять свои рессурсы.

Неводовъ долженъ былъ содержаться подъ замкомъ, хотя и безъ особо сложной инструкціи, но онъ хорошо зналъ своихъ, — и за хорошую закуску къ водкѣ, а въ крайнемъ случаѣ за денежную подачку—устроилъ себѣ довольно сносную жизнь. Онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми Караульными Начальниками короталъ время за выпивкой и картами, но все же они были недовольны, что къ нимъ помѣстили этого „нѣмца“, который въ концѣ концовъ еще уйдетъ живымъ и пожалуй выдастъ многихъ изъ теплой компаніи.

Около моей камеры помѣщалась дежурная комната, въ которой находились Дежурный по карауламъ и Караульный Начальникъ. Сюда же днемъ и ночью приводили прибывающихъ и отправляемыхъ арестованныхъ, опрашивали ихъ и обыскивали. Всѣ проходившіе интересовались знатнымъ „нѣмецкимъ шпіономъ“, и было бы не патріотичнымъ изъ за дисциплины лишать ихъ удовольствія на него посмотрѣть. До меня доносился такой разговоръ: „на дняхъ рѣшено этого „шпіона“ повѣсить“.

Пьяный арестованный офицеръ Матусевичъ придумалъ себѣ лучшую забаву: не обращая вниманія на часового, не рѣшавшагося съ своей стороны отстранить офицера, онъ подошелъ къ двери, постучалъ въ окошко, и, подозвавъ меня сказалъ: „только что прибылъ Комендантъ, попросите его отложить Вашу казнь, назначенную на завтра. Онъ это можетъ сдѣлать“. Этотъ Матусевичъ по профессіи учитель и довольно образованный человѣкъ, но опустившійся до животнаго безразличія ко всякой культурности. Онъ иногда выказывалъ большую начитанность въ русской и иностранной литературѣ. Его шутка не была вызвана галюцинаціями, а создана низменными инстинктами опустившейся души. Болѣе жалкое впечатлѣніе производилъ другой офицеръ, нѣкто Жезловъ, постоянный обитатель гауптвахты, лишь

на короткое время не отбывавшій наказанія за пьянство. Онъ кончилъ университетъ, обладалъ ораторскимъ талантомъ, и въ былое время, по служебной лѣстницѣ, едва не былъ сдѣланъ губернаторомъ. Опуститься ниже человѣкъ не могъ: умыванія не признавалъ, бѣлье, если таковое было, на тѣлѣ никогда не мѣнялъ и вѣсь кишѣлъ паразитами. Выпивши, ужасно оралъ, требуя отъ окружающихъ почтенія къ своему университетскому значку. Онъ то обнималъ и цѣловалъ бѣднаго солдата правильно отвѣтившаго ему на вопросъ и внушалъ ему быть патріотомъ и ненавидѣть шпіоновъ, то съ поднятыми дрожащими руками угрожалъ судомъ другому, не угодившему ему отвѣтомъ... Всѣ эти алкоголики, нуждавшіеся въ присмотрѣ и госпитальномъ леченіи, пользовались полной свободой и могли даже напиваться, если доставали денегъ.

Но самымъ для меня грознымъ, еще въ жизни не испытаннымъ,—было лишеніе возможности умственнаго труда. Изъ дома были присланы только словари нѣмецко-китайскаго языка и то благодаря надписи: „На добрую память отъ Барона Алексѣя Будбергъ. Крѣпость Владивостокъ, 14 іюня 1910 года". Мнѣ не разрѣшалось имѣть ни кусочка бумаги, ни огрызка карандаша. Внѣ общества книгъ, записей и пр., по которымъ учился, я не бывалъ съ малыхъ лѣтъ, хотя бы самое короткое время. Даже на службѣ, идя съ одного мѣста на другое, я не забывалъ брать съ собою записки съ фразами на китайскомъ языкѣ по исторіи, археологіи и пр. И это не являлось эксцентричностью, но врожденной основой воспитанія.

Какъ памятны мнѣ тѣ вечера, въ кругу родныхъ, гдѣ мы отдыхали, кто читая, кто рисуя, или вышивая и т. д. Какая ужасная разница съ настоящимъ положеніемъ. Запертый въ клѣтку, умственно казненный и окруженный отвратительными личностями—пародіями на человѣческій родъ. Удивительно, какъ я могъ сохранить свой умъ и часть воспитанности въ этой удушливой атмосферѣ. Я много объ этомъ думалъ, и мнѣ остается только поблагодарить воробьевъ, дѣлившихъ мой хлѣбъ въ моей горькой долѣ, мышенка и комара, жившаго вопреки природѣ всю зиму на бѣлой стѣнѣ, меня не обижавшихъ. Я часто мысленно бесѣдовалъ въ ночное время съ этими милыми друзьями, и думая о нихъ, чувствовалъ облегченіе въ ужасныхъ собственныхъ страданіяхъ.

Мнѣ становилось жутко при видѣ лица часового, человѣка грубаго, приставленнаго къ двери, и не спускавшаго ни на минуту съ меня взгляда, и мысли мои, особенно въ лунныя ночи, при ярко мерцающихъ звѣздахъ,—неслись къ моимъ. Я раньше не зналъ и не чувствовалъ той силы ума и внутренней жизни вложенныхъ въ плоть и кровь путемъ воспитанія, не понималъ и ненависти другихъ и невольно, звѣзду горѣвшую на небѣ каждый вечеръ яркими цвѣтами, называлъ своей путеводной звѣздой...

Я хорошо зналъ, что не одинъ втоптанъ въ грязь. Какъ нѣмецъ, былъ радъ, что подобныхъ мнѣ много, и взиралъ на небо, чувствуя витавшій взоръ китайской рабыни, моей спутницы жизни, соединенной со мною въ одномъ стремленіи къ красивой и справедливой жизни.

Я сознавалъ, что вѣрующимъ людямъ, стремящимся къ истинѣ и правдѣ, не даются въ даръ пути осыпанные только розами, и какъ на картинахъ христіанъ изображается дорога къ свѣтлой и праведной жизни, черезъ путь усыпанный терніями,—такъ было и со мной. Я мысленно представлялъ себѣ божественнаго Учителя—Христа въ терновомъ венцѣ, со струящеюся по лицу кровью и его мученія за людей, и за ихъ пороки. Жизнь мнѣ давно давала понять эту правду, и въ пережитые дни я благодарилъ Бога за то, что Онъ, изъ любви ко мнѣ, далъ мнѣ силы нести мой крестъ къ немерцающему Его свѣту.

Возвращаясь изъ театра, или такъ называемаго предварительнаго допроса, я шелъ точно пьяный, ни чего не соображая, но надѣялся, что завтра

опять вызовутъ на допросъ и Прокуроръ Сульжиковъ не позволитъ себѣ дальнѣйшаго насилія. На основаніи того матеріала, который былъ собранъ, не было ни какихъ данныхъ содержать меня подъ стражей, и я видѣлъ, что это сообразилъ и Сульжиковъ послѣ моего заявленія, что не я, а онъ долженъ быть обвиняемымъ, если бы на моемъ пароходѣ дѣйствительно оказалась цѣлая партія военно-плѣнныхъ. Что былъ за военно-пленный Ольденбургъ, которому Мозеръ далъ какія-то непонятныя записки, и о которомъ Сульжиковъ больше ничего не хотѣлъ сказать? Ни слова не было промолвлено про Владивостокскіе планы. Я не могъ сомнѣваться, что прокуроръ былъ въ курсѣ этой провокаціи, но и не могъ себѣ представить прокурора старающимся защитить и дать выходъ преступнымъ провокаторамъ.

День проходилъ за днемъ, а меня не вызывали даже для регистраціи отобранныхъ у меня денежныхъ документовъ. Режимъ, подъ которымъ меня содержали, состоявшій въ полной изоляціи отъ окружающихъ, съ запрещеніемъ даже уборщику подметать пыль, отъ которой можно было задохнуться вмѣстѣ съ отсутствіемъ уликъ, достаточныхъ для оправданія ареста, совершенно ясно давали понять, что все стремленіе Сульжикова было направлено къ тому, чтобы замѣсти собственные слѣды.

Ко всѣмъ невзгодамъ заключенія прибавились нестерпимыя мученія отъ отсутствія соды, безъ которой я положительно не могъ жить. Жена дала мнѣ цѣлую банку, но ее отобрали, и фельдшеръ гауптвахты Котовъ, милостиво далъ мнѣ своей, не больше чайной ложки. Сода мнѣ показалась странной, грубой и жесткой на ощупь, и давая ее Котовъ увѣрялъ, что въ аптекѣ нѣтъ другой, да и эта лежитъ съ давнихъ поръ со стертой латинской надписью.

Я терпѣлъ страшныя муки. Но что же оставалось дѣлать? Къ Котову обращаться не разрѣшали, а израсходовать эту порцію — означало остаться совершенно безъ помощи, въ случаѣ еще худшихъ болей. Наконецъ, однажды вечеромъ, уже раздѣтый, я не выдержалъ и быстро проглотилъ половину Котовской соды, страшно меня обжегшей. Не прошло минуты, какъ меня вырвало и пронесло, раньше чѣмъ я успѣлъ соскочить съ кровати. Страданія были ужасны, и невольно вспомнилось, что такую-же картину мнѣ пришлось наблюдать съ фонъ-Арнольдомъ, на квартирѣ прокурора Сульжикова,—когда онъ выпилъ поданый ему стаканъ чаю, но не успѣлъ допить до дна, какъ у него открылись рвота и поносъ, закружилась голова и онъ, не успѣвъ дойти до уборной, — упалъ. Обильныя рвота и поносъ явно указывали на отравленіе. До прихода къ Сульжикову, фонъ-Арнольдъ выпилъ въ Управленіи Дороги стаканъ чаю и былъ совершенно здоровъ. Меня срочно вызвали на квартиру Сульжикова, гдѣ я нашелъ фонъ-Арнольда почти безъ пульса, въ полусознательномъ состояніи съ лицомъ ціанотическимъ, измѣнившемся до неузнаваемости. Это было въ холодное время года, и о холерѣ не могло быть и рѣчи. Кѣмъ и чѣмъ былъ отравленъ фонъ-Арнольдъ, — осталось не выясненнымъ. Хотя я исключалъ возможность соучастія Сульжикова въ преступленіи, но уже тогда родилась увѣренность, что въ этихъ кругахъ есть темныя силы, готовыя всѣми способами отдѣлаться отъ неугодныхъ имъ лицъ. Жуткія минуты пришлось мнѣ тогда пережить.

Теперь у меня обнаружились тѣ же симптомы отравленія. О какой либо медицинской помощи не могло быть и рѣчи. Боли становились ужасными и съ этого времени я сталъ страдать суженіемъ кишечника. На другой день Котову разрѣшили зайти ко мнѣ, и когда онъ узналъ, что часть соды сохранилась, то сталъ со слезами умолять отдать ее ему, увѣряя о незнаніи сдѣланной имъ ошибки. Я не допускалъ мысли въ сознательномъ соучастіи Котова въ возможномъ преступленіи, и мысль о тяжелой отвѣтственности молодого человѣка, принудила мою совѣсть отдать ему это вещественное доказательство. Напрасно я поддался чувству гуманности, если бы я сохранилъ этотъ ядъ, то быть можетъ предотвратилъ возможность дальнѣйшихъ

попытокъ къ устраненію невинныхъ людей. Какое основаніе было отбирать у меня — врача, тяжело-больного человѣка, мою соду, и взамѣнъ ее давать другую?

Полагая, что нельзя было заключить меня подъ стражу безъ согласія начальства, которое должно бы было ознакомиться съ причиной ареста, я считалъ себя вправѣ требовать, чтобы оно меня услышало и попросилъ у завѣдывающаго гауптвахтой бумаги и чернилъ для прошенія Прокурору. Долго ему пришлось совѣтываться съ Сульжиковымъ, пока тотъ наконецъ согласился. Какъ я потомъ узналъ, рѣшили, что я буду просить помилованія. Вмѣсто этого, какъ служащій дороги, я категорически потребовалъ допроса въ присутствіи генерала Афанасьева, полиціймейстера фонъ-Арнольда и главнаго врача дороги Ясинскаго, которымъ я сдѣлаю сообщенія по существу вполнѣ достаточныя, для выясненія всей картины дѣла.

Въ отвѣтъ Сульжиковъ поставилъ меня въ извѣстность, о невозможности пригласить на допросъ начальствующихъ лицъ, такъ какъ мои преступленія не связаны съ нарушеніемъ служебныхъ обязанностей. Я принялъ этотъ отвѣтъ какъ совершенно обоснованную причину для лица, не желающаго покончить самоубійствомъ передъ лицомъ гласности, хотя бы и не общественной, а административной...

Въ дальнѣйшемъ меня лишили возможности писать какія либо прошенія, совершенно игнорируя законныя требованія арестанта на выдачу бумаги и чернилъ.

Изъ дома не было ни какихъ свѣдѣній, я только слышалъ черезъ стѣну, тамъ, гдѣ проходила труба отъ парового отопленія, разговоры въ дежурной комнатѣ о моемъ дѣлѣ, о судьбѣ семьи и пр.

Такіе господа какъ Неводовъ и Матусевичъ только и наслаждались подобными разговорами. Ничего святого для нихъ не существовало: ни основы супружескаго счастья, ни любовь отца къ ребенку, которыя они старались загрязнить, желая внести подозрѣніе и отчаяніе въ духовную жизнь безсильнаго. Были слышны и другіе разговоры, носившіе вполнѣ систематическій характеръ и относившіеся къ дѣлу. Здѣсь явно исполнялись предписанія людьми, посвященными въ подробности провокацій. Такимъ путемъ я узналъ о существованіи организаціи, имѣвшей цѣлью съ хорошо сплоченными китайцами-хунхузами взрывать мосты, устраивать крушенія поѣздовъ, портить путь и пр. Не было, яко бы, выяснено только участіе въ этихъ шайкахъ жены и меня. Какія существовали данныя объ этомъ, не говорилось. Я ни разу не слыхалъ о верховыхъ экскурсіяхъ моей жены, о которыхъ самъ я не рѣшался разузнавать и только просилъ г-жу Паулинъ выяснить этотъ вопросъ еще передъ моимъ арестомъ.

Я начиналъ думать, что вокругъ меня, дѣйствительно, творятся страшныя дѣла, и въ нихъ принимала участіе жена. Не сомнѣвался также въ ея арестѣ и заключеніи ея въ китайскую тюрьму. Ужасныя сновидѣнія увеличивали мученіе. Я постоянно спрашивалъ Сиротина, приносившаго посылавшуюся Ан—вой пищу: живы ли жена и ребенокъ? Но никогда не вѣрилъ его сухимъ отвѣтамъ, настолько уже я разувѣрился услышать правду. Мучаясь такъ я просидѣлъ съ 18 октября почти мѣсяцъ безъ допроса.

Я видѣлъ не мало казней въ Китаѣ, видѣлъ людей, съ улыбкой склонявшихъ головы подъ мечь палача... Не страшенъ мнѣ палачъ, я считалъ бы его спасителемъ, но страшнѣе былъ высшій приговоръ жить и бороться дальше, въ здѣшней жизни мнѣ, христіанину въ душѣ и вѣрному конфуціонисту.

Въ концѣ октября на гауптвахту привели военно-плѣнныхъ и размѣстили по камерамъ подъ замкомъ. Повидимому это были строго дисциплинированные германцы. Каждое утро одинъ изъ нихъ обходилъ камеры товарищей и спрашивалъ, что каждому нужно? Видно было, что люди были состоятель-

ными, т. к. не стѣснялись пріобрѣтать вещи. Проходя мимоходомъ корридоромъ, я замѣтилъ превращеніе занимаемыхъ ими камеръ въ чистый и уютный видъ. Да и вся гауптвахта приняла сразу другой характеръ. Не стало шума, ругани и криковъ.

Притихли пьянствовавшіе офицеры. Караульные Начальники, очевидно, стѣснялись воспитанныхъ и знающихъ свои права военно-плѣнныхъ. Старшій изъ нихъ чисто говорилъ по русски, и все о чемъ онъ просилъ—исполнялось. Въ камерѣ напротивъ моей помѣщался стройный, высокаго роста молодой человѣкъ, котораго титуловали графомъ. Всѣ эти господа держались удивительно тихо. На прогулку не выходили, и цѣлый день занимались, изучая разные языки. Ни одной минуты у нихъ не проходило даромъ. Въ первый разъ гауптвахта видѣла настоящихъ прусскихъ юнкеровъ. Въ обращеніи со всѣми они были очень вѣжливы, но требовали этого и къ себѣ, и, удивительное дѣло, всѣ подчинились такому тону, и какъ то вполнѣ естественно жизнь на гауптвахтѣ преобразилась. Каждое утро аккуратно въ одно и то же время камеры отворялись одна за другой и появлялись заключенные съ чистыми полотенцами и туалетными приборами. По возвращеніи въ камеры, минутъ пять—десять, каждый занимался гимнастикой къ немалому интересу караула и прочихъ обитателей.

Изъ кухни, гдѣ ставили самовары и мыли посуду, и гдѣ въ углу, въ шкафикѣ находился клозетъ, исчезли черныя изношенныя портянки, которыми раньше вытирали посуду и стаканы. Дикуновъ смилостивился и далъ чистыя полотенца. Не только очистился умывальникъ, служившій свалкой для разныхъ отбросовъ, но и самоваръ, никогда не испытывавшій чистки, вдругъ ярко заблестѣлъ, точно отъ радости. Правда, режимъ сталъ несравненно строже, не только исчезло пьянство, но и арестованнымъ офицерамъ запретили шляться по корридору, дежурной комнатѣ и по кухнѣ. Точно соблюдалось, чтобы двѣ камеры не открывались разомъ. За мною стали наблюдать еще тщательнѣе, но часовой уже не стоялъ пригвожденнымъ къ дверному окошку, и не мѣшалъ въ ночномъ отдыхѣ.

Не будь этого перерыва въ моихъ мученіяхъ, и не явись, въ лицѣ одного изъ военно-плѣнныхъ, рыцаря - утѣшителя, сюда въ этотъ адъ, въ среду грубыхъ и безсердечныхъ людей, я врядъ ли вынесъ бы свою разбитую жизнь изъ тринадцатимѣсячнаго заключенія.

Недѣлю спустя прибыла вторая партія военно-плѣнныхъ, но уже рѣзко отличавшаяся отъ первой. Это были венгерцы, одѣтые въ плохую китайскую одежду, въ китайскихъ шапочкахъ, они имѣли крайне жалкій видъ. Всѣ четверо бѣжали изъ плѣна, но въ поѣздѣ ихъ задержали. Троихъ разсадили въ камеры германцевъ по одному, а четвертый, заболѣвшій сыпнымъ тифомъ, былъ отправленъ въ госпиталь. Эти венгерцы были совершенно безъ средствъ.

Слѣдствіе.

Только 11 Ноября, т. е. спустя почти мѣсяцъ послѣ ареста меня отправили подъ конвоемъ къ Слѣдователю по Особо-важнымъ дѣламъ при Иркутскомъ Окружномъ Судѣ, М. Стразову.

Въ первый разъ послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ душной, пыльной камерѣ, я попалъ на свѣжій воздухъ. Было холодно. Въ легкомъ осеннемъ пальто, меня, отвыкшаго отъ рѣзкаго воздуха, сильно знобило. Ноги отъ слабости отказывались служить. Я поскользнулся и упалъ, и услышалъ голосъ прохожаго: „вотъ ведутъ пьянаго арестанта“.

Въ Жандармскомъ Управленіи, въ той самой большой комнатѣ, гдѣ Сульжиковъ и Бокастовъ свели обстановку допроса на степень театральнаго

зрѣлища, я былъ пораженъ новой неожиданностью: Въ лицѣ Слѣдователя Стразова я узналъ того самаго мальчишку, который приходилъ лѣтомъ на мою квартиру, выдавая себя за бѣжавшаго военно-плѣннаго; было много характерныхъ признаковъ: цвѣтъ лица, коротко остриженные волосы, ротъ, нервныя движенія и пр. Разумѣется былъ Стразовъ одѣтъ иначе. Однако, я все же, не допускалъ возможности, чтобы онъ пріѣхалъ сюда изъ Иркутска для инсценировки провокаціи, и только послѣ освобожденія и встрѣчи съ Шандерами, такое, казалось бы, невѣроятное предположеніе, пріобрѣло больше основаній. Припоминая теперь сцену съ загримированнымъ субъектомъ при допросѣ Сульжикова, я нахожу, что эта личность и молодой провокаторъ были одѣты въ одно и то же пальто. Зная уже изъ опыта, что все неугодное судебнымъ властямъ будетъ выпущено изъ протокола, я раньше чѣмъ вступить въ разговоръ, спросилъ слѣдователя: могу ли дать показанія собственноручно? „Да, это ваше право". „Извѣстно ли вамъ, что я подалъ прошеніе Прокурору, о разрѣшеніи моему начальству присутствовать при слѣдующемъ допросѣ, желая только въ ихъ присутствіи давать показанія, которыя облегчатъ все слѣдствіе? Прошу мнѣ сказать признаете ли и вы невозможность ихъ присутствія? Только при нихъ я бы сдѣлалъ важныя сообщенія, въ противномъ случаѣ, отложу это до Суда". Слѣдователь видимо колебался, и подумавъ минуту, отказалъ. Тогда я попросилъ дать перо и бумагу. Стразовъ отпечаталъ заголовокъ на машинкѣ, и я сѣлъ за показанія. Не владѣя достаточно русскимъ языкомъ, мнѣ пришлось не мало времени затратить на работу. Слѣдователь волновался до крайности, желая прочитать написанное и увѣряя, что при устныхъ показаніяхъ, онъ это на машинкѣ напечаталъ бы гораздо скорѣе.

Во время перерыва, я, въ первый разъ, со дня заключенія на гауптвахтѣ, получилъ возможность попробовать горячей пищи, принявъ предложеніе Стразова съ нимъ пообѣдать. Все вниманіе Слѣдователя было сосредоточено на случаѣ съ моимъ посѣщеніемъ Кегеля. Онъ мнѣ не сказалъ, что этотъ французскій инженеръ, который у Кегеля гостилъ, былъ извѣстный мошенникъ и афферистъ—Эструпъ, одно и то же лицо съ германскимъ офицеромъ Ольденбургомъ. Имѣются, яко бы улики, что въ связи съ моимъ посѣщеніемъ Кегеля, совершены крупныя преступленія.

„Но вы сведете меня съ ума, если не скажете по крайней мѣрѣ, въ какихъ преступленіяхъ меня подозрѣваютъ"?

Стразовъ, впрочемъ, во время обѣда говорилъ, что это подозрѣніе отпадетъ, если будетъ доказано, что у Кегеля я былъ только одинъ разъ.

„Что же, вамъ извѣстно точныя даты, когда состоялись эти посѣщенія"? спросилъ я. „Да, это я вамъ могу точно сказать", отвѣтилъ Стразовъ, и сорвавшись съ мѣста, быстро принесъ изъ кабинета записную книжку". Будьте добры посмотрѣть въ календарѣ на какія дни падаютъ ваши даты" попросилъ я. „На среду и четвергъ". „Въ такомъ случаѣ вы вмѣстѣ со мною можете радоваться, что такъ быстро намъ удалось установить несостоятельность обѣихъ ложныхъ заявленій. Только по воскресеньямъ я бывалъ на заводѣ Спритенка, гдѣ обѣдалъ и имѣлъ возможность не бывать дома, т. к. въ эти дни я не имѣлъ пріема больныхъ. Кромѣ того въ этотъ же день былъ день Ангела матери фон-Арнольда, значитъ вы можете точно опредѣлить на какую дату пало это воскресенье".—Стразовъ смутился и пересталъ возражать. Я категорически потребовалъ объясненія маскарада, устроеннаго Сульжиковымъ и Бокастовымъ. По словамъ Стразова, онъ объ этомъ ничего не зналъ, да и вообще не придавалъ значенія допросу Сульжикова, не подлежащаго даже пріобщенія къ дѣлу, т. к. первымъ считался его допросъ, какъ Слѣдователя, ведущаго дѣло. „Что-же тогда означаетъ цѣлый мѣсяцъ строжайшаго заключенія, съ лишеніемъ самыхъ элементарныхъ правъ любого арестанта"?—На это восклицаніе Стразовъ, подумавъ, обѣщалъ пріобщить предварительный допросъ къ слѣдственному матеріалу и установить зачѣмъ

и какая именно личность присутствовала на допросѣ, не вѣря въ возможность соучастія Полковника Андреева. Онъ неоднократно увѣрялъ, что ему вполнѣ безразлично, кого именно посадить на скамью подсудимыхъ—меня или самого прокурора. Сперва я долженъ освободиться отъ всякихъ обвиненій, а затѣмъ, если выяснится провокація, онъ дастъ дѣлу ходъ противъ Сульжикова. На вопросъ о противузаконности содержанія на военной гауптвахтѣ гражданскаго чина, а также о снятіи печатей, со взломомъ замковъ въ моемъ отсутствіи и безъ регистраціи документовъ, Стразовъ объяснилъ: что меня необходимо совершенно изолировать, и о ходѣ дѣла ни кто ни чего не долженъ знать, слѣдовательно и отпадаетъ возможность перевода меня въ тюрьму. Въ инсценировку на гауптвахтѣ какой то систематической игры, руководимой людьми близко стоящими къ слѣдствію, онъ не вѣритъ, но допускаетъ возможность непріязненнаго отношенія въ грубой формѣ, къ нѣмцу, обвиняемому въ государственной измѣнѣ, со стороны малообразованныхъ офицеровъ ополченскихъ дружинъ и солдатъ.

Было уже около полуночи и Стразовъ, видя мое переутомленіе, отложилъ окончаніе допроса на слѣдующій день.

12 Ноября закончили протоколъ его перваго допроса. Не помню всѣхъ деталей и наблюденій, создавшихъ впечатлѣніе о Стразовѣ, какъ о провокаторѣ болѣе хладнокровномъ и опытномъ, чѣмъ нервный фантазеръ—поэтъ Сульжиковъ—садистъ, неврастенникъ, желавшій только блеснуть и искавшій эффектовъ. Не могу припомнить всѣ тонкости размышленій о характерѣ этихъ героевъ, достойныхъ тончайшаго анализа, а мои мемуары, составленные еще при концѣ ареста, были въ свое время предусмотрительно похищены.

Протоколъ допроса.

1915 года, Ноября 11 дня. Судебный слѣдователь по особо - важнымъ дѣламъ Иркутскаго Окружного Суда, Стразовъ, въ канцеляріи Начальника Желѣзнодорожнаго Полицейскаго Управленія въ г. Харбинѣ, допрашивалъ нижепоименованнаго въ качествѣ обвиняемаго съ соблюденіемъ 403-410 ст. ст. уст. угол. суд. и онъ показалъ слѣдующее:

Имя, отчество и фамилія: Рожеръ Александровичъ Баронъ фонъ-Будбергъ.

Возрастъ и мѣсто рожденія: Въ имѣніи отца Понѣмунь, Ковенской губерніи Понѣвежскаго уѣз. Мнѣ 49 лѣтъ.

Званіе и мѣсто приписки: Потомственный дворянинъ, приписанъ въ Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ. Рожденъ въ законномъ бракѣ.

Вѣроисповѣданіе: Лютеранскаго.

Постоянное мѣсто жительства: Гор. Харбинъ по Кавказской улицѣ въ собственномъ домѣ.

Народность и племя: Нѣмецъ.

Степень образованія: Имѣю дипломъ Дерптскаго университета съ званіемъ доктора медицины, акушера и уѣзднаго врача.

Семейное положеніе: Женатъ на китайской подданной, имѣю дочь. Отца нѣтъ, Мать Баронесса фон-Будбергъ урожденная графиня Анрепъ-Эльмптъ, Александра Іосифовна, живетъ въ Ригѣ. Старшій братъ Іосифъ, Членъ Тобольскаго Окружного Суда. Братъ Готгартъ, живетъ въ Тобольскѣ съ Іосифомъ. О братѣ Вильгельмѣ—свѣдѣній не имѣю.

Занятіе: Состоялъ Городовымъ и Тюремнымъ врачемъ и Завѣдывающимъ желѣзнодорожной больницей.

Имущественное обезпеченіе: Имѣю два дома въ Харбинѣ, на смежномъ участкѣ на Кавказской и Коммерческой улицахъ.

Отношеніе къ воинской повинности: По Высочайшему Указу уволенъ въ запасъ.

Имѣетъ знаки отличія, какіе: Орденъ Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 2 и 3 ст. и два китайскихъ ордена: Дракона—степеней не знаю.

Подверженъ ли привычному пьянству: Водки не пью.

Судимость: Подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ.

Мнѣ предъявлено обвиненіе въ томъ, что въ цѣляхъ благопріятствованія въ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи находящимся съ нею на положеніи войны Германіи и Австро-Венгріи, способствовалъ побѣгу заграницу, въ Китай, германскихъ и австрійскихъ воинскихъ чиновъ, взятыхъ въ бояхъ противъ Россіи въ плѣнъ, и отправленныхъ внутрь Россіи, въ лагери военноплѣнныхъ, для чего, обращавшихся къ нему за содѣйствіемъ военноплѣнныхъ, снабжалъ чужими подложными паспортами, указывалъ пути для свободнаго перехода русской границы въ Китай, предоставлялъ имъ средства передвиженія на своемъ пароходѣ, снабжая средствами для проѣзда за границу, т. е. въ преступленіи предусмотрѣнномъ 108 ст. Угол. Улож. Нѣтъ,—виновнымъ себя въ предъявленномъ мнѣ обвиненіи не признаю, и объясняю: 16 Октября с. г., на разсвѣтѣ, у меня былъ произведенъ обыскъ, послѣ котораго я заключенъ подъ стражу на гауптвахтѣ. Первому допросу я былъ подвергнутъ 18 Октября г-мъ Прокуроромъ. Прокуроръ мнѣ заявилъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени буду опять вызванъ. Не будучи вызванъ до 22-го октября, я въ этотъ день подалъ прошеніе Прокурору о разрѣшеніи и приглашеніи къ моему слѣдующему допросу лицъ моего начальства, желая дать въ ихъ присутствіи важныя по дѣлу показанія. На это мое прошеніе получилъ отвѣтъ за № 329, отъ 25 октября с. г. Просьба моя о разрѣшеніи карандаша и бумаги, чтобы съ изложенной выше просьбой начертать мои показанія—не удовлетворилась.

Съ самаго начала войны я измѣнилъ образъ своей жизни, чтобы какъ нѣмецъ, русско-подданный, получившій образованіе и воспитаніе въ нѣмецкой школѣ, не дать ни какого повода къ распусканію какихъ либо зловредныхъ слуховъ. Жилъ я исключительно своей службой, которой я всегда былъ преданъ всей душой, не щадя собственныхъ интересовъ, и все свободное отъ службы время я проводилъ дома за чтеніемъ и ученіемъ. Приходя домой, я всегда сидѣлъ въ комнатѣ съ восточной стороны дома, подъ самымъ окномъ часто не занавѣшаннымъ, лѣтомъ всегда открытымъ, такъ что можно было прослѣдить не только каждое мое движеніе, но возможно было подслушивать мои разговоры съ улицы. Любимыя мои прогулки по рѣкѣ, въ китайскій городъ, я не совершалъ и многолюдныхъ мѣстъ избѣгалъ, не бывая ни въ театрахъ, ни въ кинематографахъ, ни въ садахъ, ни въ ресторанахъ, ни на вокзалахъ. Даже самыхъ близкихъ знакомыхъ я почти не посѣщалъ. Мѣсто моего нахожденія было всегда извѣстно. Въ полицейскихъ участкахъ всѣ срочныя требованія исполнялись мною безъ всякихъ задержекъ, какъ судебныхъ властей и арестнаго дома, такъ и больницы. Не смотря на этотъ образъ жизни съ самаго начала войны, систематически распускались по городу слухи меня компрометирующіе. Обыкновенно я узнавалъ объ этихъ слухахъ отъ моего фельдшера Горстина, знавшаго все въ деталяхъ. Былъ случай, что въ моемъ присутствіи позвонили въ полицейскій пріемный покой изъ редакціи „Харбинскій Вѣстникъ", справлялись у Горстина вѣрно ли что я арестованъ. Служанка, или няня его дѣтей, по имени Феня, лечилась у моей жены и проводила ежедневно по нѣскольку часовъ у меня дома. Просьбу мою, хоть разъ мнѣ сказать откуда, изъ какого источника Горстинъ черпалъ эти слухи, онъ не удовлетворялъ. Хотя я внѣ дома не практикую, меня ночью часто вызывали, по большей части изъ разныхъ гостиницъ (по телефону), но я категорически, всякій разъ отказывался. Эти компрометирующіе, систематически распускаемые слухи продолжались, пока мѣсяцевъ шесть тому назадъ не вылились въ преступное дѣло. Мой домъ имѣетъ двойныя стек-

лянныя двери, отъ нихъ идетъ корридоръ въ столовую, черезъ окна дверей видна она; налѣво отъ парадныхъ дверей комната, гдѣ ожидали очереди нуждающіеся въ совѣтѣ, направо мой кабинетъ, очень свѣтлый съ бѣлыми стѣнами, въ которомъ съ улицы, днемъ все видно. Пріемная комната отгорожена отъ столовой легкой стѣной изъ тонкихъ досокъ и не до потолка набранная, такъ что не только въ столовой было слышно каждое слово, но и видно, что въ комнатѣ дѣлается.

Былъ теплый лѣтній день. Не могу точно припомнить время, я вернулся со службы домой, около половины четвертаго дня. Меня ожидали нѣсколько больныхъ. Въ столовой, около стола, такъ что каждому входящему бросался въ глаза, сидѣлъ молодой человѣкъ на видъ лѣтъ 16-17. Физіономія его мнѣ знакомая; онъ средняго роста, умѣреннаго питанія, имѣетъ узкое блѣдноватое лицо, съ свѣтлорусыми волосами остриженными на одинъ центиметръ длиною. Такъ какъ въ пріемное время, я не допускаю присутствія мужчинъ, то являвшихся, я сейчасъ же отпускаю, если же это знакомые люди или лица пользующіеся уваженіемъ, то приглашаю ихъ въ послѣднюю въ домѣ комнату, гдѣ всегда самъ работаю, тамъ уютнѣе. Я подошелъ къ нему. Онъ всталъ и выпрямившись принялъ военную позу, и щелкая ногами громкимъ голосомъ спросилъ меня: говорю ли я по нѣмецки? Я отвѣтилъ утвердительно, тогда онъ еще громче и отчетливѣе произнося каждое слово по нѣмецки сказалъ: „Я бѣглый военноплѣнный и зная, что вы всегда отзывчивы, зашелъ съ просьбой мнѣ помочь“. На это я ему отвѣтилъ: „Но откуда вы бѣжали“? „Я уже въ Москвѣ сбѣжалъ“. „Неужели вы такъ далеко пробрались“?— „Да, и безъ всякихъ препятствій“. „Да, видно вы молодецъ и какъ слышу хорошо говорите по русски“. Онъ говорилъ на русско-нѣмецкомъ діалектѣ. „Да, я выросъ на границѣ русской Польши“. Я его попросилъ къ себѣ въ кабинетъ, поставилъ у самаго окна, такъ что отчетливо можно было наблюдать каждое его движеніе съ улицы, какъ и изъ противоположныхъ домовъ. Я его спросилъ чѣмъ онъ занимался до войны, онъ мнѣ отвѣтилъ, что по профессіи обойщикъ. На мой вопросъ былъ ли онъ у другихъ въ Харбинѣ, онъ отвѣтилъ: „Да, у многихъ, всѣ они сочувственно отнеслись, но всѣ люди бѣдные, не могли мнѣ оказать достаточной поддержки, и совѣтывали зайти къ вамъ. Вы уже нѣсколькимъ помогли“. Въ первый моментъ у меня мелькнула мысль не сбить ли этого мерзавца съ ногъ, но какъ только услышалъ, что онъ уже у многихъ былъ, мнѣ стало ясно, что отъ образа моего поведенія зависитъ не только моя дальнѣйшая судьба, но и судьба, быть можетъ, многихъ добрыхъ людей, и требуется полная выдержка, и только такъ можно было „спасти истину“. Говорилъ онъ быстро, съ пафосомъ, противоположной лаконической и связанной рѣчи, которой первымъ дѣломъ обучаютъ военныхъ. „Да и въ доказательство, что я дѣйствительно германскій солдатъ, вотъ у меня еще два снимка солдатъ“ (назвалъ какую то часть съ номерами). „Какъ мнѣ не вѣрить вамъ, когда изъ каждаго вашего движенія, изъ каждаго вашего слова видно, что вы герой, такой же, какъ и всѣ ваши товарищи“...

„Нѣтъ, но видите снимокъ хорошій“. При чемъ все тыкалъ мнѣ въ носъ эти открытки, видимо желая, чтобы я нагнулся надъ ними. Открытки эти были только что отпечатанные, бумага коробящаяся и по красному тону видно плохо зафиксированныя. Держа ихъ къ свѣтлому окну, такъ что мнѣ пришлось видѣть противъ свѣта, я могъ различить только грубые контуры, сама же фигура была маленькая по сравненію съ фономъ какого то зданія. Вынувъ кошелекъ, передъ окномъ, въ которомъ оказалась только одна десятирублевая бумажка, я подалъ ее ему, онъ ее развернулъ и все время держа въ лѣвой рукѣ, между вторымъ и третьимъ пальцемъ, какъ будто желая ее показать кому то на улицѣ. Съ приподнятой правой рукой онъ что-то продекламировалъ нѣчто вродѣ стиховъ, или что-то другое наизусть. Я его перебилъ, извиняясь, что меня ждутъ больныя, и похваливъ его про-

водилъ до самой улицы, при чемъ я припоминаю, что эти десять рублей онъ и на улицѣ не положилъ еще себѣ въ карманъ. На улицѣ въ близи дома никого не было. Передъ уходомъ этотъ человѣкъ положилъ мнѣ на столъ какую-то записку; на вопросъ что это за записка?, онъ отвѣтилъ, что это изложеніе того, что онъ бѣжавшій военно-плѣнный. Я окончилъ пріемъ больныхъ, взялъ эту записку, не прочитавъ ея, и сѣлъ за письменный столъ, надъ которымъ находился мой жертвенникъ. Опасаясь злѣйшаго моего врага — моей откровенности, переходящей часто въ болтливость, я считалъ цѣлесообразнѣе не читать записки и не разбираться въ имени, которое помнится было короткое—„Дилъ“, или что-то на это похожее. Я ожидалъ появленія у меня жандармеріи въ тотъ же день и чтобы служило доказательствомъ, что я дѣйствительно ясно узналъ провокацію, я написалъ записку, по нѣмецки „что все мнѣ принадлежащее должно принадлежать горячо любимой дочуркѣ; ненавижу я русскихъ, пусть она ненавидитъ ихъ настолько, какъ отецъ ихъ ненавидитъ“. Эта записка должна была задать вопросъ: какая же причина къ такому взрыву негодованія къ русскимъ? Записочка была написана черными чернилами, послѣ того я перешелъ на чернила лиловыя. Записочку, оставленную мнѣ актеромъ, который игралъ роль военно - плѣннаго я сжегъ на жертвенникѣ.

На сегодня я болѣе ничего показать не могу изъ за утомленія, прошу вызвать на завтра. Подлинный за надлежащими подписями. Копія вѣрна: И. Д. Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ М. Стразовъ.

1915 года, Ноября 12 дня. Судебный Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Иркутскаго Окружного Суда—Стразовъ, съ соблюденіемъ 403—410 ст. ст. уст. угол. суд. возобновилъ допросъ въ качествѣ обвиняемаго по 108 ст. угол. улож. доктора Рожера Будберга и онъ показалъ:

Я Рожеръ Александровичъ Будбергъ, на предложенные вопросы дополнительно показываю:—Я не знаю и не могу себѣ представить, что послужило поводомъ къ обвиненію меня въ государственной измѣнѣ. Могу только сказать, что съ самаго начала нынѣшней войны, про меня въ городѣ Харбинѣ распускались самые ужасные слухи. Говорили, что будто бы я переводилъ военно-плѣннымъ крупныя суммы денегъ, что я принадлежу къ какимъ то тайнымъ сообществамъ, преслѣдующимъ шпіонскія цѣли въ пользу Германіи, что будто бы я сообщалъ свѣдѣнія Германіи объ отправкѣ оружія и припасовъ по Китайской Восточной желѣзной дорогѣ и т. п. Свѣдѣнія эти откуда то собиралъ и передавалъ мнѣ фельдшеръ Пріемнаго Полицейскаго Покоя Василій Яковлевичъ Горстинъ. Я же, съ своей стороны, кромѣ описаннаго мною вчера случая, ни какихъ поводовъ для этого ни кому и ни когда не подавалъ. Единственнымъ основаніемъ къ такому возбужденію противъ возмутительныхъ слуховъ, послужила національная вражда къ нѣмцамъ, которая родилась открыто съ началомъ войны. Я никогда и ни гдѣ не скрывалъ, что я нѣмецъ и своего отрицательнаго отношенія къ средѣ, которая связана была постоянными злоупотребленіями по торговлѣ здѣсь опіумомъ, каковая торговля ведется въ ужасающемъ масштабѣ.—У меня ни кто изъ живущихъ здѣсь знакомыхъ иностранцевъ въ гостяхъ не бываетъ. Эти знакомства создались исключительно по поводу оказанія имъ мною медицинской помощи. Я по спеціальности акушеръ, и у меня на пріемахъ бываютъ только женщины; мужчинъ я не лечу. Я знакомъ съ англійскимъ подданнымъ Стеренсъ, который служитъ агентомъ какого то крупнаго англійскаго предпріятія. У него въ домѣ я познакомился съ американскимъ Консуломъ Мозеромъ, который потомъ обращался ко мнѣ за медицинскою помощью и былъ одинъ разъ въ Пріемно-полицейскомъ покоѣ, въ сопровожденіи американскаго подданнаго Вуда, который потомъ лечился у фельдшера Попова. У Мозера я былъ всего два раза по дѣлу, а именно по поводу полиса умершаго доктора Люрія, застрахованнаго въ американскомъ обществѣ „Эквитебль“. Съ Мозеромъ я близко знакомъ не былъ. Съ Вудомъ

же познакомился по случаю смерти одного рабочаго его фирмы, умершаго отъ укуса овода на пароходѣ, когда нужно было изслѣдовать причину его смерти. Я знакомъ также давно съ Почтмейстеромъ китайской почты, Норвежскимъ подданнымъ Газельундомъ. Съ Штефлеромъ я знакомъ лѣтъ десять. Онъ былъ членомъ французской духовной миссіи въ сѣверной Маньчжуріи, прекрасно знаетъ Китай, особенно китайскія торговыя отношенія и давалъ мнѣ свѣдѣнія объ этой жизни для моихъ научныхъ трудовъ. Мои письма къ нему полны только истинно-научными вопросами, посвященными изслѣдованію быта Китая. Синологіей я занимаюсь лѣтъ около десяти, знаю разговорный китайскій языкъ. Мои сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ о Китаѣ помѣщены въ научномъ журналѣ „Глобусъ", издаваемомъ въ Германіи, въ какомъ городѣ—не помню. Много беллетристическихъ статей въ „С.-Петербургеръ Цейтунгъ", издаваемомъ въ Петроградѣ. Штефлеръ приблизительно два года служилъ въ Фудядянѣ, но два года тому назадъ онъ вышелъ изъ миссіи и теперь проживаетъ въ городѣ Бодунэ безъ должности и живетъ, кажется въ нуждѣ. Въ самое послѣднее время я съ нимъ нѣсколько разошелся по чисто личнымъ вопросамъ и пересталъ ему писать, а онъ пишетъ мнѣ очень рѣдко. Я твердо убѣжденъ, что Штефлеръ ни какого участія въ побѣгахъ плѣнныхъ не принимаетъ, т. к. онъ человѣкъ безъ всякихъ убѣжденій и большой трусъ. Если бы онъ занимался, то я получилъ бы объ этомъ свѣдѣнія.

Мой пароходъ „Харбинъ" купленъ мною лѣтъ пять тому назадъ. На этомъ пароходѣ я перевожу зерно, но дѣлами парохода завѣдываетъ теперь мой управляющій Шпекъ, русскій подданный, человѣкъ, которому я вполнѣ довѣряю. Я категорически утверждаю, что Шпекъ не допуститъ сознательно провести военно-плѣнныхъ. Пароходъ крейсируетъ отъ Харбина до Бодунэ, но рейсы совершаетъ крайне неопредѣленно, такъ какъ фарватеръ Сунгари очень капризенъ, и въ періодъ дождей погрузки на пароходъ не бываетъ. Самъ я на пароходѣ бываю рѣдко. При совершеніи рейса въ Китай, пароходъ осматривается, какъ чинами русской береговой полиціи, такъ и китайскими таможенными властями и объ этомъ составляются манифесты. Въ этихъ манифестахъ указывается число проѣзжающихъ на пароходѣ европейцевъ, при чемъ строго провѣряется составъ пассажировъ. Если бы китайцы обнаружили скрытаго европейца, то пришлось бы платить денеждый штрафъ. Такихъ случаевъ съ моимъ пароходомъ не было. Штефлеръ снятъ на фотографіи въ китайскомъ платьѣ и среди вооруженныхъ китайцевъ. Эта карточка вынута изъ коллекціи такихъ же фотографій и представляетъ изъ себя только фотографическій маскарадъ, ибо Штефлеръ любитель фотографіи, любитъ сниматься въ разныхъ костюмахъ и обстановкахъ. Мнѣ показывали на дознаніи записки, писанныя на клочкахъ бѣлой бумаги карандашемъ (были предъявлены записки на французскомъ языкѣ съ текстомъ „Ла виль шинуазъ Фудядянъ", „ла виль віель Пристань" „ле номъ э д-ръ Будбергъ" и на русскомъ языкѣ Д-ръ Будбергъ). Я совершенно ничего не могу сказать про возникновеніе записокъ. Для меня крайне не понятно и неожиданно появленіе записокъ и я категорически заявляю, что Американскій Консулъ Мозеръ не могъ кому либо выдать такія записки, по крайней мѣрѣ я отъ него этого никогда не слышалъ. Разсматривая внимательно записки, какъ человѣкъ давно занимавшійся графологіей, я вижу, что лицо писавшее записку на французскомъ языкѣ, не могло написать текстъ записки на русскомъ языкѣ. Категорически утверждаю, что ни одинъ военно-плѣнный никогда не обращался ко мнѣ съ просьбой оказать ему какую нибудь помощь и кромѣ вышеуказаннаго случая ничего похожаго со мною не было. Относительно посѣщенія мной квартиры Кегеля въ Старомъ Харбинѣ, въ его гостинницѣ „Бель-Вю", могу разсказать слѣдующее: я состою годовымъ врачемъ на заводѣ „Спритенка", арендуемомъ русскимъ подданнымъ Паулиномъ отъ германскихъ подданныхъ Кана и Нюманъ. Я бываю на заводѣ

каждое Воскресенье. Не помню какого именно числа, въ лѣтній, ясный, сухой день, я, возвращаясь съ завода „Спритенка", проѣхалъ черезъ Модягоу, мимо ипподрома въ китайскую деревню „Ханшинный Заводъ", оттуда я выѣхалъ на большую дорогу мимо усадьбы Генерала Хорвата, минуя которую поѣхалъ на шоссе. Проѣзжая мимо сада Кегеля, остановился, чтобы провѣдать его, у котораго вообще никогда не бывалъ. Лошадей остановилъ у воротъ, ведущихъ въ садъ. Я пріѣхалъ на собственныхъ бѣлыхъ лошадяхъ съ кучеромъ китайцемъ. Не зная дороги, вошелъ въ садъ, обошелъ весь домъ, и наконецъ попалъ въ какое то помѣщеніе, въ которомъ встрѣтилъ китайцевъ. Прислуга меня провела черезъ какую то сцену, въ какой то корридоръ, въ концѣ котораго, какъ мнѣ кажется, есть нѣсколько ступенекъ къ верху. Не доходя до ступенекъ шаговъ приблизительно десять, я вдругъ увидѣлъ быстро вышедшаго Кегеля, который тотчасъ же пригласилъ меня въ какую то комнату въ томъ же корридорѣ направо. Немедленно закрылись двери. Кегель вышелъ заказать кофе и я имѣлъ время, чтобы осмотрѣть комнату, въ которой находился. Въ комнатѣ стояла неубранная кровать, нѣсколько стульевъ и столикъ. Я спросилъ не занятъ ли онъ? Онъ отвѣтилъ, что у него сидитъ какой то французскій инженеръ. Я спросилъ какой инженеръ, и вообще это меня заинтересовало, такъ какъ я знаю здѣсь всѣхъ иностранцевъ, но Кегель не назвалъ фамиліи инженера, и видимо разспросы эти были для него непріятны. Мы выпили по одной чашкѣ кофе, и я собрался ѣхать. Кегель пошелъ меня проводить. Мы прошли черезъ садъ, и я хорошо припоминаю, что въ саду сидѣла группа людей. Въ креслѣ сидѣлъ параличный, недалеко отъ него женщина, я почти навѣрное могу сказать, что съ ними былъ владѣлецъ дома по Китайской улицѣ Лейзеровичъ (ювелиръ). Онъ стоялъ или ходилъ; вся эта группа находилась отъ меня шагахъ въ 40—50. У входа, недалеко отъ воротъ, около маленькаго столика, сидѣли двѣ пожилыхъ женщины въ домашнихъ платьяхъ. Кегель по нѣмецки мнѣ говорилъ о дороговизнѣ ремонта своего дома. Этотъ разговоръ началъ я, когда выходили изъ помѣщенія. Я его спросилъ почему онъ не заботится объ исправленіи упавшаго забора? Кромѣ того, помню говорилъ, относительно аренды театральнаго зала. Я его спросилъ отдаетъ ли онъ въ аренду залъ? онъ отвѣтилъ, что иногда залъ у него арендуютъ. Когда мы подошли къ воротамъ сада,—подошли двое, одинъ назвался Барономъ фонъ деръ Рекке, фамиліи другого я не разслышалъ. Фонъ деръ Рекке разсказалъ, что отъ деньщика его сына имѣетъ письмо, въ которомъ говорится, что сынъ его убитъ на галиційскомъ фронтѣ, и что то о деньгахъ, оставшихся послѣ убитаго. Меня поразило равнодушіе, съ которымъ фонъ деръ Рекке говорилъ о смерти сына. Когда мы вышли изъ воротъ, Кегель еще говорилъ по поводу фонъ деръ Рекке, что онъ не очень сожалѣетъ о смерти сына, если только получитъ деньги. Я попрощался съ Кегелемъ и поѣхалъ на Пристань къ Полиціймейстеру фонъ-Арнольду, куда часто въ Воскресенье заѣзжалъ, чтобы застать его дома, для переговоровъ исключительно по служебнымъ дѣламъ. Визитъ мой къ Кегелю продолжался не болѣе 15—20 минутъ; болѣе у Кегеля я никогда не былъ. Визитъ этотъ произвелъ на меня странное впечатлѣніе, такъ какъ раньше, въ разговорѣ со мною Кегель говорилъ, что онъ знакомъ съ Полиціймейстеромъ ф.-Арнольдомъ, который когда то у него жилъ, я по прибытіи къ ф.-Арнольду, между прочимъ спросилъ его о Кегелѣ. Ф.-Арнольду напоминаніе о Кегелѣ, видимо, было непріятно и онъ мнѣ сказалъ, что Кегель человѣкъ не важный. Эструпа я тамъ не видѣлъ, и меня онъ тоже видѣть не могъ. Затѣмъ отъ кого то въ Пріемномъ Покоѣ я услышалъ, что Кегель арестованъ за непрописку Эструпа. Когда я увидѣлъ Кегеля въ тюрьмѣ, то спросилъ его: почему же онъ мнѣ ничего не сказалъ объ Эструпѣ, я бы предупредилъ его, что Эструпъ человѣкъ „темный". Далѣе я сказалъ Кегелю, что онъ правильно наказанъ, за то что держалъ у себя темнаго человѣка. Кегель оправ-

дывался тѣмъ, что Эструпъ говорилъ ему, что имѣетъ теперь хорошее дѣло, что зашелъ къ нему посидѣть, остался ночевать и затѣмъ прожилъ, не имѣя вещей, десять дней. Такъ какъ Кегель страдалъ каттаромъ желудка, то я перевелъ его на больничное довольствіе. Не помню, до или послѣ ареста Кегеля фельдшеръ Горстинъ съ злорадствомъ разсказывалъ мнѣ, что говорятъ, будто я былъ у Кегеля, гдѣ собираются тайно шпіоны. Я спросилъ Горстина откуда онъ знаетъ это, онъ не пожелалъ мнѣ указать источникъ этой сплетни. Я въ разговорѣ съ фонъ-Арнольдомъ сказалъ, что Горстинъ посвященъ во всѣ сплетни относительно меня. Фонъ-Арнольдъ мнѣ посовѣтовалъ прогнать Горстина, но этого сдѣлать я не могъ, такъ какъ мнѣ невозможно было служить съ однимъ фельдшеромъ.

Недѣли за двѣ до моего ареста, ко мнѣ на квартиру приходилъ какой-то еврей, фамиліи его не знаю, извѣстный своими скандалами, который часто попадалъ въ пріемный покой, и бывалъ задерживаемъ при Новопристанскомъ участкѣ. Въ первый разъ я принялъ его и онъ мнѣ показался душевно-больнымъ. Во второй разъ онъ приходилъ въ мою пріемную, но я просилъ сказать ему черезъ прислугу, что меня нѣтъ дома и больше его принимать не сталъ. Однажды послѣ пріема въ кабинетъ ко мнѣ вошелъ этотъ еврей и въ присутствіи моей жены сказалъ, что имѣетъ сообщить мнѣ „очень интересное секретное дѣло". Я попросилъ его сказать объ этомъ въ присутствіи жены. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что сейчасъ онъ это сказать не можетъ и ушелъ. Кажется на другой день, или черезъ два дня, когда я уходилъ изъ квартиры, подошелъ на улицѣ ко мнѣ тотъ же еврей и сказалъ, что имѣетъ ко мнѣ „очень секретное дѣло". Я сказалъ, что не имѣю времени и такимъ образомъ отвязался отъ него, не ожидая отъ него ничего хорошаго. Нѣсколько разъ онъ потомъ былъ въ моемъ отсутствіи и имѣлъ какое то объясненіе съ моей женой. Дня за четыре до моего ареста, возвращаясь изъ ломбарда, на Китайской улицѣ, я увидѣлъ сидящаго на конѣ моего боя, чему я очень удивился. На мои разспросы, бой мнѣ объяснилъ, что тотъ еврей укралъ мою китайскую полицейскую палку, съ которой я имѣлъ обыкновеніе выѣзжать для поднятія разныхъ труповъ, служившая орудіемъ для переворачиванія ихъ. Бой мнѣ объяснилъ, что ему не удалось розыскать похитителя. Я былъ увѣренъ, что палку эту мнѣ возвратятъ. Черезъ полтора сутокъ мнѣ была возвращена моя палка тѣмъ же евреемъ. Подробности возвращенія палки можетъ разсказать моя прислуга (поваръ). Я полагаю, что палка была похищена евреемъ съ цѣлью инсценировать меня для какой-нибудь преступной комбинаціи съ тѣмъ, чтобы меня обвинить. Такъ какъ на меня было много доносовъ и не было доказательствъ моей виновности, то палка могла быть использована моими врагами, какъ вещественное доказательство. Кегель пользовался моими газетами, онъ обыкновенно разъ въ мѣсяцъ заѣзжалъ ко мнѣ и бралъ для чтенія Тяньзинскую газету на нѣмецкомъ языкѣ, которую затѣмъ, по прочтеніи, возвращалъ мнѣ. Личныхъ дѣлъ Кегеля и его семейной жизни я не зналъ, и въ дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ не состоялъ. Никакихъ документовъ моихъ у Кегеля (я говорю о документахъ, проникшихъ къ нему легально) нѣтъ и не можетъ быть.

Въ Чань-Чунѣ знакомыхъ не имѣю, и тамъ въ теченіи четырехъ лѣтъ не былъ. Тамъ проживаетъ лишь знакомый мой французскій поданный Кроссъ, съ которымъ я знакомъ уже много лѣтъ. Онъ занимается торговлей щетиной и мѣхомъ. Папенгейма, Брумберга, Кольбека и Шейнина я не знаю. Ничего болѣе показать не имѣю. Показаніе мнѣ прочитано.

Дополняю: я утверждаю, что я невиновенъ въ Государственной измѣнѣ. Никакого отношенія къ провозу, либо какому нибудь благопріятствованію военно-плѣннымъ не имѣлъ и съ ними никакого дѣла не водилъ. Заявляю рѣшительно, что не могу указать, гдѣ нить гнусной интриги, которая пле-

лась вокругъ меня издавна, чтобы обвинить меня въ такомъ страшномъ преступленiи, въ которомъ я клянусь, не виновенъ нисколько. Ничего добавить не имѣю.

Относительно Эструпа могу добавить, что онъ, мнѣ кажется аферистъ. Онъ года два—три тому назадъ работалъ здѣсь у Каспе и имѣлъ, приличное жалованье. Года два тому назадъ онъ обращался ко мнѣ за помощью, просилъ указать ему какое-нибудь мѣсто и я его направилъ къ Нотарiусу Кайдо. Больше я его не видалъ. Ничего болѣе показать неимѣю. Показанiе мнѣ прочитано. Городовой врачъ докторъ медицины Рожеръ Александровичъ баронъ Будбергъ.

Подп. И. Д. Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ М. Стразовъ.

Результатъ допроса Стразовымъ сказался уже со слѣдующаго дня, режимъ сталъ гораздо строже. При выводѣ къ умывальнику или въ уборную, не давали задержаться хоть на одну минуту, не позволяли закрывать шкафика клозета и выводной командовалъ, по своему усмотрѣнiю—выйти, прекратить умываться и т. п., даже позволялъ себѣ грубо брать меня за руку. Дѣло дошло до того, что выведенный изъ терпѣнiя подстрекательствомъ Караульнаго Начальника Иванова, еще совершеннаго мальчишки, я подалъ на него жалобу. По распоряженiю Начальника Штаба было произведено дознанiе, но завѣдывающiй гауптвахтой повернулъ дѣло въ такую сторону, что меня не только не удовлетворили, но еще болѣе усилили издѣвательства, вымѣстивъ досаду на свидѣтеляхъ, давшихъ показанiя въ мою пользу.

Проходилъ день за днемъ, а Слѣдователь меня не вызывалъ даже для регистрацiи документовъ. Я не выдержалъ, и снова потребовалъ бумаги и чернилъ, и черезъ нѣсколько дней получилъ карандашъ и цѣлую прошнурованную тетрадь. Всю эту тетрадь не стѣсняясь въ выраженiяхъ, я заполнилъ перечнемъ и описанiемъ насилiй и беззаконiй, допущенныхъ судебнымъ и военнымъ вѣдомствами. Кажется, Стразову неудобно было прiобщить ее къ слѣдственному матерiалу: слишкомъ ѣдко и рельефно обрисованы были беззаконiя блюстителей права и порядка. Силой обстоятельствъ пришлось изыскивать путь, для оглашенiя тѣхъ насилiй, объектомъ которыхъ я сталъ и судьба мнѣ благопрiятствовала. Въ камерѣ напротивъ помѣщались два военно-плѣнныхъ и вотъ всевозможными знаками я старался дать понять, что я нѣмецъ, и желаю получить бумагу и карандашъ. Помогъ случай: часовой страдалъ кашлемъ и во время сильныхъ приступовъ опускалъ голову не закрывая ею окошка. Наконецъ незнакомецъ понялъ. Съ передачей устроились такъ: въ уборной, сбоку, была приставлена крышка и я наклонившись незамѣтно опускалъ руку, и, не возбуждая подозрѣнiй выводного, могъ положить или взять оттуда мелкую вещь или записку. Не могу описать моей радости послѣ того какъ удалось получить желанную бумагу. Писать, скрытно отъ часового было очень трудно: я садился спиной къ окошку, полуоборотомъ къ дверямъ и клалъ на столъ одинъ изъ словарей, а другой держалъ на колѣняхъ и незамѣтно писалъ. Я почти всегда такъ сидѣлъ и поза не возбуждала подозрѣнiй.

Завязалось знакомство. Сперва я представился и въ кратцѣ описалъ свое дѣло. Изъ переписки я узналъ, что мой собесѣдникъ знатное лицо— Графъ Генрихъ Плауенъ, сынъ недавно умершаго Принца Генриха XXVIII, изъ династiи Рейсъ, Княжество младшей линiи. Затѣмъ оказалось, что я былъ хорошо знакомъ съ его теткой Принцессой Рейсъ, родственницей нашего Царствующаго Дома, бывшей во время японской войны сестрой милосердiя въ санитарномъ поѣздѣ Великой Княгини Марiи Павловны. Глубоко запечатлѣлась память объ этой скромной благородной женщинѣ. Въ моихъ воспоминанiяхъ я, какъ сейчасъ, вижу ее одѣтой въ простое чесунчевое платье, въ бѣломъ фартукѣ, и съ краснымъ крестомъ на груди. Она ни чѣмъ не хотѣла отличаться отъ прочихъ сестеръ, наоборотъ стремилась служить примѣромъ. Она была большой любительницей фотографiи, и въ

свободное время, на стоянкахъ, появлялась съ Кодакомъ въ рукахъ. Послѣ японской войны Принцесса вышла замужъ за Болгарскаго Царя Фердинанда и пріобрѣла всеобщую любовь и симпатію населенія.

Я невѣрю въ случайности. Это не случай, что въ самое тяжелое время моей жизни, окруженный людской низостью, я встрѣтилъ такое врожденное благородство въ лицѣ этого Графа. Слились въ одно свѣтлое воспоминаніе объ обожаемой женщинѣ, съ радостью встрѣчи съ ея роднымъ племянникомъ, этой благородной рыцарской душой.

Не вѣрю, что дальнѣйшее было дѣло простой случайности. Графа перевели въ Хабаровскъ, и уже во времена Керенскаго, мой милый двоюродный братъ Князь Ливенъ, состоявшій при Шведскомъ Красномъ Крестѣ, такъ же туда попалъ. Они встрѣтились въ Павильонѣ на Красной Рѣчкѣ, гдѣ важные военно-плѣнные содержались подъ особо внимательной охраной. Было уже особымъ счастьемъ, что этому отряду Краснаго Креста, не въ примѣръ прочимъ народнымъ организаціямъ, разрѣшили посѣтить Павильонъ. Только здѣсь встрѣтясь съ Графомъ, Князь Ливенъ узналъ о моей судьбѣ и по просьбѣ Графа, не знавшаго о моемъ освобожденіи, поспѣшилъ въ Харбинъ, желая мнѣ помочь. Знакомя Графа во время переписки со всѣми подробностями дѣла, я самъ отрѣшился отъ всего окружающаго и не замѣчая времени, погрузился всей душой въ красоты конфуціанизма, буддизма и таоизма, во всѣ тѣ нѣжныя элементы, украшающіе духовную жизнь китайцевъ, старѣйшаго изъ культурныхъ народовъ. Моя душа стала снова свободной, и я не видѣлъ той грязи, въ которой меня топили, не видѣлъ лица угнетавшаго меня стража, и не ощущалъ преграды отъ свѣта ученія, и тайнъ культа, малопонятныхъ не посвященному.

Какъ онѣ нѣжно ласкали и утѣшали, какъ облегчали больную душу и давали ей силу, и мужество, на дальнѣйшую борьбу съ дьявольскими силами исчадій ада.

27 Ноября, при заходѣ солнца, произошло странное явленіе: военноплѣнныхъ германцевъ отправляли на поѣздъ, и въ моментъ ухода Графа съ гауптвахты, послѣдніе слабые лучи солнца упали на бѣлую стѣну моей камеры и вся камера, на нѣсколько секундъ озарилась яркимъ свѣтомъ. Пораженный этимъ явленіемъ, я написалъ карандашемъ на стѣнѣ: „27 Ноября 1915 года“ и фразу по нѣмецки: „стало свѣтло“. Это воспоминаніе стало утѣшеніемъ и не надѣясь выйти живымъ, я вѣрилъ въ спасеніе правды, хотя бы послѣ моего конца. Графъ ее выявитъ... и тюрьма не будетъ моимъ позоромъ.

Странно распоряжается судьба. Въ той же камерѣ, гдѣ я такъ долго страдалъ, былъ посаженъ и Фонъ-Арнольдъ, когда красные мимоходомъ господствовали въ Хирбинѣ. Онъ мнѣ самъ разсказывалъ, что видѣлъ запись на стѣнѣ, надъ изголовьемъ кровати, но не понялъ фразы написанной по нѣмецки.

Меня нѣсколько удивило нежеланіе Графа сообщить, кто былъ другой господинъ, помѣщавшійся съ нимъ въ одной комнатѣ? Я зналъ, что они оба читали мои письма и тотъ былъ въ курсѣ всей переписки, обыкновенно первымъ шелъ въ уборную по моему знаку. Всѣ записки графъ немедленно сжигалъ, и видимо не желалъ наталкивать меня на мысль, сноситься послѣ его отъѣзда письменно съ военно-плѣннымъ, оставшимся въ его камерѣ.

Прошли одинъ или два дня и я воздерживался. Было очень тяжело вновь переносить отчужденность отъ всѣхъ людей, въ особенности видя страданія и этого молодого человѣка теперь, когда съ уходомъ германцевъ сразу рухнулъ наладившійся было порядокъ: опять начались: крики, ругань, пьянство и завелась грязь.

Однажды, въ удобный моментъ, венгерецъ подалъ условный знакъ о запискѣ въ уборной. Въ ней онъ извинялся за смѣлость обращенія и представлялся какъ венгерскій офицеръ по фамиліи Пейтель. Онъ боялся сойти

съ ума отъ одиночества и просилъ продолжать переписку, т. к. Графъ и онъ съ жадностью читали красоты человѣческой души, которыя я сумѣлъ съ такимъ талантомъ выхватить изъ нѣдръ китайской духовной жизни. Здѣсь, гдѣ кругомъ такъ мерзко, они нашли какъ бы источникъ, бьющій кристальной водой.

. На видъ Пейтель былъ совершеннѣйшій типъ чахоточнаго: длинный, блѣдный, жалкій, исхудавшій человѣкъ. Надъ нимъ скромнымъ, и добродушнымъ издѣвались мѣстные герои, доставляя себѣ развлеченіе въ однообразной жизни. Китайская одежда и бѣдность, давали достаточно поводовъ къ шуткамъ. Открывая гдѣ нужно краны, наши камеры можно было нагрѣвать до нетерпимой температуры и мы валились на полъ, подъ смѣхъ мучителей.

Изоляція венгерцевъ не носила строгаго характера, они часто встрѣчались другъ съ другомъ около умывальника и свободно разговаривали на совмѣстныхъ прогулкахъ.

Для меня настало время новой, ужасной пытки, не дававшей покоя ни днемъ ни ночью: въ дежурной комнатѣ то читали какую то телеграмму, и такъ, чтобы я ее только отчасти слышалъ, то перечисляли рядъ цифръ... „Въ Харбинѣ есть врачъ при полиціи"... и дальше нельзя было разобрать, хотя тысячу разъ повторялось одно и то же. Изрѣдка еще слова: „который занимается"... потомъ: „да гдѣ этотъ ключъ"? „Вотъ Шифръ".

Мнѣ не удалось разобрать кто это читаетъ телеграмму, кто ее расшифровываетъ и для чего? Потомъ, кто то къ кому то обращается: „Господинъ Слѣдователь"... а затѣмъ разговоръ о Шпекѣ, и снова отрывистые слова: „Онъ же извѣстный"... „Ернстъ Шпекъ"...

Пробовалъ затыкать уши, — ничего не помогаетъ... отчетливо и громко слышу эти отрывистыя фразы, бросаюсь на кровать но, и здѣсь нѣтъ спасенія: разговоръ начинается съ другой стороны, изъ сосѣдней камеры, куда переходятъ разговаривавшіе, справившись у часового гдѣ я, и что дѣлаю. Хуже всего это цифры... то ихъ поютъ, то отрывисто и часто повторяютъ: „8, 5, 3, 3, 2, 3, 2, 1"... и опять начинается сначала. Въ ушахъ такъ и звенитъ: три, три, три... „Назойливо вбиваются цифры и мнѣ смутно, а затѣмъ яснѣе вырисовывается картина на квартирѣ Шандеровъ, гдѣ Шейнъ и Тотенфельсъ, 1-го апрѣля 1915 года разсказывали о бѣгствѣ военно-плѣнныхъ. Вѣдь эти цифры изъ разсказа. Въ эту игру добровольно, или нѣтъ вмѣшались и венгерцы. Особенно одинъ изъ нихъ нѣкто Шиллеръ, помѣщавшійся въ камерѣ напротивъ дежурной комнаты. Какое отношеніе Шиллеръ могъ имѣть къ моему дѣлу? я его совершенно не зналъ. Онъ слѣдилъ, поправляя порядокъ цифръ и видимо принималъ участіе въ дешифрированіи телеграммы. Однажды, это было въ первый разъ за время пребыванія на гауптвахтѣ, мнѣ разрѣшили одну прогулку съ венгерцами. Мы познакомились, но я не вынесъ пріятнаго впечатлѣнія отъ этого знакомства. Только Пейтель выдѣлялся скромностью и вѣжливостью. Что это за типъ Шиллеръ? Уже его лицо, опредѣленно еврейскаго склада, не имѣло ничего мужского, а ближе подходило къ бабьему. Шиллеръ обратился ко мнѣ съ цѣлой рѣчью: онъ съ удовольствіемъ слыхалъ о моихъ глубокихъ синологическихъ знаніяхъ, онъ, человѣкъ, всюду бывавшій во Франціи, Италіи, на Балканахъ и въ разныхъ другихъ странахъ. Онъ любитель путешествовать, интересуется этнографіей и охотно познакомился бы со мною, и проситъ не отказать ему въ этой чести. Онъ мнѣ уже писалъ, но Пейтель, къ его неудовольствію, взялъ письмо для передачи, но до сихъ поръ этого не исполнилъ.

Подошелъ Пейтель и шепнулъ, что это такая личность, съ которой связываться не стоитъ. Письмо, онъ, правда, потомъ передалъ, не считая себя вправѣ неисполнить чужой просьбы. Рѣдко приходилось читать что-нибудь болѣе противное. Авторъ хвастался знаніемъ міра, народовъ и т. д. перечисляя страны, гдѣ онъ бывалъ. Его интересуетъ и этотъ незнакомый край и

онъ проситъ дать отвѣты по перечисленнымъ пунктамъ, которые можно было объединить подъ однимъ заголовкомъ: „описаніе пути для дальнѣйшаго побѣга“.

При письмѣ была приложена маленькая тетрадка съ описаніемъ безумной попойки въ лагерѣ военно-плѣнныхъ, вполнѣ не понятная по содержанію. Въ запискѣ при этой тетрадкѣ, рекомендовалось некривить душой и вписать сколько бутылокъ пива было выпито? Пакетикъ былъ перевязанъ новой, шелковой—бѣлой веревочкой... Возмущенный нахальствомъ до глубины души, я разумѣется, ему не отвѣтилъ, а вернулъ все Пейтелю при запискѣ, въ которой сообщалъ, что ничего не могу понять, а въ дальнѣйшемъ не имѣю ни малѣйшаго желанія ломать голову надъ рѣшеніемъ арифметическихъ задачъ, присылку же шелковой веревочки—считаю неумѣстной шуткой.

Въ этотъ періодъ времени на гауптвахту поступилъ Гребенщиковъ, подъ вывѣской административно арестованнаго. Онъ подошелъ къ моему окошку, поздоровался и сообщилъ, что его арестъ является результатомъ моего дѣла. Моя радость стала безграничной: наконецъ то принялись за провокаторовъ. Я громко высказалъ въ уборной эту мысль и поторопился подѣлиться съ Пейтелемъ радостнымъ извѣстіемъ, т. к. онъ изъ моихъ разсказовъ уже зналъ о дѣятельности Челофиги, Гребенщикова и другихъ.

Пейтель отвѣтилъ сердечнымъ пожеланіемъ осуществленія моей радости на дѣлѣ, но совѣтывалъ быть осторожнымъ, предполагая въ появленіи Гребенщикова продолженіе провокаторской затѣи уже здѣсь, на гауптвахтѣ.

Скоро и мнѣ это стало ясно, т. к. Гребенщиковъ не сидѣлъ въ камерѣ подъ замкомъ, а свободно разгуливалъ по всей гауптвахтѣ, проводя большую часть времени въ дежурной комнатѣ. Я согласился съ доводами Пейтеля и попросилъ временно воздержаться отъ переписки, предполагая, что и мѣры предосторожности не помѣшаютъ Гребенщикову перехватить одну или даже нѣсколько записокъ... Однажды утромъ меня опять выпустили на прогулку одновременно съ венгерцами, но уже разговаривать съ ними не позволили. Гулять мы должны были другъ другу на встрѣчу, т. е. когда они шли на востокъ, я долженъ былъ шествовать на западъ и наоборотъ. Минутъ черезъ пять у входной двери въ два ряда построились солдаты и изъ дверей вышелъ въ полной парадной формѣ съ медалями на груди, какой то толстый фельдфебель, какъ показалось, жандармъ и важнымъ повелительнымъ голосомъ провозгласилъ: „Арестантъ Будбергъ, ступайте въ вашу камеру, у васъ прогулки больше не будетъ“.

Я возмутился,—даже въ тюрьмѣ подсудимыхъ запрещаютъ называть арестантами. Вся церемонія была проведена такъ торжественно, будто служила важнымъ актомъ и солдаты перешепнулись между собой, что это „послѣдняя прогулка“ явилась результатомъ смертнаго приговора, уже произнесеннаго надъ шпіономъ. Венгерцы гуляли еще съ полчаса, и при желаніи могли бы предупредить меня, какъ бы разговаривая между собою, т. к. я стоялъ у открытой форточки, мимо которой они проходили.

Наступилъ вечеръ, зажглись лампы, и опять началась сумасшедшая забава съ телеграммой. Пейтель подалъ знакъ о запискѣ въ уборной. Я, тоже знакомъ просилъ этого не дѣлать. Сейчасъ же за Пейтелемъ въ уборную пошелъ Гребенщиковъ и видимо перехватилъ записку, которую я уже тамъ не нашелъ. Черезъ нѣсколько минутъ Пейтель снова просится въ уборную и подаетъ знакъ, но и новую записку перехватываетъ Гребенщиковъ. Такъ это повторялось четыре или пять разъ, хотя каждый разъ я усиленно просилъ Пейтеля прекратить переписку. Что желалъ сообщить Пейтель—я не зналъ, но отлично понялъ намѣреніе шайки, къ которой присоединился Шиллеръ, получить какую нибудь записку, написанную мной собственноручно.

Захвативъ записку Пейтеля Гребенщиковъ торжествовалъ: онъ стоялъ въ концѣ корридора, при моемъ выходѣ изъ уборной и со злобнорадостнымъ смѣхомъ послалъ мнѣ фразу: „Ну, пропалъ".

Нѣтъ болѣе глупаго положенія, чѣмъ то, когда человѣкъ, обладающій нормальнымъ умомъ и врожденной порядочностью, чувствуетъ полное умственное банкротство вслѣдствіе неспособности разобраться въ низменныхъ инстинктахъ и подломъ складѣ мышленія подобныхъ людей, во власти которыхъ ему приходится жить и бороться. И если быть правдивымъ, то надо сознаться, что изъ этихъ положеній я выходилъ не умомъ а—„счастливой случайностью".

Одному китайцу когда-то я поручилъ разрисовать стѣны въ моемъ домѣ картинами, изображающими эти „счастливыя случайности" въ томъ видѣ какъ они часто вплетаются въ жизнь благородныхъ и невинныхъ людей. Китаецъ, конечно, конфуціанистъ въ душѣ, изобразилъ какую то неясную фигуру Бога, на подобіе человѣка, сидящаго на тронѣ въ небесахъ. Отъ него несутся нѣжныя, неясныя, какъ бы испаренія, которыми окутываются эти картины. На одной изображена казнь, и въ тотъ моментъ когда мечъ палача уже касается затылка приговореннаго—онъ разламывается. Этотъ случай, заимствованный изъ китайской исторіи, изображаетъ „случайность". Когда разбойники бросаютъ съ высокой скалы добраго человѣка, но невидимая рука его спасаетъ... и иныя такого же рода картины. Я сожалѣю, что не попросилъ китайца изобразить противуположное, т. е. возмездіе, вытекающіе такъ же „будто бы изъ случайностей" отъ скверныхъ людскихъ дѣяній.

Хотя я и убѣжденный конфуціанистъ, но желалъ бы имѣть болѣе твердый характеръ. Христіанское воспитаніе оставило отпечатокъ нелогичное состраданіе къ поверженнымъ судьбою врагамъ. Такими были мои чувства, когда я смотрѣлъ впослѣдствіи на фигуру Гребенщикова, такъ злорадствовавшаго преждевременно въ корридорѣ. А вѣдь онъ старый сослуживецъ, лучше другихъ знавшій о моей порядочности.

Убѣдившись въ невозможности заполучить хотя бы одну мою собственноручную записку,—начали новую игру. Я совсѣмъ не могъ понять въ чемъ дѣло. Повидимому составляется планъ побѣга венгерцевъ и меня хотятъ впутать. Ночью, въ два часа, произошелъ большой скандалъ: я слышалъ крики на дворѣ, потомъ разговоры въ дежурной: „ахъ, какъ не могли задержать... побѣжалъ въ степь..." и т. д. Слѣдующею ночью опять скандалъ: Караульный Начальникъ бѣсится и грозитъ предать полевому суду выводного, арестованнаго имъ ночью. Умываясь утромъ я узналъ изъ разговоровъ служителей, о томъ, что Караульный Начальникъ, очевидно непосвященный въ курсъ ловко составленной провокаціи, засталъ выводного въ разговорѣ съ Шиллеромъ у окна выходившаго въ степь. Въ связи съ этимъ были отобраны какіе то пятьдесятъ рублей.

Выходя уже днемъ въ корридоръ, я не повѣрилъ своимъ глазамъ: Челофига, вмѣстѣ съ другой женщиной, были на гауптвахтѣ, имѣя, очевидно, свиданіе съ Шиллеромъ. Потомъ привели парикмахера Панькова, товарища Челофиги, веселаго хохла, хорошо мнѣ извѣстнаго по тюрьмѣ, куда онъ неоднократно попадалъ за кражи. Но что меня болѣе всего поразило, такъ это его знакомство съ Шиллеромъ. Во все время переписки и обыска прибывшей партіи, они вели у дверного окошка камеры Шиллера оживленный разговоръ. Я вышелъ изъ себя и въ корридорѣ, идя въ уборную, гнѣвно крикнулъ: „Но это же Паньковъ, сотрудникъ Челофиги..." Я видѣлъ, какъ Пейтель, въ отчаяніи схватился за голову, и потомъ, мимикой обрисовывая большую шляпу, далъ понять, что знаетъ о свиданіи Шиллера съ Челофигой. Все время разговоръ о побѣгѣ останавливался на фамиліи Попова, онъ и получилъ видимо 50 рублей. Теперь и я понялъ, что Поповъ есть ни кто иной, какъ веселый хохолъ Паньковъ своимъ неумѣстнымъ гнѣвнымъ выступленіемъ, я, кажется, испортилъ всю игру, инсценированную начальствомъ.

Самымъ тревожнымъ было явное желаніе втянуть въ грязное дѣло жену. Однажды Сиротинъ принесъ три цѣлыхъ, и одно разбитое яйцо, яко бы присланныя женой. Не трудно было разгадать, въ связи съ происходящимъ что это означало: трое военно-плѣнныхъ на гауптвахтѣ и одинъ (разбитое яйцо) въ госпиталѣ. На слѣдующій день Сиротинъ принесъ четыре яблока, завернутыхъ въ бумагу съ надписью „Петерецъ". У Петерецъ въ свое время, служилъ Опецъ, съ которымъ 1-го апрѣля, намъ была устроена у братьевъ Шандеровъ встрѣча, какъ будто съ бѣжавшими военно-плѣнными.

Стало совсѣмъ невыносимымъ, когда Сиротинъ сообщилъ о пріѣздѣ на гауптвахту верхомъ моей жены съ вопросомъ: „купить ли еще двухъ лошадей?" Для чего еще двѣ лошади? Хорошо, что и для старыхъ я успѣлъ заготовить сѣно на зиму. „Но, Сиротинъ, надо же довести это до свѣдѣнія властей... Мерзавцамъ мало погубить меня, желаютъ такъ же погубить бѣдную женщину и ребенка...".

Нельзя себѣ представить пережитой душевной пытки. Въ первый разъ, разумъ мнѣ подсказывалъ необходимость уйти изъ жизни, и спасти этимъ свою семью.

Подъ такимъ впечатлѣніемъ я написалъ записку на имя Ан-вой, которую, посовѣтывавшись съ Дикуновымъ, рѣшилъ послать легально черезъ Прокурора или Слѣдователя. Записка гласила: „Благодарю Бога и добрыхъ людей, что мой ребенокъ грѣется тамъ, гдѣ мнѣ открылась могила..."

Ан-ва жила на квартирѣ умершаго фельдшера Каблукова, гдѣ 1-го апрѣля 1915 года мы были вмѣстѣ на похоронахъ и поминкахъ. Сколько тяжелыхъ воспоминаній было связано съ этимъ днемъ: похороны добраго Каблукова, мысль объ умирающемъ другѣ докторѣ Люрія, и, наконецъ, появленіе гробовщика Шандеръ со счетомъ и разсказомъ о военно-плѣнныхъ. Признаться я подозрѣвалъ и самихъ Шандеровъ въ провокаціонномъ участіи, но не былъ увѣренъ въ этомъ, и не хотѣлъ втягивать ихъ въ дѣло, открывая теперь все передъ Слѣдователемъ, котораго тоже подозрѣвалъ, какъ провокатора, или лучше сказать исполнителя желаній гнусной шайки. Здѣсь на гауптвахтѣ мнѣ опять стали напоминать объ этомъ случаѣ, распѣвая цифры бѣжавшихъ, умершихъ и вернувшихся обратно въ плѣнъ. Я теперь не сомнѣвался, что все дѣло у Шандеровъ—провокація, но долженъ былъ молчать, ничего больше не разсказывая Слѣдователю, иначе всѣ слѣды могли быть скрыты и могли пострадать—невинные.

Дѣло было такъ: на поминкахъ Каблукова, я порядочно выпилъ. Часовъ въ девять—десять пришелъ со счетомъ Шандеръ. Съ нимъ выпили еще и я совсѣмъ опьянѣлъ. Шандеръ ко мнѣ подсѣлъ и разсказалъ по нѣмецки, что двое какикъ то странныхъ людей заходили къ нему днемъ, и онъ предполагаетъ въ нихъ военно-плѣнныхъ, но однако, потомъ прибавилъ, что они сами назвались военно-плѣнными. Такъ какъ о побѣгахъ въ то время не было слышно, то я очень удивился и не повѣрилъ Шандеру, спросившему, что ему дѣлать? Трезвый я бы къ нимъ не пошелъ, но я былъ пьянъ, и въ возбужденномъ состояніи захотѣлъ выяснить въ чемъ дѣло. Я, Шандеръ и Опецъ поѣхали на квартиру Шандеровъ, и прошли въ большую комнату, очевидно магазинъ, съ выходомъ на Участковую улицу. Опецъ сѣлъ у окна, а я на стулъ въ глубинѣ комнаты. Пришелъ другой Шандеръ, а за нимъ минуты черезъ двѣ еще двое; оба хорошо говорили по нѣмецки. Одинъ назвался германскимъ, а другой австрійскимъ офицерами. Они разсказывали, что вмѣстѣ съ другими, въ числѣ восьми человѣкъ бѣжали изъ Читы. Пятеро, все нижніе чины отстали по дорогѣ, причемъ одинъ, или двое умерли, а трое сильно заболѣли и вернулись въ плѣнъ. Три офицера добрались до станціи Маньчжурія, и пока въ жандармской комнатѣ сличали паспорта одного, эти двое успѣли бѣжать и добраться до Харбина. Фамилія второго военно-плѣннаго начиналась съ Ш., кажется Шейнъ, и онъ хвалился, что хорошо знаетъ окрестности Харбина. Я имъ тутъ же поставилъ на видъ, что

своимъ появленіемъ они могутъ погубить семейство Шандеровъ, и получилъ циничный отвѣтъ германца Танненфельса, что ни какой опасности онъ не видитъ, и все это пустяки. Свиданіе продолжалось 10—15 минутъ, и я съ Опецомъ пошли домой.

Въ это время я былъ убѣжденъ, что Ан—ва поняла нашъ разговоръ съ Шандеромъ на нѣмецкомъ языкѣ, и, посылая записку, думалъ что она вспомнитъ всю сцену, бывшую на квартирѣ, гдѣ она теперь жила, и сможетъ разсказать ее Слѣдователю.

Считая Дикунова приличнымъ человѣкомъ, я ему разсказалъ суть дѣла, не требуя его молчанія, но желая получить совѣтъ: правильно ли поступаю составляя записку. Дикуновъ посовѣтывалъ это сдѣлать, но вѣроятно, не изъ сочувствія, а для содѣйствія своему высокому начальству въ лицѣ „геніальнаго“ начальника штаба полковника Баранова, умѣвшаго разшифровать любую записку, смотря по обстоятельствамъ. Онъ и раньше, черезъ Гребенщикова, старался заполучить хотя бы одну, написанную мною собственноручно записку, чтобы имѣть хоть тѣнь оправданія въ возведенной имъ клеветѣ.

Вскорѣ опять пришлось ломать голову надъ загадкой: привели и поставили напротивъ двери въ мою камеру нѣкоего Роговича, котораго я зналъ по тюрьмѣ, и котораго Эструпъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, называлъ „Агасферомъ“.

Я вспомнилъ нашу первую встрѣчу въ тюрьмѣ, въ день его ареста, когда онъ обратился ко мнѣ съ просьбой сообщить Скидельскому, у котораго онъ долго служилъ паркетнымъ мастеромъ, что онъ въ тюрьмѣ, и проситъ посодѣйствовать его освобожденію, какъ гражданскаго, а не военнаго, германскаго подданнаго съ тѣмъ, чтобы ему уѣхать въ Тяньцзинъ. По его словамъ, онъ выходецъ изъ Познани и зналъ владѣнія моего шурина графа Рачинскаго. Я отклонилъ просьбу Роговича, объяснивъ, что онъ можетъ это сдѣлать легально, отправивъ письмо черезъ тюремное начальство. Помню, какъ я былъ пораженъ, когда сличая примѣты Роговича по статейному списку въ присутствіи Слѣдователя Негиревича—старшаго, узналъ отъ послѣдняго, что Роговичъ бѣглый каторжникъ, и весь его разсказъ сплошное вранье.

И теперь я вновь вижу этого типа на Гауптвахтѣ: какъ же могла случиться подобная метаморфоза. Въ концѣ концовъ я даже узналъ, впослѣдствіи, изъ дѣла, что онъ, какъ „Агасферъ“, на свободѣ. Для меня и венгерцевъ настало страшное время въ дни Рождественскихъ Праздниковъ: во второмъ баракѣ обнаружился случай сыпного тифа, и его продезинфецировали, а затѣмъ сообщили, что насъ туда переведутъ, такъ какъ надо произвести дезинфекцію и офицерскаго барака. Къ этому времени изъ госпиталя вернулся четвертый военно-плѣнный Линдемейеръ, долго болѣвшій сыпнымъ тифомъ. Онъ, бѣдный, едва даржался на ногахъ, и выглядѣлъ скелетомъ обтянутымъ кожей.

Начало уже темнѣть, когда приказали собрать вещи и идти. Ужасъ что за мѣсто, куда меня посадили. Это былъ складъ досокъ отъ разодранныхъ наръ, и перегородокъ, скамеекъ, табуретокъ и пр. Грязь и пыль неописуемыя, часть самыхъ стѣнъ разрушена, и все это для дезинфекціи и въ ожиданіи ремонта всего барака, гдѣ въ свободныхъ помѣщеніяхъ уже работали штукатуры. Большая камера, куда меня заперли, называлась въ военномъ обиходѣ „общей“. Мнѣ было страшно взглянуть на эту грязь при свѣтѣ и я, не зажигая свѣчи, пробрался къ нарамъ. Кое какъ освободилъ мѣсто и прилегъ, желая поскорѣй заснуть. Но не прошло и пяти минутъ, какъ я вскочилъ, не понимая въ чемъ дѣло: все тѣло горѣло, чесалось и болѣло. Сперва показалось, что это отъ известки, но увы надежда не оправдалась. При свѣтѣ зажженной свѣчи я увидѣлъ отвратительную картину: вся кровать была покрыта сотнями клоповъ различнаго возраста и питанія.

Очевидно формалиновая дезинфекція ихъ не убила, а 15-ти дневная голодовка вынудила оставить убѣжище и съ остервененіемъ наброситься на меня. Застонали и венгерцы. Мы всѣ заболѣли зудящей и горящей экземой всего тѣла. Не выдерживая пытки, я пришелъ въ буйное состояніе. Пусть лучше убьютъ, кричалъ я, но эти пытки противозаконны и если требовался ремонтъ офицерскаго барака, то раньше надо было кончить здѣсь, а затѣмъ уже перемѣщать, да еще при томъ условіи, что изъ 5-ти человѣкъ, не требовалось четверымъ одиночнаго заключенія въ такой развалинѣ. Вѣдь администраціи отлично извѣстно, что сыпной тифъ передается паразитами, а вшей здѣсь было не меньше чѣмъ клоповъ. Все заранее было обдумано, и нѣкоторые изъ нашихъ стражей надрывались отъ смѣха, наблюдая за отчаянными способами борьбы съ отвратительными насѣкомыми. Но и въ этомъ положеніи, когда за 15 дней можно было опасаться серьезныхъ послѣдствій, Богъ оказался ко мнѣ милостивымъ. Жена прислала баночку съ вареньемъ, и это было моимъ спасеньемъ, а столъ, взятый съ собой изъ офицерскаго барака, вмѣстѣ со стуломъ и табуреткой, сталъ моимъ убѣжищемъ. Онъ былъ небольшой но скорчившись на немъ все же можно было лежать. Я обмазалъ ножки вареньемъ и преградилъ клопамъ путь къ своей крѣпости, а умныхъ, падавшихъ съ потолка, было не такъ то много. Все же 30-40 клоповъ временами добирались, и виновницей тому оказалась кошка, жившая у меня еще въ первомъ баракѣ. Клопы умѣли использовать ея прогулки по камерѣ, и влѣзая на нее, перебирались въ застрахованное убѣжище. Пришлось вести борьбу съ новымъ врагомъ, усложненную тѣмъ, что кошка могла забираться не только въ форточку, какъ въ офицерскомъ баракѣ, но и черезъ стѣны, пробитыя для ремонта парового отопленія и въ дверное отверстіе, вмѣсто окошка, не имѣвшаго стекла. Можн обыло свободно сноситься съ венгерцами черезъ отверстіе въ стѣнѣ между камерами, достаточно большое, чтобы проползти, но они избѣгали встрѣчъ, опасаясь нечистой игры Шиллера, но и не желали выдавать товарища. Единственными разговорами были совѣты о способахъ борьбы съ общимъ врагомъ—клопами. Кромѣ того передавались для чтенія брошюрки съ содержаніемъ изъ индійской жизни. Гдѣ описывались герои романовъ, курящіе опіумъ и гашишъ, и ихъ сновидѣнія. Нѣкоторыя мѣста были подчеркнуты и на поляхъ пестрѣли замѣтки, имѣвшія болѣе или менѣе связь съ духовной жизнью моей и жены. Требовалась большая начитанность, чтобы почерпнуть все это изъ солидной библіотеки. Никакая фантазія не могла придумать лучшаго способа, чтобы душевно замучить человѣка.

Пища снова стала носить явный характеръ издѣвательства: то сухая голова селедки, то на другой день сухой хвостъ, или другія не съѣдобныя вещи, или только кусочекъ сухого сала, называемый по нѣмецки „шпекъ“. Тутъ мое терпѣніе лопнуло и вся злость сконцентрировалась противъ Ан—вой. Я отказался отъ этой пищи, потребовавъ казенной. Это возымѣло свое дѣйствіе, и старый церберъ Сиротинъ сознался, что Ан—ва уже давно не посылаетъ пищи, а эту я получаю изъ дома отъ г-жи Р. Впослѣдствіи я узналъ, что многаго Р. не посылала, слѣдовательно кто то глумился уже на Гауптвахтѣ. Въ ужасномъ баракѣ мы прожили всѣ Рождественскіе праздники, и только въ 1916 году перешли на старыя квартиры. Наконецъ мои враги убѣдились въ безнадежности инсценированной игры на Гауптвахтѣ, и боясь запутаться самимъ еще больше, рѣшили отдѣлаться отъ меня какимъ угодно путемъ. Больше всѣхъ, очевидно хлопоталъ Начальникъ Штаба Полковникъ Барановъ, разочаровавшійся получить черезъ Гребенщикова или Шиллера какую нибудь записку, написанную мной собственноручно. Тетрадка Шиллера, какъ оказывается, вовсе не была такой невинной: сопоставляя слова, ею можно было пользоваться какъ шифромъ при тайныхъ сношеніяхъ съ „врагами отечества“. Дикунову удалось исправить оплошность и получивъ записку, написанную по его совѣту, для переотправки Ан—вой черезъ Прокурора или Слѣдователя,

онъ не замедлилъ передать ее Полковнику Баранову. Сейчасъ же послѣ этого меня рѣшили сдѣлать душевно-больнымъ. Для освидѣтельствованія моего здоровья Приказомъ по Госпиталю отъ 5 января за № 3 § 4, основанномъ на приказѣ по Гарнизону, отъ 4 января за № 4 § 15, была назначена комиссія врачей въ составѣ Главнаго Врача Госпиталя Статскаго Совѣтника Гловацкаго и врачей Госпиталя: Касторскаго и Іонова, при участіи ординатора психическаго отдѣленія Центральной Желѣзнодорожной больницы, доктора Фіалковскаго, и въ присутствіи И. д. Коменданта г. Харбина Капитана Бауэръ. На освидѣтельствованіи присутствовалъ и Дикуновъ, не объяснившій смысла записки, которая должна была служить основой, чтобы меня объявили хотя-бы душевно больнымъ, если дешифрованіе ея Барановымъ уже слишкомъ ясно покажетъ его злонамѣреніе. Комиссія заключила: „Выраженіе лица тоскливое. Говоритъ возбужденно, не складно, съ большими или меньшими паузами, дрожащимъ голосомъ, быстро перебѣгая отъ одного разсказа къ другому. Рѣчь логична, внушаетъ довѣріе. Комиссія полагаетъ, что Баронъ Будбергъ боленъ неврастеніей, артеріосклезомъ, развившемся на почвѣ хроническаго алкоголизма, геморроемъ и хроническимъ желудочно-кишечнымъ катарромъ. Онъ психически здоровъ, но подъ вліяніемъ алкоголизма въ прошломъ, тяжелыхъ душевныхъ потрясеній и тюремнаго режима страдаетъ галлюцинаціями слуха“.

Хорошая дрессировка, особенно военныхъ врачей. Всѣ вынесенные опыты меня убѣдили, насколько образованіе и воспитаніе не сдѣлали изъ большинства русскихъ врачей специалистовъ, дѣйствительно идеально преданныхъ своему дѣлу и стоящихъ высоко на пьедесталѣ благородства и знаній. Кто же въ этомъ городѣ, особенно среди врачей не зналъ „этого чудака Будберга“, для котораго не существовали ни кабаки, ни рестораны, ни театры, который и дома не признавалъ хотя бы рюмки водки. Наоборотъ всѣ удивлялись, что онъ, находясь въ компаніи пьянствующихъ коллегъ, что бывало разъ въ нѣсколько лѣтъ, умѣлъ не портить настроенія кутящихъ, и для ихъ удовольствія вливалъ въ себя не мало спиртныхъ напитковъ, оставаясь, по вкорѣнившейся отъ воспитанія привычкѣ, всегда сдержаннымъ и корректнымъ. Но комиссія видѣла передъ собой тяжко больного человѣка, ученаго, бывшаго преподавателя университета, пользовавшагося и здѣсь самой лучшей репутаціей какъ человѣка, врача и идеалиста, и они хладнокровно рѣшили, что я самъ, въ пьянствѣ разрушилъ свое здоровье и дошелъ до слуховыхъ галлюцинацій. Они заявили „рѣчь его логична, внушаетъ довѣріе“, но привычная приниженность, и подлое желаніе угодничества, лишили ихъ мужества, во имя справедливости, требовать дѣйствительнаго разслѣдованія, и выяснить допросами: правда ли существуютъ такія ужасы, которыя я претерпѣлъ, совершенно измученный нравственно и физически. Развѣ не ихъ дѣло было объяснить, что человѣкъ больной, страдающій, какъ они доказывали галлюцинаціями, не можетъ оставаться подъ такимъ режимомъ?

Развѣ не ихъ обязанность была потребовать моего перевода на испытаніе въ больницу, хотя бы даже психіатрическую? Ни одинъ изъ моихъ коллегъ ни словомъ не обмолвился о подачѣ мнѣ медицинской помощи и не высказался за облегченіе режима. Они засѣдали всего въ 40 шагахъ отъ Гауптвахты и было легко провѣрить мои показанія на мѣстѣ. Всѣ они знали, что я, измученный старикъ, являюсь лишь жертвой избранной для патріотической травли. Здѣсь сказалась также профессіональная ненависть къ врагамъ нѣмцамъ, получившимъ научную подготовку въ нѣмецкихъ школахъ и университетахъ. Нѣмцы враги, и среди русскаго населенія пользовались завидной репутаціей, а это русскимъ коллегамъ казалось нѣмецкимъ засильемъ, лишавшимъ ихъ куска хлѣба. По моей просьбѣ, одинъ разъ за все время заключенія, зашелъ врачъ Суворовъ. Я раньше съ нимъ встрѣчался и онъ всегда былъ любезенъ и внимателенъ, теперь же, совершенно неожиданно,

онъ не подалъ руки, и держался не только надменно, но даже съ оттѣнкомъ брезгливости. Въ этой выходкѣ Суворова я видѣлъ только укорѣнившуюся привычку „держать носъ по вѣтру“.

Въ концѣ января мнѣ сообщили, что въ Харбинѣ, проѣздомъ въ Японію, остановился Великій Князь Георгій Михайловичъ. Съ братомъ, его Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ, составлявшимъ исторію Царствованія Императоровъ Александра и Николая Первыхъ, я былъ хорошо знакомъ, доставляя ему изъ родового архива различный матеріалъ, имѣвшій значеніе для оцѣнки этой эпохи. У него же я познакомился съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Михайловичемъ. Я предполагалъ, что Великій Князь узнаетъ о моемъ дѣлѣ, и заинтересуется имъ безъ всякихъ просьбъ съ моей стороны. Мнѣ предложили подать прошеніе на Его имя. Странно. Вдругъ мнѣ, оторванному отъ всего свѣта, содержавшемуся подъ такимъ строгимъ режимомъ, сообщаютъ городскія новости и предлагаютъ подать прошеніе. „Пусть не безпокоятся тѣ, ведущія дѣло, ничто не останется невыясненнымъ и настанетъ время, когда на судѣ узнаютъ „всѣ“ и „все“ кто преступникъ“, отвѣтилъ я, на уговоры и совѣты. Сказать по совѣсти мнѣ стоило не мало силъ и душевной борьбы отказаться отъ всякой милости и не подавать прошенія, но я выдержалъ характеръ, не желая дать преступникамъ возможности довести дѣло до конца, безъ судебнаго разбирательства. Если только Богу будетъ угодно оставить меня живымъ въ этомъ аду, то лучше быть калѣкой, разбитому тѣломъ и душой, но увидѣть результаты торжества „правды“ и „справедливости“.

Сейчасъ же послѣ отъѣзда Великаго Князя, Слѣдователь 1-го февраля вызвалъ меня къ себѣ. На этотъ разъ мнѣ долго пришлось ожидать въ Жандармскомъ Управленіи, пока Слѣдователь соблаговолилъ позвать меня въ кабинетъ. Я сидѣлъ въ караульномъ помѣщеніи, а конвоиры остались у дверей этой комнаты, въ передней. Жандармы были, по обыкновенію, вѣжливы и охотно подѣлились кускомъ хорошаго чернаго ржаного хлѣба, т. к. я ушелъ съ гауптвахты голоднымъ. Они разговаривали совершенно не стѣсняясь моего присутствія и особенно интересовались господиномъ, сидѣвшимъ у Слѣдователя. Жандармы предполагали, что этотъ штатскій вѣроятно высокопоставленное лицо, т. к. онъ по слухамъ изъ свиты Великаго Князя, и видно остался въ Харбинѣ по важнымъ дѣламъ. Хотя эти солдаты и всегда были вѣжливы, но сегодня относились ко мнѣ съ особымъ вниманіемъ, высказывая даже убѣжденіе о скоромъ освобожденіи. Наконецъ вышелъ Слѣдователь, и любезно поздоровавшись, пригласилъ въ кабинетъ. Тамъ уже находился незнакомый господинъ въ штатскомъ платьѣ. Онъ вѣжливо поклонился, назвавъ фамилію, которую я не разслышалъ. Слѣдователь сообщилъ мнѣ объ отсутствіи вѣскихъ уликъ, и если новыхъ не найдется, то не замедлитъ послѣдовать освобожденіе. При этомъ онъ посовѣтовалъ подробно все разсказать, и подвинуть такимъ образомъ дѣло. Ему, какъ онъ мнѣ и раньше говорилъ, все равно кого посадить на скамью подсудимыхъ—меня, или самого Прокурора Сульжикова, если на самомъ дѣлѣ, выяснится провокація. Выслушавъ тираду Стразова, я рѣшительно заявилъ, что не могу быть убѣжденнымъ въ безпартійномъ отношеніи Слѣдователя.

„Вы уже отказали въ разрѣшеніи присутствовать моему начальству при тѣхъ заявленіяхъ, которыя я хотѣлъ сдѣлать для выясненія обстановки, и это я не могу считать безпартійнымъ. Вамъ извѣстны всѣ насилія, которымъ я подвергался, и до сихъ поръ я, гражданскій чинъ, содержусь на военной гауптвахтѣ. Допрошенъ Вами былъ въ первый разъ только черезъ мѣсяцъ послѣ ареста. Вамъ извѣстно, что въ моемъ отсутствіи, безъ всякихъ причинъ конфискованъ ящикъ съ документами, запечатанный печатями моими и сыскного отдѣленія, и вскрытъ, даже со взломомъ замковъ. И Вы сами не считаете необходимымъ разрѣшить мое присутствіе при Вашемъ разборѣ моихъ документовъ и ихъ регистраціи? Вы до сихъ поръ не дали объясненія, что

это за сцена была съ замаскированнымъ субъектомъ, и что это было за лицо? Вы меня спрашивали въ послѣднiй разъ, 12 ноября 1915 года, а теперь уже 1 февраля 1916 г., и кромѣ того есть еще много данныхъ не вѣрить Вашей безпартiйности, и я предпочитаю отложить дальнѣйшiя показанiя до суда. Не правда-ли, вѣдь это мое право? Стразовъ не могъ отрицать мое право воздержаться отъ показанiй, но совѣтовалъ отказаться отъ этой мысли, суля вѣроятность скораго освобожденiя, а на свободѣ я конечно смогу ускорить дѣло и разоблачить дѣйствительно виновныхъ. Присутствующiй господинъ, яко бы оставленный здѣсь Великимъ Княземъ, въ свою очередь подчеркнулъ лойяльность Слѣдователя и полное основанiе ему довѣриться. По его словамъ онъ лишь поверхностно ознакомился съ моимъ дѣломъ, но за недолгое пребыванiе въ Харбинѣ, успѣлъ составить мнѣнiе о богатствѣ интригъ и сплетенъ этого города. Тактъ не позволялъ справиться долго-ли онъ пробудетъ въ Харбинѣ, но извинившись, я просилъ повторить его фамилiю, которую при встрѣчѣ не разслышалъ. Товарищъ Прокурора Изотовъ, служившiй раньше въ какомъ то департаментѣ въ Петроградѣ и кажется также во Владивостокѣ. Превосходно, подумалъ я. Изотовъ не только временно сюда прибылъ, но и будетъ имѣть возможность наблюдать за ходомъ дѣла. Я извинился за высказанное передъ нимъ недовѣрiе къ Слѣдователю, не относящееся, разумѣется къ нему. Я соглашаюсь вполнѣ подробно раскрыть имъ все дѣло и всѣ провокацiи, но беру предварительно съ обоихъ честное слово въ томъ, что они будутъ безпристрастны. Первымъ дѣломъ я вынужденъ просить о выясненiи игры, ведущейся со мной на гауптвахтѣ. Оба обѣщаютъ и отрицаютъ возможность перевода венгерцевъ впредь до окончанiя разслѣдованiя. Стразовъ обѣщалъ прiѣхать на гауптвахту, но не могъ скрыть смущенiя когда узналъ, что не смотря на строжайшiй режимъ я успѣлъ передать Графу Плауенъ всѣ подробности дѣла: „Вы можете меня поздравить, такъ какъ скрыть теперь дѣло уже не возможно". Въ центрѣ всѣхъ показанiй стоялъ разсказъ о Челофигѣ и Владивостокскихъ крѣпостныхъ планахъ, и подчеркнута необходимость, не откладывая дальше, допросить фельдшера Кулешева, о чемъ я уже просилъ на первомъ допросѣ и въ особенности въ письменномъ сношенiи къ Слѣдователю. Эти оба господина сумѣли придать допросу характеръ самаго дружескаго собесѣдованiя, ѣдко критикуя Харбинское общество, и разныхъ персонажей административнаго мiра. Меня угостили хорошимъ обѣдомъ, и собесѣдники видимо, съ интересомъ и доброжелательствомъ выслушивали мои непринужденные разсказы. Такъ съ утра и до вечера быстро промелькнуло время. Около 9 часовъ вечера ушелъ Изотовъ, предварительно сговорившись по телефону съ какой то дамой, по имени „Соня", ѣхать вмѣстѣ въ театръ. Только послѣ ухода Изотова, Стразовъ сѣлъ за машинку писать начатый утромъ допросъ, но уже ни слова не говорилъ о самомъ главномъ дневномъ разговорѣ, т. е. о дѣлѣ Челофиги, Кулешева, Горстина, Гребенщикова, Траутшольда, Панькова и таинственнаго Роговича.

Стразовъ увѣрялъ, что разумѣется всѣ эти показанiя будутъ запротоколены и всѣ они важны, но сегодня уже нѣтъ времени. По его мнѣнiю необходимо спросить также венгерцевъ, и они, ни подъ какимъ видомъ, не будутъ отправлены раньше, чѣмъ полностью не выяснится вся обстановка и причины появленiя на гауптвахтѣ Гребенщикова, Челофиги, Роговича и другихъ.

Копiя протокола.

Допрошенный дополнительно 1 февраля 1916 г. обвиняемый докторъ Баронъ фонъ-Будбергъ показалъ: На предложенные мнѣ вопросы показываю: Въ мартѣ мѣсяцѣ 1915 года, въ день погребенiя фельдшера Каблукова, я былъ на поминкахъ его на квартирѣ. Тамъ была Ан—ва, Опецъ и другiе.

Часовъ въ 8—10 вечера пришелъ туда одинъ изъ братьевъ Шандеръ и принялъ участіе въ выпивкѣ. Я былъ къ этому времени пьянъ. Съ нимъ выпилъ еще, и больше опьянѣлъ. Спустя часъ, послѣ своего прихода, Шандеръ по нѣмецки мнѣ сообщилъ, что къ нему днемъ того же дня пришли два какихъ то странныхъ человѣка. Шандеръ мнѣ высказалъ предположеніе, что они военно-плѣнные, потомъ однако Шандеръ, сказалъ, что эти два человѣка назвались военно-плѣнными. Такъ какъ въ то время небыло слышно о побѣгахъ военно-плѣнныхъ, то я очень былъ удивленъ этимъ сообщеніемъ Шандера, и не повѣрилъ ему. Шандеръ спросилъ меня, что ему дѣлать? Трезвый я не пошелъ бы къ Шандерамъ, но я былъ сильно пьянъ, и подозрѣвая, что мнѣ готовится какая то ловушка,—хотѣлъ выяснить въ чемъ дѣло. Я, Шандеръ и Опецъ отправились пѣшкомъ до Саманной, тамъ сѣли на извозчика, пріѣхали на квартиру Шандеровъ, и прошли въ большую комнату, повидимому магазинъ, входъ въ которую велъ съ Участковой улицы. Изъ этой большой комнаты дверь вела въ маленькую комнату, въ эту комнату мы всѣ вошли. Опецъ сѣлъ у окна, а я на стулъ противъ окна въ глубинѣ комнаты. Шандеръ зажегъ свѣтъ. Пришелъ второй Шандеръ, который кажется намъ открылъ дверь. Минуты полторы спустя въ комнату вошли двое. Одинъ изъ неизвѣстныхъ сѣлъ на стулъ рядомъ со мной, при чемъ я успѣлъ замѣтить, что онъ худощавый съ острыми чертами лица. Тогда одинъ изъ Шандеровъ поставилъ лампу съ такимъ расчетомъ, что бы я не могъ видѣть лица этого неизвѣстнаго, и во время бесѣды я его видѣть не могъ. Второй неизвѣстный остановился посреди комнаты около сидящаго рядомъ со мной на стулѣ. Онъ былъ освѣщенъ лампой. Это былъ человѣкъ высокаго роста плотнаго сложенія, брюнетъ, говорилъ сладкимъ голосомъ, кажется съ пришептываніемъ. Они хорошо говорили по нѣмецки. Стоявшій назвался австрійскимъ военно-плѣннымъ. Сидѣвшій со мной рядомъ разсказалъ, что онъ офицеръ, германской арміи Вольфъ фонъ-Танненфельсъ, или Танненфельдъ, что онъ вмѣстѣ съ другими военно-плѣнными, въ числѣ восьми человѣкъ, изъ которыхъ были: три офицера, и пять нижнихъ чиновъ, совершили побѣгъ изъ лагеря, кажется Читы. Далѣе онъ разсказалъ, что пятеро изъ нихъ, всѣ—нижніе чины, отстали по дорогѣ, при чемъ одинъ или двое умерли, трое сильно заболѣли, распухли тѣломъ, добровольно вернулись въ плѣнъ, а три офицера добрались до ст. Маньчжурія, здѣсь изъ жандармской комнаты, пока сличали паспортъ одного изъ нихъ, они двое сбѣжали, и со станціи Дуйциншань, по тракту Хуланхэ, пришли пѣшкомъ въ Харбинъ. Стоявшій рядомъ военно-плѣнный, который назывался фамиліей, начинающейся съ „Ш", кажется Шейнъ, принималъ участіе въ разсказѣ о побѣгѣ и между прочимъ замѣтилъ, что онъ хорошо знаетъ мѣстность вокругъ Харбина. Я тогда замѣтилъ, что имъ незачѣмъ было приходить въ Харбинъ, такъ какъ въ Хуланхэ есть германцы. Тутъ же я имъ поставилъ на видъ, что они своимъ появленіемъ могутъ погубить семейство Шандеровъ. На это, называвшійся Вольфомъ фонъ-Танненфельсомъ цинично отвѣтилъ, что никакой опасности онъ не видитъ, и что все это пустяки. Я совѣтовалъ поскорѣй уйти имъ въ Фудядзянъ, а затѣмъ въ Хуланхэ. Я умышленно направилъ ихъ въ Хуланхэ, такъ какъ тамъ есть хорошіе русскіе агенты. Далѣе я имъ высказалъ предположеніе, что, живущіе въ Хуланхэ германцы, могутъ направить ихъ въ Бодунэ, разъяснилъ, что между Хуланхэ и Бодунэ существуетъ постоянное движеніе. Наслучай, если бы они были въ Бодунэ, я указалъ имъ на Штефлера, рекомендовалъ имъ его какъ своего друга, и даже написалъ въ записной книжкѣ Вольфа фонъ-Танненфельса его китайское имя „Дэ-мау-шанъ". Сейчасъ точно не могу припомнть, самъ ли я назвалъ Штефлера, или о немъ говорилъ назвавшійся Вольфомъ Танненфельсомъ. Все это продолжалось минутъ 5—10, а потомъ, я вмѣстѣ съ Опецомъ пошли домой. Помню сейчасъ, что въ разговорѣ одинъ изъ нихъ мнѣ говорилъ, что они были „на пути ко мнѣ". Это заявленіе меня испугало, и я не сталъ больше разспрашивать о

томъ, почему они шли ко мнѣ. Я умышленно не указалъ имъ дорогу отъ квартиры Шандеровъ по тропинкѣ черезъ дамбу ниже депо и Московскихъ казармъ, идя по которой они могли совершенно безпрепятственно выйти на большую дорогу, пролегающую между Шуаньченпу и Бодунэ, или направляясь на рѣку Сунгари къ деревнѣ Боуманъ, мимо которой проходятъ пароходы и имѣется перевозъ черезъ рѣку, такъ какъ не хотѣлъ, что бы они могли успѣшно воспользоваться моимъ совѣтомъ, что бы бѣжать въ Китай, объ этомъ я подробно разсказалъ Караульному Начальнику, фамилію котораго не помню, но его могутъ указать содержащіеся на гауптвахтѣ военноплѣнные венгерцы. Предполагая затѣмъ, что Шандеры виновны въ отправкѣ военно-плѣнныхъ за границу, я рѣшилъ объ этомъ предупредить Ан—ву. Поэтому я написалъ карандашемъ предъявленную мнѣ записку (предъявлена записка), начинающаяся словами: „Благодарю Бога и добрыхъ людей, что ребенокъ мой грѣется тамъ, гдѣ мнѣ открылась могила, кругомъ все свѣтло". Записка не имѣетъ условнаго значенія. Мнѣ казалось, что Ан—ва знала, что то про Шандера. Поэтому, что бы сказать про Шандера, и что бы Ан—ва поняла, передавая записку Завѣдывающему гауптвахтой, сказалъ ему о днѣ смерти Каблукова, о томъ, что я былъ въ церкви на отпѣваніи съ М. Н. Аф—вой, и что дѣло было „среди гробовъ". Такъ какъ я подозрѣвалъ, что Караульный Начальникъ, которому я разсказалъ про случай у Шандера, доложитъ Прокурору Суда, то я рѣшилъ, что Прокуроръ Суда вызоветъ Ан—ву и изъ разговора съ нимъ она пойметъ роль Шандеровъ. Словомъ „могила" нужно понимать здѣсь какъ синонимъ „гибель". Дѣйствительно какое не получило бы движеніе настоящее дѣло, я считаю, что все для меня погибло, такъ какъ я утратилъ довѣріе къ людямъ. Выраженіе „кругомъ все свѣтло" нужно понимать, что за мной нѣтъ никакой вины, и никакого преступленія. Ничего болѣе показать не имѣю.

Показаніе прочитано.

Подлинный за подписями.

Копію свѣрялъ: И. Д. Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ М. Стразовъ.

Только послѣ часа ночи, когда я уже еле держался на ногахъ, Слѣдователь меня отпустилъ. Была бурная погода. Трудно было идти черезъ базаръ и спускъ оттуда по канавамъ и оврагамъ. Мы постоянно спотыкались, а луна холодно и безразлично смотрѣла на позднихъ путниковъ, то выступая въ полномъ блескѣ, то скрываясь за темныя облака. Мнѣ казалось, что въ эту ночь, это лицо луны носило особо безразличный и недовольный видъ. То передъ ней сгущались облака, темной, непроницаемой массой, то какая-то невидимая сила, желая подразнить, срывала тутъ и тамъ клочки прикрывающей массы и обнажала блестящія части прячущагося, недовольнаго лика. Конвоиры, старые люди, самарцы, тоже были недовольны погодой: то дорогу было отлично видно, то наступала непроглядная тьма, и они спотыкались и падали съ винтовками въ рукахъ. Хорошо въ такую ночь сидѣть, бесѣдовать и размышлять, но не... ходить по оврагамъ. Въ оврагѣ я предложилъ отдохнуть, и конвоиры охотно согласились, закуривъ предложенныя мной папиросы. Собачья жизнь и у этихъ бѣдныхъ людей. Какъ ихъ гоняютъ? Уже съ 4 часовъ прошлой ночи они на ногахъ безъ ѣды. Поразительна безчеловѣчность къ этимъ старикамъ и поразительна безпечность къ интересамъ службы. Никому изъ начальствующихъ лицъ не приходитъ въ голову безсистемность, съ которою конвоиры должны бѣжать съ десятокъ верстъ, что бы въ одномъ мѣстѣ получить одну, а въ другомъ другую бумагу. Ополченцы знали въ какихъ безсовѣстныхъ условіяхъ меня содержали на гауптвахтѣ, и у этихъ простыхъ людей находились слова, ободрявшія мою душу. Слава Богу, утѣшалъ я себя. Слѣдователь поставитъ преграды этимъ издѣвательствамъ, и все разслѣдуетъ. Видимо на гауптвахтѣ съ интересомъ ожидали наше возвращеніе, и хотя уже было 2 часа ночи, но Дикуновъ сидѣлъ

въ дежурной комнатѣ. Раньше со мной не разговаривали, но сейчасъ все перемѣнилось, и наперебой посыпались вопросы въ какомъ положенiи обстоитъ дѣло? Я только могъ выразить свое удовлетворенiе и подумалъ: видно Великiй Князь Георгiй Михайловичъ далъ указанiя. Едва я зашелъ въ свою камеру, какъ слѣдомъ вошелъ служитель и совершенно открыто передалъ клочекъ бумаги. Я не повѣрилъ глазамъ, но по нѣмецки было написано: „сердечный привѣтъ шлютъ Вамъ при отъѣздѣ Пейтль, Каланъ-Борсъ, Линдемейеръ и Шиллеръ. Изъ дежурной комнаты раздался громкiй смѣхъ. Я попросилъ къ себѣ Дикунова и показалъ записку. Онъ мнѣ ее оставилъ и смѣясь сказалъ, что дѣйствительно венгерцы вечеромъ были отправлены по желѣзной дорогѣ, но куда именно онъ этого не знаетъ. Все стало яснымъ, это ввели въ игру новое лицо, будто оставленное Великимъ Княземъ и весь допросъ, съ прiятнымъ разговоромъ, является прекрасно разыгранной комедiей, съ введенiемъ новаго героя, а я сталъ жертвой своей довѣрчивости, открывъ всѣ карты противникамъ.

Теперь они свободно могутъ выйти въ двери, которыя я такъ предупредительно открылъ. Меня всегда интересовала судебная медицина, увлекая до полнаго самозабвенiя. Во время изслѣдованiя мѣста преступленiя, я не упускалъ ни одной мелочи и можетъ быть проявлялъ удивительный талантъ въ возстановленiи полной картины преступленiя съ обрисовкой преступниковъ, но у меня отсутствовала малѣйшая способность физiономиста. Сколько лѣтъ мнѣ, какъ судебному, тюремному и полицейскому врачу приходилось имѣть дѣло съ описанiемъ всевозможныхъ преступниковъ и ежедневно отчаяваться въ отсутствiи этой способности. Я былъ довольно хорошимъ графологомъ и могу читать немного по карточкѣ, но какъ только имѣлъ дѣло съ живыми людьми, каждый могъ подкупить меня въ свою пользу. Я никогда не могъ себѣ представить дѣйствительно подлую душу, не признающую ничего святого, но и имѣя за плечами тяжелый опытъ, до конца жизни останусь тѣмъ чудакомъ, который всетаки полагаетъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть, хотя бы временно, крупица облика того существа, которое сотворено по Божьему подобiю. Я думаю, дорогой читатель, будетъ трудно разобраться въ томъ, что я какъ человѣкъ, повидимому, не совсѣмъ глупый могъ сдѣлаться игрушкой въ рукахъ лицъ, хотя и самыхъ простыхъ, но безсердечныхъ себялюбцевъ, не брезгающихъ преступными путями. Не только въ отношенiи людей, но и животныхъ, въ границахъ духовной жизни которыхъ я плохо разбираюсь, я обреченъ оставаться чудакомъ. Но, говоря правду, именно въ этомъ скрывается, что то дѣтское, и я вѣрю, что это даръ Божiй, хотя и переполнившiй мою жизнь сплошной сѣтью разочарованiй, но и въ горѣ моемъ дающiй Божественное утѣшенiе. Послѣ допроса 1 апрѣля произошли нѣкоторыя перемѣны въ режимѣ. Тенденцiозныя забавы прекратились и все начало концентрироваться въ одной цѣли—совершенно истощить мое физическое и духовное здоровье. То давали волю, выпуская гулять на цѣлые часы, то безъ всякой причины безвыходно запирали въ камерѣ. То разрѣшили даже разговаривать съ вновь прибывшими военноплѣнными, то вдругъ режимъ становился настолько суровымъ, что выводной сокращалъ время моего пребыванiя въ уборной. Однажды въ камеру пустили Неводова. Онъ принесъ водку и былъ не прочь вмѣстѣ выпить. Между разговоромъ Неводовъ, женатый на француженкѣ, пояснилъ, что хорошо знаетъ мое дѣло, такъ какъ его жена имѣетъ какое то отношенiе къ Прокурору Сульжикову, и могла бы оказать содѣйствiе, если я соглашусь молчать, и не буду препятствовать закончить дѣло миромъ. Тогда меня удалось бы освободить. Не знаю, говорилъ ли Неводовъ по собственной инициативѣ, или ему это поручили, но мое рѣшенiе не могло измѣниться, и я категорически заявилъ для передачи Сульжикову, что отъ милости отказываюсь, и изъ заключенiя не выйду до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не займетъ мое мѣсто. Изъ адресованныхъ мнѣ писемъ, пропустили

два отъ моей матери, написанныхъ по французски, и конечно прошедшихъ цензуру Сульжикова. Письма моей старушки были полны отчаянія и возмущенія подлостью провокаціи. Только тотъ могъ понять все ея негодованіе, кто зналъ неограниченную милость, которой мы пользовались со стороны какъ самого Государя, такъ со стороны Его Матери Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, которая въ 1904 году сама сюда меня послала съ особой миссіей Краснаго Креста. Но не здѣсь разсказывать о всемъ, дышавшемъ чистыми идеями. Храмы людскіе нынѣ разрушены силами ада. Моя мать два раза подавала прошеніе на Высочайшее Имя. Два раза Государь черезъ своего Начальника Штаба Алексѣева дѣлалъ запросы въ Управленіе Дороги о моемъ дѣлѣ, но что отвѣтило Управленіе, я не могъ узнать даже до сихъ поръ. Въ своемъ отвѣтѣ матери, мнѣ это разрѣшили, на русскомъ или французскомъ языкахъ, я выразилъ лишь просьбу: умолялъ, чтобы Государь предоставилъ моимъ угнетателямъ полную свободу дѣйствій, ибо настанетъ время, когда я буду просить Его Величество потребовать ихъ къ отвѣту, за все то, что мнѣ пришлось пережить. Этой стойкостью и непримиримостью я отнялъ послѣднюю надежду на мирный исходъ дѣла, и у нихъ явилась рѣшимость не выпускать меня живымъ изъ своихъ рукъ. На Гауптвахту, по старому поступали арестованными форменные алкоголики, подверженные припадкамъ бѣлой горячки. Въ камеру, напротивъ, гдѣ раньше жилъ Графъ Плауенъ, помѣстили Барона К., кавалерійскаго офицера, тоже изъ именитаго рода. Онъ былъ арестованъ за скандалъ, учиненный въ ресторанѣ „Кишиневъ“ по сосѣдству съ моимъ домомъ на той же улицѣ. Это былъ человѣкъ прогнившій тѣломъ и разложившійся душой. Въ мрачные періоды его стоны неслись по всей гауптвахтѣ. Затѣмъ наступала реакція: слышался смѣхъ, лились веселыя рѣчи въ кругу подобныхъ же собутыльниковъ и распѣвались пѣсни въ честь веселыхъ боговъ Венеры и Бахуса. Въ перемежку съ разными шутками фигурировалъ разсказъ Барона К. о его связи съ китаянкой, женой его земляка, старика-нѣмца заключеннаго въ камерѣ напротивъ. Сколько хохота и шутокъ было отпущено по этому поводу. Сколько мерзости вылилось изъ пьяныхъ устъ. И все это я слушалъ. Въ моей памяти остался случай: во время прогулки старикъ часовой Саратовской дружины, изъ нѣмцевъ колонистовъ, вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Что это тамъ за безстыдные разговоры. Правда ли все о чемъ они говорятъ“? И когда старикъ узналъ правду, не выдержала его душа, и на глазахъ его, мужика, показались слезы. Вѣдь вотъ не его храмъ поруганъ, не его цвѣтникъ растоптанъ, но кому же изъ людей не больно видѣть свиней, ворвавшихся въ святыя, хотя бы даже чужія, мѣста. У стола въ садикѣ сидѣли двое солдатъ-татаръ, они писали на далекую родину, и возмущались происходившимъ, такъ какъ и по магометански считали постыднымъ бросать грязью въ чужой домашній очагъ. Они шопотомъ сообщили мнѣ о своей молитвѣ за меня въ мечети. О какъ мнѣ стало тяжело жить!

Бѣдная жена и милый ребенокъ, что съ вами? Лучше уже остаться сиротами, на что я вамъ, лишенный возможности быть защитникомъ. Когда вы останетесь однѣ, тогда найдется и другая защита. Боже прости мой грѣхъ. Адскія силы мнѣ внушали, что для ихъ спасенія будетъ лучше, если я сойду съ предназначенной дороги и уйду изъ жизни. Утромъ въ первыхъ числахъ апрѣля, открылись мои двери и появилась цѣлая процессія во главѣ съ Дикуновымъ и Сиротинымъ. Служителя несли большую японскую корзину и поставили ее въ центрѣ камеры. Въ корридорѣ, на фонѣ этой сцены, толпились статисты — Караульный Начальникъ и прочіе обитатели гауптвахты. Корзина была опечатана и хорошо обвязана въ нѣсколько разъ длинной веревкой. Торжественно сорвали печати и разрѣзали веревку, изъ которой получилось четыре длинныхъ конца. Корзина оказалась набитой лохмотьями одежды, грязной, замаранной глиной и землей. Тамъ же нашлись черные, совсѣмъ заржавѣвшіе часы. „Что такое? для чего Вы принесли эти незна-

комыя мнѣ вещи“? обратился я къ Дикунову. „Это Вамъ присылаетъ Слѣдователь и требуетъ расписаться въ пріемѣ каждой вещи“. „Какъ, эта корзина съ вещами должна остаться въ моей камерѣ“? „Да“, отвѣчаютъ и смѣются. Я не вытерпѣлъ и слезы полились изъ глазъ. Я проклиналъ новую игру, что это такое? изъ моихъ вещей Слѣдователь не вернулъ ничего, а сейчасъ присылаетъ какія-то чужія лохмотья. Въ чемъ тутъ дѣло? По мѣрѣ того какъ вынимали изъ корзины вещи и бросали ихъ на кровать я долженъ былъ расписываться въ пріемѣ каждой. Возмущеніе и нетерпѣніе разгадать новую задачу, сжали сердце страхомъ и чуть не лишили сознанія. По окончаніи передачи вещей, оставили и всѣ 4 конца веревки. Закрылись двери. Загремѣли тяжелые засовы и только за стекломъ окошка виднѣлось ненавистное лицо часового. Что это за ватная, сѣрая кофточка, брошенная на кровать? Вѣдь это или европейская женская кофточка, или куртка съ подростка. Я началъ ее разсматривать со всѣхъ сторонъ. Какая она потертая, какъ замарана глиной и землей. И вдругъ передъ глазами, какъ видѣніе, предстала опять черная, искалѣченная свинья, появившаяся на моемъ дворѣ за нѣсколько дней до ареста.

Еще тогда непонятный ужась меня остановилъ оть личнаго выясненія верховой поѣздки жены, а Г-жа Паулина такъ мнѣ и не сообщила куда и зачѣмъ та брала лошадей въ послѣднее воскресенье. Сиротинъ какъ то говорилъ, что жена пріѣзжала верхомъ на Гауптвахту при страшнѣйшемъ морозѣ. И вотъ внезапно меня осѣнила мысль—не была ли она въ заговорѣ съ венгерцами? Нѣтъ ли связи съ ея поѣздками и разговорами на гауптвахтѣ о набѣгахъ хунхузовъ? Да въ концѣ концовъ и этотъ ужасный типъ, въ камерѣ напротивъ, могъ быть знакомъ съ женой, фигурируя героемъ романа. Голова закружилась.—Въ карманѣ кофточки я нашелъ пару, сильно поношенныхъ, черныхъ перчатокъ съ тонкихъ и нѣжныхъ женскихъ ручекъ и платочекъ, такой же точно, какъ у жены. Не можетъ быть! Неужели я долженъ остановиться на мысли, что она принимала участіе въ какой-то организаціи хунхузовъ? Не даромъ Сульжиковъ устроилъ выставку карточекъ съ Штефлеромъ, снятымъ среди вооруженныхъ китайцевъ. Здѣсь могла быть и разгадка секрета стараго еврея, не желавшаго говорить въ присутствіи жены. Ни Сульжиковъ, ни Стразовъ, не предлагали вопросовъ, связанныхъ съ ея именемъ, наоборотъ Стразовъ увѣрялъ, что они обѣ живы и здоровы, но просто мнѣ не пишутъ. Конечно чины судебнаго розыска, не желая посвящать меня въ детали, пока сами не убѣдятся, являлась ли моя жена только подставнымъ лицомъ, или была сообщницей преступной шайки безъ моего вѣдома. Въ этомъ то духѣ и проводилась, повидимому, вся политика на гауптвахтѣ. Припомнилось замѣчаніе Стразова: „на этой веревкѣ я повѣсится не могъ“, когда я ему разсказалъ о присылкѣ Шиллеромъ шелковаго шнурка. Это была не насмѣшка, а добрый совѣтъ, вслѣдъ за которымъ прибыла другая достаточно длинная, даже для четверыхъ. И я рѣшилъ отказаться отъ борьбы, и уйти изъ жизни, спасая этой жертвой горячо любимую жену. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я одинъ виновенъ: я не сумѣлъ ее защитить, не умѣлъ развить эту чудную душу. Отдавъ всѣ силы умственной работѣ, я не находилъ времени быть со своими въ постоянномъ духовномъ общеніи и.... погубилъ ихъ. Нервы мои были такъ потрясены, я такъ страдалъ, что не могъ разсуждать сознательно, и рѣшился на шагъ, который являлся въ моихъ глазахъ самымъ благороднымъ и правильнымъ выходомъ.

Сильно повліяло и другое возмутительное обстоятельство: послѣ того какъ вещи были брошены на кровать, я вышелъ въ уборную и возвратившись назадъ нашелъ на подушкѣ, тамъ гдѣ лежала кофточка, три большихъ вши. Слѣдовательно вещи были въ употребленіи до послѣдняго времени, а наличіе паразитовъ доказывало прибываніе жены въ тюрьмѣ. Я попросилъ къ себѣ Дикунова и сообщилъ ему о принятомъ мною рѣшеніи, такъ какъ считалъ своимъ долгомъ поставить его въ извѣстность, какъ лицо несущее

отвѣтственность. Дикуновъ молча выслушалъ и ушелъ, ни чего не возразивъ. 5 Апрѣля Дежурнымъ по Карауламъ былъ Тимофеевъ, а Караульнымъ Начальникомъ Долгихъ. Въ сосѣдней лѣвой камерѣ сидѣлъ Неводовъ. Въ этотъ вечеръ послѣднiй разъ пришлось мнѣ слышать отвратительныя мерзости, позорившiя мой домашнiй очагъ. На душѣ было грустно! Была ужасна мысль, что въ невыносимыя минуты я долженъ былъ трусливо наложить на себя руки, и малодушно отрѣшиться отъ предназначеннаго жизненнаго пути. Но меня вдохновила любовь къ ней, бѣдной женщинѣ, измученной, сошедшей съ правильной дороги. Только я одинъ виновенъ и, исполняя долгъ благороднаго человѣка, принимаю приговоръ, внушенный Слѣдователемъ. Я сѣлъ за столъ и написалъ двѣ записки: одну сестрѣ Графинѣ Рачинской, другую властямъ. Затѣмъ потушилъ свѣчу, и приготовилъ веревку, сложивъ всѣ четыре конца вмѣстѣ и прикрѣпилъ ее къ рѣшеткѣ черезъ форточку, между двойными рамами. Сдѣлалъ петлю. Сколько разъ приходилось видѣть самоубiйцъ на практикѣ. Оставалось только надѣть петлю на шею, встать на круглую балку, проложенную вдоль всей камеры и спрыгнуть—безъ возврата къ жизни. Сквозь дверное окошко, полуприкрытое головой часового падалъ, расширяясь клиномъ, слабый свѣтъ. Все готово. Уголъ петли пришелся на затылкѣ, за ухомъ. Послѣдняя молитва. Прыжокъ и..... блѣдный свѣтъ клина сталъ рѣзко яркимъ..... какъ будто это свѣтящiйся паръ. Въ тотъ же мигъ почувствовался сильный запахъ керосиновой копоти. Это было послѣднимъ, на чемъ остановилось мое вниманiе. Никакой боли, никакихъ страданiй я не ощущалъ и сознанiе моментально испарилось, какъ у засыпающаго не чувствующаго момента начала сна. Не знаю, долго ли продолжалось полное забвенiе. Я вернулся въ состоянiе не мучительныхъ сновидѣнiй. Мысли не шли въ голову. Сердце замирало и было трудно дышать. Пальцы на рукахъ одервенѣли. Чувствовалось полное безсилiе. Никакъ не могу дать себѣ отчета о моемъ состоянiи, и это мнѣ тяжело, невыносимо-тяжело. Но вотъ проблескъ сознанiя становится длиннѣй, яснѣе. Что это за хаосъ нагроможденiй? Что это за полки и доски, не позволяющiе дѣлать движенiе? Я такъ слабъ душой и тѣломъ. Всякое движенiе такъ страшно тяжело. Долго, очень долго постепенно возвращалось сознанiе жизни, уходящей въ невѣдомую даль... Потомъ вдругъ сразу, припомнилось все: и столъ, за которымъ я сидѣлъ передъ горящей свѣчей, и невыносимая жизнь, съ рѣшенiемъ покончить съ собой, и участь бѣдной жены, которую хотѣлъ спасти. Но что же случилось? Неужели я такъ волновался, что мнѣ стало дурно, и я упалъ подъ столъ? Вотъ онъ стоитъ надо мной; и стулъ, упавшiй на меня при паденiи... Я сердился на себя, на свое малодушiе. Какъ можно было такъ волноваться, даже до потери сознанiя? Вѣдь веревка была уже прикрѣплена. Нѣтъ я все таки исполню свой долгъ! Тщетно напрягая усилiя, пытался встать.—Хотя бы добраться до кровати и немного отдохнуть, потомъ найдется достаточно силъ. Усилiя мои не прошли даромъ—я снова лишился сознанiя, будто засыпая на мгновенiе. Придя наконецъ въ себя, я съ большимъ трудомъ выкарабкался изъ подъ стола, и послѣ долгихъ усилiй поднялся на кровать, опустившись на нее въ полномъ изнеможенiи. Здѣсь я уже не погружался въ дремоту, и мысли вновь вернулись къ образу милой жены. Ея перчатки были подъ подушкой и я ихъ доставъ съ трудомъ, цѣловалъ... Бѣдная, бѣдная. Какъ я грѣшенъ передъ тобой! И теперь, не видя тебя, я долженъ, спѣшить чтобы умереть. Дай Боже силъ спасти ее. Ярче и ярче я ее видѣлъ, возвращаясь къ полному сознанiю. Но Боже мой, что же я дѣлалъ? Я не вижу теперь жены въ той грязи, въ которой рисовали ее адскiя силы. И я вѣрилъ имъ? Вѣдь я хорошо зналъ ея любовь, чистоту ея души, и въ моей душѣ она говорила, успокаивая ее. Какъ я сталъ малодушенъ, что вѣрю ложной клеветѣ, какъ ядъ, отравлявшiй все мое существо. Нѣтъ. Я долженъ противостоять этому легiону адскихъ силъ, и не допускать мысли о звѣрской клеветѣ. Боже, прости

мой грѣхъ павшему душой и разумомъ въ угоду мерзкимъ преступникамъ. Благодарю Тебя, отъ всей истерзанной души, вернувшему меня на новый подвигъ! На жизненномъ посту я буду служить Тебѣ въ правдѣ и справедливости, и въ вѣчной къ Тебѣ совершеннѣйшей любви! Не отринь меня, прими и дай силъ на этотъ великій подвигъ, на это служеніе Тебѣ. Всталъ, едва держась на ногахъ. Половина веревокъ висѣла на рѣшеткѣ, а часть съ петлей лежала подъ столомъ. Форточка снаружи была открыта. Я постучалъ, прося меня выпустить. Все было спокойно, люди видимо, спали. Слѣдовательно никто ничего не зналъ, и въ камеру никто не заходилъ. Было два часа ночи. Я наложилъ на себя петлю передъ смѣной, около 11 часовъ, слѣдовательно почти три часа былъ безъ сознанія, и трое часовыхъ успѣли смѣниться. А сколько времени я висѣлъ, это было невозможно установить. Изслѣдуя веревку, я обнаружилъ, что она была перерѣзана. Вѣроятно разводящій или часовые, проходя, во время смѣны, мимо окна ее перерѣзали, но, боясь отвѣтственности, не сообщили Караульному Начальнику. Около трехъ часовъ ночи отворилъ дверь и вошелъ Долгихъ, и подошелъ къ окну. На вопросъ въ чемъ дѣло? послѣдовало объясненіе, что ему захотѣлось взглянуть на окно. Мѣсяца черезъ три я попросилъ Долгихъ объяснить причину внезапнаго посѣщенія, но онъ сдѣлалъ видъ, что совершенно не помнитъ этого обстоятельства, и если оно имѣло мѣсто, то было инстинктивнымъ. Я не имѣю основаній подозрѣвать его въ неискренности, тѣмъ болѣе, что та ночь осталась ему памятной, такъ какъ Тимофеевъ на утро, вернувшись съ дежурства, выстрѣломъ изъ револьвера пробилъ себѣ грудь. Тимофеевъ и его гражданская жена г-жа К. играли въ дальнѣйшемъ большую роль въ моей жизни. Только погрузившись въ возможное небытіе, и близко бывшей ко мнѣ смерти я снова возродился въ молитвѣ о прощеніи, и клятвѣ вѣрности моему Богу! Малодушіе стало урокомъ. Я буду покоренъ судьбѣ, предвѣщенной по характеру и дѣламъ моимъ и то, что Богъ пошлетъ тяжелаго въ испытаніяхъ моей жизни, будетъ моей вѣрой, и послужитъ въ пользу душѣ. Совершившійся переломъ не остался не замѣченнымъ тѣми, въ чьихъ рукахъ находилась моя судьба. Не осталось тайной и то, что случилось въ ночной темнотѣ. Черезъ полъ года, въ связи, съ другимъ убійствомъ и покушеніемъ на убійство. Стразовъ довольно неудачно замѣтилъ, что „хоть веревка и казалась достаточно крѣпкой, тѣмъ не менѣе въ одномъ мѣстѣ могла быть нарочно такъ приготовлена, что бы не выдержать извѣстной тяжести. „На дальнѣйшія глумленія я не обращалъ вниманія, раздражали только иногда шалости, не дававшія спать по ночамъ, но уже являвшіяся чистымъ продуктомъ нравовъ и характера различныхъ Караульныхъ Начальниковъ. Милостиво разрѣшили имѣть бумагу, карандаши и чернила, и я за мемуарами не замѣчалъ быстро летѣвшаго времени. Позволили даже выписывать оффиціальную желѣзнодорожную газету „Харбинскій Вѣстникъ". Наконецъ разрѣшили свиданія и первымъ прислали Шпека. Затѣмъ была Ан—ва, отъ которой я много узналъ и въ томъ числѣ причину, почему она прекратила посылать пищу. Нѣкто, изъ числа моихъ ближайшихъ друзей, ей посовѣтовалъ примѣшать въ пищу стрихнинъ, дабы избавить меня отъ излишнихъ страданій. Теперь при встрѣчахъ, мнѣ тяжело вспоминать такую доброжелательность. Радость встрѣчи съ женой и ребенкомъ не имѣла границъ. Имъ разрѣшили пріѣзжать на гауптвахту два раза въ недѣлю. Шпекъ, безконтрольно распоряжавшійся всѣмъ имуществомъ, удѣлялъ имъ крайне мало и каждая поѣздка существенно отражалась на бюджетѣ. Каждый разъ за пропускомъ приходилось ѣздить къ Прокурору, затѣмъ въ Комендантское Управленіе, и только совершивъ такой путь, они могли добраться до меня. Тяжело имъ бѣднымъ пришлось зимой. Ни одинъ изъ друзей не откликнулся въ трудное время, никто не хотѣлъ позаботиться о ихъ судьбѣ. Мой домъ считался проклятымъ, и никто не рѣшался выказывать дружбу или связь съ отверженными. Зима была суровой. Домъ не отапливался, и только въ одной комнатѣ грѣлась

лежанка, давая пріютъ и ночью, и днемъ несчастнымъ страдальцамъ. Шпекъ, получившій отъ Слѣдователя полныя права, не давалъ на самое необходимое, и въ нужное время не имѣлъ средствъ на жизнь моей семьи, питавшейся впроголодь, хотя самъ проигралъ одновременно въ карты до 35.000 рублей, и распродалъ мой большой складъ съ желѣзомъ и лѣсными матеріалами, а также значительной цѣнности двѣ деревянныхъ баржи. Онъ цинично имъ заявлялъ, что вѣдь другіе китайцы привыкли къ холоду и довольствуются на ночь теплымъ каномъ, а голодъ могутъ утолять чашкой гаоляна. Только 7 іюля, т. е. спустя четыре мѣсяца послѣ второго допроса, я снова встрѣтился со Стразовымъ. Съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей онъ меня представилъ въ Госпиталѣ комиссіи врачей въ составѣ Ясинскаго, Фіалковскаго и Выржиковскаго. Не было сомнѣній въ рамкахъ какой политики будутъ держаться эти врачи. Уже давно я являлся бѣльмомъ на глазу у Главнаго Врача дороги Ясинскаго, любившаго покой и требовавшаго внѣшнихъ знаковъ почтенія отъ своихъ подчиненныхъ, за что онъ снисходительно смотрѣлъ на ихъ грѣшки въ своемъ врачебномъ царствѣ. Моя дѣятельность, какъ тюремнаго и городового врача, его мало касалась, но онъ очень желалъ, что-бы я нашелъ пути поддерживать его престижъ изъявленіями глубокой покорности. Къ нему, какъ къ частному лицу, я питалъ самыя сердечныя чувства, и при встрѣчахъ онъ оставлялъ самое симпатичное впечатлѣніе, но ради частныхъ отношеній я не могъ пожертвовать своей служебной добросовѣстностью въ угоду его спокойной жизни. Теперь явился случай отъ меня освободиться, признавъ душевнобольнымъ. Онъ уже и раньше оффиціально хлопоталъ о моемъ увольненіи. Онъ зналъ отъ доктора Фіалковскаго, участвовавшаго въ первой комиссіи о моей тяжелой болѣзни, зналъ противозаконности содержанія Гражданскаго чина на Военной гауптвахтѣ, зналъ, что я былъ лишенъ медицинской помощи, хотя самые закоренѣлые каторжане пользовались отличнымъ больничнымъ уходомъ. Ему было легко запротестовать противъ такого способа убійства, но еще легче было плыть по теченію, сохраняя свой покой и устранить безпокойнаго и неудобнаго человѣка. Его не возмутило и убійство тюремнаго фельдшера Кулешева, его подчиненнаго. Онъ не постарался разузнать, какъ погибъ бѣдный Кулешевъ, и только послѣ долгихъ просьбъ далъ мѣсто его вдовѣ, и то лишь для того чтобы ему не надоѣдали. Я сердечно желаю, чтобы Богъ былъ милостивъ къ этому старику, который принялъ столько грѣховъ на свою совѣсть только изъ за лѣни и самодурства. Онъ и такъ быстро сошелъ съ большой высоты къ полному забвенію, правда, успѣвъ достаточно набить карманъ. Докторъ Выржиковскій, мой замѣститель по должности, въ случаѣ освобожденія, долженъ былъ вернуться къ штатному мѣсту службы на ст. Ханьдаохэцзы и потерять богатую практику, которой онъ успѣлъ здѣсь обзавестись. Докторъ Фіалковскій вполнѣ опредѣлилъ свое отношеніе еще пять мѣсяцевъ тому назадъ. Экспертиза этихъ коллегъ гласила:

„Что касается психики Барона Будберга во время совершенія приписываемыхъ ему преступленій, то въ то время, хотя онъ и страдалъ рѣзко выраженной психической неуравновѣшенностью, но вполнѣ сознавалъ свои поступки, вполнѣ критически относился къ нимъ, почему невмѣняемымъ въ то время не можетъ быть признанъ. Что касается вопроса, можно ли довѣрчиво относиться къ показаніямъ свидѣтельствуемаго, даннымъ на предварительномъ слѣдствіи, въ частности показанія по поводу явки къ нему на квартиру въ мартѣ 1915 года неизвѣстнаго военно-плѣннаго и посѣщенія имъ 1 апрѣля 1915 г. квартиры Шандера, для свиданія съ другими военно-плѣнными, то цѣнность или вѣрнѣе правдивость этихъ показаній болѣе чѣмъ сомнительна. Показанія его вообще и указанныя въ частности могутъ содержать въ себѣ только какія-то неизвѣстныя крупицы правды, т. е. дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто событій, но разбавленныхъ въ громаднѣйшихъ дозахъ цѣлымъ моремъ фантастическихъ вымысловъ болѣзненной „тайноманіи",

бредъ провокаціи и преслѣдованія и, быть можетъ, даже галлюцинаторскихъ переживаній.

Ф. Ясинскій.
Врачи эксперты: К. Фіалковскій.
В. Выржиковскій.

Вполнѣ удовлетворительная экспертиза какъ для самихъ себя, такъ и для Стразова, отрицающая возможность вѣрить моимъ показаніямъ даже до переживаній на Гауптвахтѣ. Въ русскомъ судопроизводствѣ она меня не поражаетъ. Я старый судебный врачъ, мнѣ это не ново; я знаю какія, иногда, требованія предъявляются изъ политическихъ, или иныхъ соображеній къ врагамъ, и знаю, какъ часто они пляшутъ подъ дьявольскую дудку. Но Богъ милостивъ, и милостивымъ Онъ былъ всегда ко мнѣ.

На другой день, т. е. 8 іюня, Стразовъ вызвалъ меня на допросъ. На этотъ разъ и онъ уже считалъ безполезнымъ дѣлать попытки убѣдить меня въ своей порядочности, какъ Слѣдователя. На требованіе запротоколить мои показанія, данныя еще 1 февраля, относительно Владивостокскихъ крѣпостныхъ плановъ, появленіе Челофиги, Панькова и другихъ на Гауптвахтѣ, онъ цинично отвѣтилъ, что это романъ изъ моей жизни, который для него не имѣетъ значенія. На вопросъ: допрошенъ ли Кулешовъ? послѣдовалъ отвѣтъ: Фельдшеръ Кулешовъ не могъ быть допрошеннымъ, такъ какъ предполагаютъ, что онъ „съѣденъ тиграми". Я ничего не понималъ: „Что Вы хотите этимъ сказать"? Тогда Стразовъ показалъ письмо доктора Выржиковскаго, въ которомъ сообщалось, что повѣстка отъ"—„іюня не могла быть ему вручена, такъ какъ онъ пропалъ безъ вѣсти на охотѣ въ первой половинѣ Декабря 1915 года. Впрочемъ Стразовъ подтвердилъ, что объ исчезновеніи Кулешова онъ узналъ только по письму Выржиковскаго, а о тигрѣ это предположеніе. „Тигры въ Маньчжуріи злые", закончилъ онъ свои слова. На вопросъ присоединено ли къ слѣдственному производсту мое собственноручное показаніе, сдѣланное на Гауптвахтѣ въ прошнурованной тетради, гдѣ были высказаны мотивы неотложнаго допроса Кулешова, Стразовъ далъ отвѣтъ, что такое показаніе не можетъ считаться офиціальнымъ, такъ какъ оно написано карандашемъ, а потому и не приложено къ дѣлу. Но вѣдь мнѣ же прислали только карандашъ и насколько помню—химическій. Такъ для чего же была прошнурована тетрадь? Я возмущался случаемъ издѣвательства съ отправкой на вокзалъ военно-плѣнныхъ венгерцевъ въ тотъ именно день, когда Слѣдователь, въ присутствіи Изотова, увѣрялъ меня, что безъ его допроса этого во всякомъ случаѣ не будетъ, но Стразовъ въ отвѣтъ только улыбался, высказывая удовлетвореніе результатамъ экспертизы, и велъ себя на допросѣ такъ, какъ будто я не выйду изъ его рукъ живымъ, или умственно здоровымъ. Въ этотъ день занимались разъясненіемъ записокъ, будто бы, полученныхъ Эструпомъ отъ Американскаго Консула. Но зачѣмъ же Вы меня спрашиваете? Обратитесь лучше къ патентованному мошеннику и аферисту Эструпу, и разспросите Мозера. „Стразовъ издѣвается, говоря, что Консула нельзя опрашивать въ силу занимаемаго имъ положенія, и онъ желаетъ отвѣчать только на опредѣленные вопросы". „Ну тогда пишите все, что Вамъ угодно, я усталъ отъ всей этой комедіи". Что бы не запутывать больше Шандеровъ, я согласился показать о встрѣчѣ въ ихъ домѣ съ Шейномъ и Тотенфельсомъ по предложенной Стразовымъ формѣ: „Мое свиданіе съ военно-плѣнными у Шандеровъ 1 Апрѣля 1915 года я могу себѣ объяснить въ настоящее время только неудачно проведенной первоапрѣльской шуткой, приведшей къ роковымъ послѣдствіямъ. Только сейчасъ, когда я сопоставилъ событія съ тѣмъ, что оно имѣло мѣсто именно 1 апрѣля, т. е. въ день когда существуетъ всѣмъ извѣстный обычай обманывать другъ друга, я понялъ, что могъ быть Шандерами обманутъ съ инсценировкой этой шутки при помощи другихъ лицъ. Впрочемъ я долженъ сказать, что въ этотъ день я такъ былъ пьянъ, что разговоръ кого либо изъ бывшихъ

на поминальномъ обѣдѣ у Каблуковой я могъ принять потомъ за фактъ и пр". На обоихъ допросахъ 1 февраля и 8 іюня, мнѣ казалось страннымъ желаніе Стразова затушевать вопросъ о дѣлѣ у Шандеровъ. Только выйдя изъ подъ ареста, и встрѣтивъ Шандера, я началъ понимать въ чемъ дѣло. Шандеръ мнѣ разсказалъ, что къ нему какъ то зашелъ Эструпъ и предупредилъ, что у него будетъ одинъ господинъ, который назоветъ себя бѣжавшимъ изъ плѣна военныхъ, но что онъ провокаторъ, и Шандеру слѣдуетъ его задержать, дабы избѣгнуть непріятностей. Дѣйствительно вскорѣ, когда въ магазинѣ былъ только одинъ изъ братьевъ, зашелъ какой то господинъ и обратился, на русскомъ языкѣ съ просьбой дать ему, бѣжавшему военноплѣнному паспортъ для дальнѣйшаго побѣга и предложилъ за это 300 рублей, Шандеръ, разговаривая, старался его задержать пока кто-нибудь не зайдетъ, но какъ нарочно никто не приходилъ, и онъ боясь оставить провокатора одного въ магазинѣ, довольно рѣзко заявилъ посѣтителю, что никакихъ поддѣльныхъ паспортовъ не имѣетъ, и гдѣ ихъ можно достать не знаетъ. Каково же было его удивленіе, когда вызванный на допросъ къ Стразову, онъ узналъ въ самомъ Слѣдователѣ того самого провокатора, о которомъ его предупреждалъ Эструпъ. Послѣ комиссіи врачей и допроса Стразовымъ, друзья старались убѣдить меня черезъ жену, что единственнымъ способомъ вырваться на свободу это не протестовать противъ рѣшенія объявить меня душевно-больнымъ. Судъ долженъ утвердить благосклонную экспертизу моихъ коллегъ и этимъ вопросомъ скоро займется, мое же дѣло передъ судомъ только молчать, и не препятствовать экспертамъ. Присяжный повѣренный Александровъ и Ф.-Арнольдъ будто сердечно интересуясь моей судьбой, также совѣтывали не оспаривать экспертизы, и увѣряли, что это не будетъ имѣть послѣдствій, такъ какъ я лишь временно буду считаться больнымъ, а потомъ, снова черезъ освидѣтельствованіе, будетъ легко признать меня выздоровѣвшимъ. Теперь же Судъ выпуститъ на свободу и передастъ подъ опеку — можетъ быть даже женѣ. Правда, подумалъ я, слѣдуетъ принять совѣтъ друзей. Вѣдь мнѣ замкнули ротъ и не позволяютъ даже обжаловать дѣйствія Слѣдователя. Сульжиковъ уже поднималъ вопросъ объ отправленіи меня въ психіатрическую больницу и можетъ дѣйствительно отправить въ Томскъ, совсѣмъ вонъ съ глазъ тѣхъ, кто еще можетъ оріентироваться въ дѣлѣ, и я выразилъ готовность молчать передъ судомъ.

20 Августа 1916 года меня отправили въ Пограничный Окружной Судъ. Предсѣдательствовалъ П. Ф. Добротворскій при членахъ суда: М. И. Бѣлякъ и И. П. Калацъ. На мѣстѣ Прокурора — Товарищъ Прокурора Е. С. Павликовскій. Эксперты: Ясинскій, Фіалковскій и Петинъ. Представъ передъ Судомъ, я былъ преисполненъ чувствомъ уваженія и довѣрія къ его составу. Имѣя дѣла по службѣ въ теченіи многихъ лѣтъ, я ихъ хорошо зналъ, какъ добросовѣстныхъ и серьезныхъ людей. Особенно былъ радъ видѣть на мѣстѣ Прокурора Павликовскаго. Онъ не типа Сульжикова, который въ сущности только актеръ, любитель выѣзжать на „смертникахъ". Павликовскій человѣкъ скромный и не можетъ принимать участіе въ кругу героевъ шайки. Съ другой стороны меня возбуждалъ видъ единственнаго порядочнаго человѣка изъ состава Прокурорскаго Надзора. Я долженъ кричать, а не молчать въ угоду мерзкой провокаціи и жалкихъ представителей медицины. Уже я достаточно страдалъ, что за польза будетъ для торжества правды и справедливости, если я промолчу только для того, чтобы выйти на свободу съ разбитымъ тѣломъ и душой. Нѣтъ, лучше я умру въ этомъ аду. Пусть палачи возрадуются моей смерти. Хоть изъ могилы должна вырваться правда и Богъ Самъ отомститъ за пролитую кровь бѣднаго Кулешова и другихъ невинныхъ. Быстро слѣдовали отвѣты на всѣ вопросы, предлагаемые врачами, допытывавшими меня еще разъ для собственнаго оправданія. Они, бѣдные, не ожидали, что вмѣсто молчанія, услышать рѣчь, осуждающую ихъ самихъ. Товарищъ Прокурора спросилъ: „Неужели Вы вѣрите,

что все въ дѣлѣ провокація"? — „Да, не только вѣрю, но и утверждаю, что это фактъ. Сульжиковъ не удовлетворился выступленіями на любительскихъ спектакляхъ въ качествѣ режиссера пьесъ, вызывающихъ травлю нѣмцевъ, но не постыдился вынести ее на улицу, и даже въ мирный домъ добрыхъ людей". Я говорилъ съ увлеченіемъ, не руководствуясь тѣмъ, что мнѣ полезно и что вредно. Я хотѣлъ только правды и ее сказалъ. Дѣло Бога, а не людей, рѣшить мою судьбу. Судъ меня прервалъ и постановилъ вопреки мнѣнію врачей: „умственно здоровъ". Бѣдные врачи. Пришлось опустить преисполненныя мудростью головы, и съ жгучимъ пятномъ на совѣсти отправиться по домамъ, а мнѣ... назадъ въ тюрьму.

Однажды неожиданно пріѣхала жена со слѣдующимъ пропускомъ, который она получила, будучи вызвана въ Прокурорскій надзоръ:

Билетъ № 742.

Разрѣшается одно свиданіе женѣ барона Рожера Будбергъ для передачи прошенія на имя Иркутскаго Окружнаго Суда.

Выданъ срокомъ по 1 октября.

Гор. Харбинъ сентября „ " дня 1916 г.

За Прокурора Пограничнаго Окружнаго Суда
Павликовскій.

Жена сообщила, что это прошеніе, объ отмѣнѣ установленной Стразовымъ мѣры пресѣченія уклониться отъ слѣдствія (содержаніе подъ стражей), надо передать черезъ фонъ-Арнольда и Присяжнаго Повѣреннаго Александрова, и оно вѣроятно будетъ отклонено, но это никакого значенія не имѣетъ, т. к. желательно получить возможность обратиться въ Судебную Палату. Скоро послѣдовалъ курьезный отвѣтъ: просьба отклонена, т. к. Слѣдователь находитъ принятую имъ мѣру необходимой. Вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ жена принесла для подписи уже составленную жалобу въ Судебную Палату. Я никогда не думалъ о возможности писать жалобы въ такой рѣзкой, если не сказать грубой, формѣ. Правда, имѣлась на лицо причина потерять терпѣніе.

Окружной Судъ счелъ излишнимъ даже въ кратцѣ ознакомиться съ дѣломъ, по которому въ теченіи года сидитъ подъ арестомъ человѣкъ, и находитъ дѣйствія Слѣдователя правильными, разъ тотъ самъ этого хочетъ. Что творилось за кулисами я не знаю, только изъ словъ жены можно было понять, что потребовалось все вліяніе Генерала Хорвата для того, чтобы дѣло попало въ руки Предсѣдателя Судебной Палаты Сенатора Еракова и этимъ былъ бы обезпеченъ полный его пересмотръ. Отчаянный переполохъ произошелъ въ Штабѣ Округа, выразившійся въ возмутительно грубыхъ выступленіяхъ на гауптвахтѣ не только противъ меня, но даже противъ жены и ребенка во время ихъ пріѣздовъ на свиданія. Въ то время когда слѣдственное производство разсматривалось въ Судебной Палатѣ, я получилъ повѣстку отъ Мирового Судьи Негиревича (младшаго), вызывавшаго на допросъ на станцію Пограничную по обвиненію въ торговлѣ опіумомъ. Не было сомнѣній, что оно будетъ связано съ какимъ нибудь новымъ преступленіемъ по отношенію ко мнѣ. Вѣдь это абсурдъ, что меня будутъ допрашивать за сотни верстъ по пустяшному дѣлу, тогда какъ я нахожусь здѣсь и преступленіе по опійному дѣлу совершено также здѣсь, гдѣ я нахожусь въ строжайшемъ заключеніи по обвиненію въ государственной измѣнѣ. На повѣсткѣ передъ словомъ „гауптвахтѣ" былъ нарисованъ маленькій крестикъ. Зачѣмъ, кто нарисовалъ этотъ крестикъ? до сихъ поръ для меня составляетъ загадку! Думаю, что рисовалъ его мой доброжелатель, намѣревавшійся предупредить куда ведетъ мой путь!

Протестовать противъ незаконной отправки на допросъ по фиктивному дѣлу, было совершенно безполезно, и я только попросилъ жену сообщить генералу Афанасьеву, что-бы зафиксировать какъ противузаконный поступокъ, моихъ насильниковъ, такъ и преступленіе, если-бы таковое удалось имъ привести въ исполненіе надо мною.

Я придерживался теперь такой тактики, чтобы всегда давать возможность своимъ преслѣдователямъ самимъ отмѣчать свои преступленія. Одна эта отправка на Пограничную уже едва ли могла остаться безъ разслѣдованія, и между Слѣдователемъ за которымъ я числюсь, и Штабомъ Округа, взявшимъ на себя заботу объ охранѣ моей личности неизбѣжно возникнетъ цѣлая переписка.

Наканунѣ была жена. Мы условились, что она будетъ на вокзалѣ и убѣдится дѣйствительно ли меня увезутъ.

На другой день меня повели въ Комендантское Управленіе. На этотъ разъ шли по необыкновенному пути, ни черезъ многолюдный базаръ мимо Искрового телеграфа степью по шоссе. Тяжело было нести постель, которую приказали взять съ собой, и я задыхался. Конвоиры убѣдившись, что въ степи нечего опасаться встрѣчи съ начальствомъ, сами взялись нести мои вещи, но и безъ этой ноши я съ трудомъ добрался до Комендантскаго Управленія.

Никого изъ офицеровъ не было, принималъ писарь, приказавъ раздѣться до гола, объясняя, что эта формальность необходима для составленія статейнаго списка. Такъ описываетъ только врачъ, въ присутствіи Начальника Тюрьмы арестанта уже приговореннаго въ каторжныя работы. Я не сталъ спорить, не желая доставить глупому солдату лишняго удовольствія поглумиться. Болѣе обидны были издѣвательства на вокзалѣ, гдѣ довольно долго держали въ залѣ 3-го класса переполненномъ бѣженцами и домашнимъ скарбомъ. За мною слѣдилъ какой то жандармъ, не допуская соприкосновенія съ пассажирами, точно я былъ зачумленнымъ.

Какъ всѣ эти люди: Прокуроръ, Слѣдователь и другіе верхи интеллигенціи далеки отъ истинной культуры. За что же винить нижнихъ чиновъ, у которыхъ чувство уваженія къ болѣе образованному и воспитанному человѣку держатся глубже. Характерно отношеніе солдатъ, которые, когда мы шли степью вѣдь они безъ всякой просьбы взялись нести постель и поддались инстинкту, зная что ихъ помощь не увидитъ начальство. Жалка та интеллигенція, поверхностное образованіе которой лишаетъ ее, даже, естественныхъ инстинктовъ благородства и самоуваженія. Никому изъ нихъ не приходило въ голову, что они сами себя унижаютъ. Послушали бы любого ходю, чистильщика сапогъ, какъ онъ ихъ осуждаетъ, наблюдая картины обращенія съ человѣкомъ, пользующимся уваженіемъ и популярностью среди разноплеменнаго населенія. Я благодарю Бога, что при такихъ сценахъ меня меньше всего возмущаетъ личная обида и всегда трогаетъ сердечная теплота, истекающая изъ души простого народа. Нашелся и здѣсь простой китаецъ, купившій для меня, бѣднаго арестанта, кусочекъ колбасы и хлѣба. Черезъ полчаса появились жена съ дочерью, въ сопровожденіи Ранаховскихъ. Я не былъ радъ, что имъ пришлось присутствовать при отправкѣ. Какъ забыть такія минуты, въ особенности ребенку. Въ одинъ мигъ дитя, вся въ слезахъ, прорвалась черезъ окружавшихъ, и обвила ручками шею своего отца. Наконецъ посадили въ арестантскій вагонъ. Жена передала деньги и корзинку съ провизіей, но это сейчасъ же замѣтили и, не слушая протестовъ, вернули обратно, разрѣшивъ оставить только папиросы. При посадкѣ присутствовалъ Дикуновъ, объяснившій, что нижній чинъ, Начальникъ этапа, ему не подчиненъ и не пропускаетъ съѣстные припасы, такъ какъ находитъ это излишнимъ—каждый арестованный получаетъ въ дорогѣ свой паекъ деньгами. Для обыска поставили у окна и я былъ вынужденъ вторично раздѣться до гола передъ публикой, гулявшей по перрону. Самымъ мучительнымъ было присутствіе жены и ребенка, видѣвшихъ возмутительную грубость. Женѣ съ трудомъ пришлось остановить нашего боя, громко проклинавшаго мучителей. Еще хорошо, что онъ говорилъ по китайски и его не поняли. Въ арестантскомъ вагонѣ слѣдовала партія китайцевъ, арестованная еще въ Европейской Россіи. Печальный видъ они имѣли, одни лохмотья были на ихъ исхудалыхъ

тѣлахъ. Паекъ деньгами не выдали, объяснивъ, что я его получу по прошествіи сутокъ. Китайцамъ выдавали ежедневно и конвой покупалъ имъ съѣстные припасы на станціяхъ. По разсказамъ часть дневной дачи стража оставляла въ свою пользу. Бѣдные китайцы получали всего только половину пайка, полагавшагося арестанту европейцу, кажется 18 копѣекъ, и конечно питались впроголодь. На ихъ счетъ жили еще тысячи вшей и клоповъ, а въ концѣ концовъ и мнѣ пришлось воспользоваться объѣдками китайцевъ, такъ какъ паекъ выдали только по пріѣздѣ въ Пограничную. По дорогѣ я узналъ, что конвойная служба при арестантскихъ вагонахъ довольно прибыльное дѣло. Передъ Пограничной къ намъ внесли цѣлые тюки теплаго бѣлья, носковъ и проч. Въ это бѣлье переодѣлись конвойные и одѣли арестантовъ. Сразу потолстѣли обитатели вагона. Китайцы ликовали, находя въ этомъ самый лучшій способъ отдѣлаться отъ массы вшей. Я не участвовалъ въ маскарадѣ, такъ какъ долженъ былъ слѣзть еще до границы.

На станціи меня ожидалъ Полицейскій Надзиратель и отправилъ въ какую то казарму, гдѣ меня заперли въ маленькую кладовку съ рѣшеткой въ окнѣ. Въ дверяхъ также было окно. Въ кладовкѣ стояла кровать и имѣлась печь, облицованная желѣзомъ. Для естественныхъ надобностей поставили ведро. Накормили хорошимъ борщомъ изъ солдатскаго котла и заперли на замокъ. У дверей стоялъ китаецъ караульный, очень разговорчивый малый. Онъ разсказывалъ о жизни въ сопкахъ, о маковыхъ плантаціяхъ и о дани, налагаемой хунхузами. Съ этой стороной жизни онъ былъ хорошо знакомъ, вѣроятно состоялъ раньше членомъ одной изъ шаекъ. Было холодно. Воздухъ свободно проходилъ черезъ узкое окно, заклеенное бумагой. Затопили печку. Топка выходила въ корридоръ. Въ этой кладовкѣ не помѣщали раньше арестованныхъ, и она стояла пустой. Отъ тепла развелась сырость, вызвала ознобъ и уже къ вечеру меня сильно тошнило и рвало. Я задыхался отъ сердцебіенія и одышки. Долго не могъ догадаться о настоящей причинѣ нездоровья, полагая, что я простудился дорогой, а также повліяла голодовка и другія мытарства въ пути. Ночью стало совсѣмъ плохо я не могъ дать себѣ отчета, гдѣ я нахожусь. Ни одинъ европеецъ не показывался, а китаецъ разсказалъ, что изъ Харбина поступило приказаніе не выпускать меня живымъ и ни онъ, ни мои протесты не помогутъ. Ему и ключа отъ камеры не дали, приказавъ никого не подпускать. Совѣтовалъ пока терпѣть, а на другой день обѣщалъ, черезъ друзей, дать знать китайскимъ властямъ и можетъ быть этимъ путемъ остановить преступленіе. Въ памяти очень мало осталось отъ этой страшной ночи. Мышленіе отрывистое, урывками. Страшная головная боль, звонъ въ ушахъ, тошнота. Сердце отказывалось работать. Всякое напряженіе ума вызывало боли и.... только одно желаніе господствовало во мнѣ тогда—скорѣй бы прекратились эти муки.... Я легъ, или упалъ на полъ, и не могъ больше подняться. Мелькнула мысль, что угаръ стелется по полу и чѣмъ ниже лечь, тѣмъ скорѣй наступитъ смерть. Утромъ, когда я лежалъ на полу, прикрытый шубой и съ форменной фуражкой на лицѣ, послышались шаги. Кто то подошелъ къ дверямъ, затѣмъ, все стихло и шаги удалились. Я потомъ узналъ отъ китайца, что пришедшіе посмотрѣли въ окошко и рѣшили, что я уже не дышу. Снова послышались шаги и раздался скрипъ двери. Я сбросилъ фуражку съ лица и увидѣлъ.... Товарища Прокурора Изотова, стоявшаго въ дверяхъ.

У меня не было памяти для опознанія лицъ, но его лицо врѣзалось въ мою память еще при первой встрѣчи, когда я принялъ Изотова за человѣка вполнѣ справедливаго и безпристрастнаго, оставленнаго Великимъ Княземъ. Отталкивающіе черты лица, никогда не складывающіяся въ улыбку, я объяснялъ серьезностью характера. Сегодня при видѣ этого лица меня обуялъ ужасъ. Если бы мнѣ пришлось склонить голову передъ палачомъ, ожидая послѣдняго удара, то я думаю, что не почувствовалъ того леденящаго холода, какъ теперь передъ фигурой справедливости, превратившейся

сразу въ моихъ глазахъ въ человѣка звѣря, человѣка лжи и подлости. Опять это принужденное выраженіе лица съ нервными судорогами, пытавшее улыбнуться. Опять эта рѣчь, со странными звуками въ родѣ отрыжки, вырывающейся изъ глубины его души. „Вы меня узнаете"? спросилъ Изотовъ— „Да я Васъ узналъ", и стараюсь встать, но падаю, и могу едва выговорить: „мнѣ плохо". Изотовъ проситъ не безпокоиться, критикуетъ помѣщеніе и приказываетъ меня вывести. Объясняетъ:--онъ здѣсь совсѣмъ случайно, и узнавъ, что и я въ Пограничной, поспѣшилъ въ этомъ удостовѣриться. Мелькнула мысль: также случайно, какъ и 1 февраля, гдѣ ты, присутствуя на допросѣ и самъ допрашивая, забылъ подписать протоколъ, и только руководствовался простой любезностью выслушивая въ теченіи нѣсколькихъ часовъ мои разсказы про ходъ провокаціи".

Съ уходомъ Изотова, меня отправили въ полицейскую казарму. Къ вечеру отправили на вокзалъ, гдѣ Негиревичъ коротко сказалъ, что меня напрасно возили въ Пограничную, такъ какъ повѣстка была написана въ его канцеляріи „по ошибкѣ". На вокзалѣ пришлось просидѣть больше часа, при чемъ я встрѣтилъ Доктора Гильдебранта и его жену, вызванныхъ на допросъ. Наконецъ Негиревичъ распорядился ввести меня въ комнату. Въ углу сидѣлъ Изотовъ. Мнѣ было скверно, и я еле держась на ногахъ, попросилъ разрѣшенія сѣсть. Негиревичъ грубо закричалъ, что я забываюсь, и нахожусь не у Слѣдователя, а въ камерѣ Мирового Судьи, и если хочу, то вообше могу удалиться изъ комнаты. Ничего не возражая, я вышелъ вонъ. По окончаніи допроса другихъ лицъ, продолжавшагося очень не долго, вышелъ Негиревичъ и приказалъ конвойнымъ увести меня въ казарму. Вышелъ и Изотовъ. Я обратился съ просьбой отправить меня обратно въ Харбинъ какъ, больного, такъ какъ я не въ состояніи ѣхать ночью въ арестантскомъ вагонѣ и.... получилъ рѣшительный отказъ. По словамъ Изотова онъ не имѣлъ права распоряжаться, мною, такъ какъ меня доставили сюда безъ его вѣдома, онъ не знаетъ кто отправилъ и даже не знаетъ къ кому обратиться съ подобной просьбой. Никакія возраженія не помогли. Пошелъ снѣгъ. Трудно было идти къ далекой казармѣ, гдѣ пришлось провести еще нѣсколько часовъ. Около полуночи пошли на вокзалъ. Снѣгъ выпалъ больше фута и мнѣ выдали валенки. Я былъ радъ, что, въ силу нравственныхъ страданій и физическаго переутомленія, былъ будто въ состояніи тяжелаго опьяненія, и не реагировалъ на новыя мытарства. Самое дикое было въ томъ, что это опійное дѣло было въ рукахъ *у Мирового Судьи 3 участка Вечора* въ Харбинѣ, который предложилъ Негиревичу опросить только *тѣхъ лицъ, которые проживали на Пограничной.* Еще хорошо, что умственныя способности этого молодого человѣка, не балансировались съ наклонностью и готовностью идти навстрѣчу преступной компаніи, иначе я не вышелъ бы живымъ изъ далекой Пограничной.

По освобожденіи съ Гауптвахты, я былъ приглашенъ какъ обвиняемый къ Мировому Судьѣ 3 участка Вечору, и сразу обратилъ его вниманіе на то обстоятельство, что присланная въ Судъ корзина была безъ замка и печатей моихъ и сыскного отдѣленія, а Сульжиковымъ и Бокастовымъ была вскрыта въ моемъ отсутствіи. Въ составленномъ протоколѣ съ участіемъ понятыхъ Бокастовымъ было отмѣчено что корзина опечатана печатями ж. д. Полицейскаго Управленія, тогда какъ у меня на квартирѣ ее запечаталъ Ротмистръ Козловскій моей печатью и Сыскного Отдѣленія. Затѣмъ куски опіума были завернуты кромѣ пергаментной бумаги въ большой кусокъ сѣрой клеенки, служащей обоями вагоновъ 1 и 2 класса, и самое интересное во всей упаковкѣ: газета „Харбинскій Вѣстникъ" отъ 15 августа 1915 года. Вагонъ, въ которомъ докторъ Гильдебрандъ и Шитцъ съ корзинкой, пріѣхали въ Харбинъ, былъ служебный, слѣдовательно было легко установить, когда онъ стоялъ на станціи, а это было въ первыхъ числахъ августа. На газетѣ имѣлись цифровые подсчеты, сдѣланные карандашемъ и я просилъ установить чей это почеркъ.

Дальнѣйшій разборъ дѣла былъ отложенъ и я, не смотря на хлопоты, не могъ добиться его окончанія. Интересно, что еще до перваго допроса меня и другихъ обвиняемыхъ (арестъ 16/29, допросъ 18/31) японская пресса была хорошо освѣдомлена о дѣлѣ. Такъ газета „Осака Майничи Симбунъ" отъ 31/18 октября пишетъ: „Харбинъ, 16/29 X. Русскія жандармскія власти въ Харбинѣ получили свѣдѣнія о существованіи между мѣстными русскими нѣмцами, евреями и Германскимъ Консуломъ въ Шанхаѣ секретнаго плана шпіонажной дѣятельности въ пользу Германіи. 15/28 числа произвели обыскъ въ домахъ подозрѣваемыхъ лицъ, обнаруживши различныя вещественныя доказательства, при чемъ были арестованы: русскіе нѣмецкаго происхожденія —Баронъ фонъ-Будбергъ (врачъ при Харбинской полицейской тюрьмѣ) и содержатель аптекарскаго магазинаТомсонъ; еврей раввинъ Кисилевъ, еврей торговецъ Ренскій (Линскій) и другіе. По разслѣдованію оказалось, что арестованные лица предполагали оказывать содѣйствіе побѣгу плѣнныхъ, находящихся въ Полосѣ Отчужденія Китайской Восточной жел. дороги, имѣли взорвать мосты, названной желѣзной дороги, и произвести безпорядки! Общественное мнѣніе Харбина сильно возбуждено. Во время обыска квартиры Будберга обнаруженъ опіумъ на сумму около 10,000 рублей, предназначавшійся для продажи". Докторъ Гильдебрандъ и его жена не были приглашены къ Мировому Судьѣ на разборъ дѣла, ни въ качествѣ обвиняемыхъ, ни въ качествѣ главныхъ свидѣтелей. Докторъ Гильдебрандъ, еще молодой человѣкъ съ цвѣтущимъ здоровьемъ, вскорѣ послѣ разбора дѣла заболѣлъ острымъ воспаленіемъ почекъ и черезъ шесть дней умеръ. Такіе острые воспаленія почекъ наблюдаются при отравленіи ядами, дѣйствующими на почки. Странное совпаденіе: въ то же самое время въ ночлежкѣ внезапно умеръ мой бывшій бой, служившій какъ разъ въ тотъ періодъ времени, когда привезли ко мнѣ корзину. О причинѣ его внезапной смерти полиція не производила разслѣдованія.

Съ обратнымъ этапомъ изъ Пограничной я ѣхалъ въ компаніи съ 60 арестантами. Все крупные преступники—европейцы: русскіе, малороссы и татары Казанской губерніи. Большинство были приговорены къ каторжнымъ работамъ на продолжительные сроки. Не было ни одного свободнаго мѣста. хотя нары имѣли три ряда. Поѣздка была крайне интересной, если бы опять не.... масса вшей. Сколько разсказовъ изъ людского преступнаго міра пришлось услышать. Можно было сойти съ ума отъ сомнѣнія, имѣются ли на свѣтѣ порядочные люди. Меня не отталкивали самые страшные изъ нихъ, головорѣзы, одичавшіе какъ животные,—но эта дрянь бездушныхъ трусовъ, готовыхъ идти на любое преступленіе и съ полнымъ сознаніемъ преслѣдовать и губить невинныхъ людей. Имъ все доступно: и ложь, провокація, и убійство. Въ Харбинъ прибыли среди ночи. Встрѣтилъ и принялъ меня съ этапа Помощникъ Коменданта Брайчевскій, тотъ самый, который принялъ меня при арестѣ отъ жандарма въ Комендантскомъ Управленіи. Послѣ всѣхъ мытарствъ, отъ усталости я не могъ идти пѣшкомъ темной ночью. „Хоть убейте. Достаточно вашихъ издѣвательствъ. Я дальше не пойду, везите на извозчикѣ". Брайчевскій понялъ, что на вокзалѣ не стоитъ затѣвать скандала и согласился. Въ Комендантскомъ Управленіи заперли въ какую то каталажку, гдѣ на полу валялись мертвецки пьяные солдаты. Одного изъ нихъ ужасно рвало и всѣхъ насъ онъ обрызгалъ блевотиной. Вонь страшная. Я вышелъ изъ себя, сталъ громко ругаться и потребовалъ, чтобы меня выпустили въ канцелярію, или коридоръ. Выпустили, а утромъ отправили на Гауптвахту.

Ан—ва, узнавъ отъ жены, что меня отправили по направленію Владивостока, спросила за обѣдомъ о причинѣ у генерала Афанасьева. Его жена немедленно позвонила по телефону къ Прокурору, т. к. не удовлетворилась увѣреніями генерала, что этого не можетъ быть, иначе онъ бы зналъ. Отъ Сульжикова послѣдовалъ точно такой же отвѣтъ, и даже съ приба-

вленіемъ, что безъ его согласія меня никуда нельзя отправить. Генеральша не успокоилась и попросила справиться на гауптвахтѣ. Оттуда Прокурору отвѣтили, что я на мѣстѣ, и во Владивостокъ не отправлялся. Умолчали о Пограничной, слѣдовательно на вопросъ отвѣтили правильно. Марія Николаевна Афанасьева всегда открыто высказывала свое сочувствіе и уваженіе, и съ первыхъ же дней моего ареста требовала свиданія, но получила отказъ. Сульжиковъ пытался подорвать доброе мнѣніе этой милой дамы, и не постѣснялся ей возвратить большую фотографическую карточку, конфискованную среди другихъ моихъ вещей, съ любезнымъ замѣчаніемъ, что она не должна находиться въ недостойныхъ рукахъ. Марія Николаевна ее взяла и, сдѣлавъ крупнымъ почеркомъ надпись: „Рожеру Александровичу Барону Будбергу, отъ глубоко его уважающей и любящей Маріи Николаевны Афанасьевой", отправила фотографію на гауптвахту для передачи мнѣ. Она писала трогательныя письма моей старушкѣ матери, которую не знала, но христіанское сердце и любовь къ справедливости стремилось сочувствовать правдѣ. Генералъ, самъ старый юристъ, бывшій предсѣдатель военнаго суда, мой начальникъ по службѣ, прекрасно меня зналъ, какъ конфуціаниста, съ твердыми идеалами, желающаго быть добрымъ и благороднымъ, безъ всякой догмы вѣрованія, ставящей въ зависимость отъ абстрактныхъ сферъ. Онъ зналъ, что по воспитанію я проникнутъ духомъ христіанства и крестъ, возложенъ на меня по силамъ и меня не задавитъ. Но защищать меня теперь, въ морѣ политиканства, онъ считалъ дѣломъ невозможнымъ. Онъ вѣрилъ въ мою стойкость, и зналъ мою силу воли, а тамъ будетъ удобный моментъ и онъ поможетъ. Было бы легко, не вдаваясь въ мелочи нашего общественнаго и политическаго быта, выставить и генерала, какъ начальника, забывшаго человѣческія и должностныя обязанности, но ни умъ, ни совѣсть мнѣ этого не позволяютъ, хотя долженъ сказать правду, я иногда колебался въ его оцѣнкѣ.

Освобожденіе.

Однажды, вскорѣ послѣ поѣздки въ Пограничную, открылась дверь моей камеры. Вошелъ молодой офицеръ, въ первый разъ дежурившій на гауптвахтѣ, и лаконически заявилъ: „Вы свободны. Поздравляю Васъ. Собирайте вещи и идите домой". „Это не можетъ быть. Кто приказалъ меня освободить"? „Не знаю. Вотъ ярлыкъ изъ комендантскаго управленія". Дѣйствительно въ его рукахъ была обыкновенная записка объ освобожденіи, только съ необыденной прибавкой: „Немедленно". Въ полномъ недоумѣніи стоялъ часовой. Онъ совершенно остолбенѣлъ, поблѣднѣлъ и что то бормоталъ о разводящемъ, котораго въ этотъ моментъ здѣсь не было. Какъ тутъ выпускать арестованнаго, когда онъ не имѣлъ права впускать въ мою камеру безъ завѣдующаго гауптвахтой никого, даже самого караульнаго начальника. Мнѣ тоже показалось дѣло не чистымъ. Отчего нѣтъ Дикунова? Откуда исходитъ неожиданное освобожденіе? Я высказываю молодому офицеру недовѣріе къ распоряженію комендантскаго управленія, такъ какъ числюсь за Слѣдователемъ и совѣтую выяснить дѣло, охотно выражая согласіе подождать до завтра, не подводить караульнаго начальника. Но тотъ отклоняетъ мои сомнѣнія, и проситъ немедленно оставить гауптвахту. „Хорошо, но за вещами я заѣду завтра, а сейчасъ какъ разъ идетъ поѣздъ въ Новый Городъ". Какое странное ощущеніе свободы въ своихъ движеніяхъ. Мнѣ кажется, что я обращаю на себя вниманіе прохожихъ и меня сейчасъ призовутъ къ порядку, и я опять услышу обидныя приказанія и ругань. Я слишкомъ ко всему привыкъ и къ блеску штыка, и стуку замка, и къ смутному лицу въ окнѣ часового. Я безправный рабъ и вдругъ на свободѣ! Я не ощущаю радости: мерзость издѣвательства всякой дряни остается кругомъ, она только отступаетъ. Мнѣ кажется, что убитое чувство свободы не можетъ

больше воскреснуть. Знакомые офицеры, солдаты и полицейскіе были въ недоумѣніи: какъ это такой „крупный преступникъ“, и вдругъ на свободѣ. Одни отворачивались будто не видя, другіе совѣщались не задержать ли? Въ Новомъ Городѣ я не рѣшился пройти черезъ вокзалъ, стѣсняясь знакомыхъ. Дома, конечно бурная радость. Было холодно въ осиротѣвшемъ домѣ, а чистота и порядокъ говорили въ сердцѣ, что не остыла любовь къ нашему гнѣзду у моихъ близкихъ. Такъ пусть же вернется тепло съ этимъ праздникомъ счастья. Мы не жалѣли послѣдняго топлива. Раньше чѣмъ, ночная темнота ляжетъ на мерзкій городъ, мнѣ хотѣлось разсѣять мракъ, окружавшій освобожденіе. Не миражъ ли это? Жена справилась у ф.-Арнольда, но тотъ ничего не зналъ и могъ только предполагать, что дѣло вторично пересмотрѣно Палатой. Какой контрастъ свобода и.... ужасная поѣздка на Пограничную. Зачѣмъ она? Гдѣ корень зла — въ ошибкѣ или преступленіи? На другой день, вмѣстѣ съ женой, поѣхали за вещами. Караульнымъ Начальникомъ былъ Рютинъ, прекрасно ознакомившійся съ моимъ дѣломъ и не мало почерпнувшій изъ него для оцѣнки представителей жандармско-полицейскаго строя. Пришелъ Дикуновъ и передалъ подъ расписку оставшіяся на храненіи вещи и чековую книжку. Я потребовалъ бумагу Слѣдователя, при которой были присланы банковскія книжки, но получилъ въ отвѣтъ, что она затеряна, и найти ея не могутъ. Тогда я отказался принять денежные документы. Рютинъ закончилъ дежурство и мы подвезли его домой. Съ этого времени наша дружба, начавшаяся еще съ гауптвахты, приняла сердечный оттѣнокъ. Онъ, жена и ребенокъ всегда встрѣчали въ нашемъ домѣ радушный пріемъ. Знакомство было очень пріятнымъ: сколько у него было умственныхъ интересовъ, сколько знаній онъ мнѣ далъ своей начитанностью и своимъ резюмирующимъ талантомъ. Тогда всѣ его желанія сосредоточивались на расширеніи образованія, но видно, что съ переворотомъ онъ почувствовалъ, что мирная цѣль самообразованія стала недостижимой. Онъ съ головой окунулся въ бушующее море политическихъ страстей, старавшихся сразу изжить накипь стараго строя. Всѣ эти перевороты и политическія теченія не играли для меня значительной роли, и я остался вѣрнымъ воспитанію и разуму, говорившимъ, что знаніе и работа не разрѣшаютъ принимать участіе въ какихъ либо группировкахъ. Я знаю только одинъ идеалъ: остаться вѣрнымъ правдѣ и справедливости, безъ которыхъ не можетъ существовать ни одинъ строй. Черезъ день я получилъ предписаніе генерала Афанасьева, немедленно приступить къ пріему инвентаря отъ доктора Выржиковскаго по пріемному покою, тюремной и пристанской больницамъ и вступить въ исполненіе служебныхъ обязанностей. Черезъ нѣсколько дней полностью выдали содержаніе за 13 мѣсяцевъ, но отъ генерала Афанасьева послѣдовало новое распоряженіе, воздержаться отъ исполненія служебныхъ обязанностей. Причины не сообщили, но намекнули на тайные труды Сульжикова, ужасно взволнованнаго моихъ освобожденіемъ. Судебная Палата даже не сочла нужнымъ его извѣстить объ этомъ распоряженіи. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мнѣ не выписали жалованья.

Предполагая возможность какихъ либо новыхъ эксцессовъ, я не требовалъ уплаты жалованья и въ послѣдующіе мѣсяцы, рѣшивъ оставить эти деньги за дорогой, и по ошибкѣ счетоводства канцеляріи главнаго врача слѣдуемое мнѣ жалованіе не выписывалось по вѣдомостямъ вовсе въ теченіи почти года, впредь до моего востребованія.

Это мое предположеніе вскорѣ оправдалось, и въ 1919 году всѣ мои денежные и личные документы были похищены при обстоятельствахъ, подробно описанныхъ во II-й части моей печальной повѣсти.

Шпекъ все еще завѣдывалъ пароходнымъ моимъ дѣломъ, стараясь отдѣлаться отъ контроля, въ видѣ записей въ книгахъ, которыя велъ Ан—въ, и отъ него забралъ всѣ книги себѣ. Пароходъ, вернувшійся съ послѣдняго рейса стоялъ на зимовкѣ. Послѣ моего ареста Ан—въ предложилъ Шпеку

по прежнему записывать счета въ книгахъ, не требуя даже вознагражденія, но онъ не пожелалъ воспользоваться его услугами, и чувствуя свободу въ своихъ дѣйствіяхъ промоталъ богатый лѣсной складъ, обѣ баржи и много другого имущества. Хотя пароходное дѣло можно было поправить, но со Шпека взять было нечего. Самъ Стразовъ отзывался о немъ, какъ о ловкомъ жуликѣ. Вырвавшись на свободу, я сталъ осаждать генерала Хорвата прошеніями, одно за другимъ, умоляя не допустить замять дѣло безъ разслѣдованія и суда. Но все было тщетнымъ,—никакихъ отвѣтовъ я не получалъ. Въ декабрѣ меня пригласилъ Стразовъ въ послѣдній разъ, что бы прочитать его заключеніе при передачѣ дѣла въ Окружной Судъ. Только въ февралѣ 1917 г. я случайно прочелъ въ Окружномъ Судѣ, среди вывѣшанныхъ объявленій, о прекращеніи моего дѣла еще въ январѣ, за недостаточностью уликъ. Я узналъ, что пересмотръ дѣла былъ порученъ товарищу Прокурора Павликовскому, и былъ пріятно пораженъ, видя въ этой темной средѣ человѣка съ совѣстью и убѣжденіемъ. Добросовѣстно, пунктъ за пунктомъ, онъ разсмотрѣлъ все обвиненіе и вынесъ заключеніе, что дѣло надо прекратить.

Разразилась революція. Настало бурное время политиканства, самодурства и проявленія низменныхъ инстинктовъ. Настоящій праздникъ хулигановъ не только тамъ въ Россіи, но и здѣсь, въ чужой странѣ. Чѣмъ меньше способенъ субъектъ къ реальному труду, пусть это будетъ чиновникъ, рабочій, школьникъ, или просто уличный мальчишка, тѣмъ способнѣе онъ самъ себя считаетъ въ переустройствѣ государства и общества, не останавливаясь ни передъ Богомъ ни передъ законами природы. Ему все кажется простымъ и легкимъ. Какъ хамелеоны перекрашиваются, такъ изо дня въ день мѣняли свои политическія убѣжденія верхушки администраціи и общества. Врожденная юркость и коммерческая жилка еврейства, при отсутствіи истиннаго образованія и воспитанія русскаго обывателя, даетъ возможность самымъ презрѣннымъ еврейскимъ мальчишкамъ паріямъ, даже въ своемъ обществѣ, заправлять политическими страстями. Удивительный міръ! Чѣмъ меньше совѣсти, знаній и морали, тѣмъ легче играть руководящую роль въ человѣческой средѣ. Старый Богъ сверженъ и на престолъ Его посаженъ діаволъ. Людей съ убѣжденіями не оказалось. Полицію, какъ быковъ, раздражалъ еще вчера красный цвѣтъ, а сегодня съ нѣжной красной шелковой ленточкой на груди около самаго сердца, она гордо шествуетъ на митингѣ у Главныхъ Мастерскихъ, и поклоняется для нихъ богу свободы. Въ этихъ шествіяхъ не отсутствуютъ и сестры милосердія, не знавшія въ своихъ томленіяхъ куда бѣднымъ идти и гдѣ демонстрировать преданность новымъ идеаламъ. Общественные устои: уваженіе и любовь къ родителямъ и старшимъ по опыту, и образованію отмѣняются мальчишками, борцами и проповѣдниками свободы. И даже Рютина, послѣдняго моего пріятеля, въ которомъ я зналъ человѣка, горячо стремившагося только къ знаніямъ, я увидѣлъ увлеченнаго однимъ самолюбіемъ, сбросившимъ всякое дѣйствительное убѣжденіе. Въ этомъ морѣ онъ мечталъ выплыть выше другихъ. Теперь и я получилъ возможность мстить всѣмъ угнетателямъ, но мои руки не поднялись, это было бы противъ моихъ убѣжденій. Я заступился за ф.—Арнольда, противъ котораго, и кажется безъ основаній, были страшно озлоблены. Онъ не имѣлъ отношенія къ старымъ политическимъ преслѣдованіямъ, такъ какъ имъ руководили Прокуроръ и жандармскія власти, но его ненавидило всякое жулье и разнузданный элементъ изъ состава служащихъ полиціи, о чемъ я еще раньше его предупреждалъ. Ф.—Арнольдъ былъ арестованъ, выпущенъ, снова арестованъ и по порученію генерала Хорватъ я долженъ былъ обратиться къ Рютину за содѣйствіемъ, но успѣха не имѣлъ. Рютина, мнѣ кажется я могъ-бы уговорить, но красные товарищи только фыркали при произнесеніи фамиліи ф.-Арнольда. Рютинъ въ бесѣдѣ съ генераломъ Хорватъ какъ то коснулся моего дѣла и генаралъ уклончиво отвѣтилъ, что я обвинялся въ государственной измѣнѣ. Вполнѣ неожиданно Рютинъ вспыхнулъ и заявилъ, что онъ знаетъ меня,

знаетъ въ деталяхъ все дѣло и увѣренъ, что я одинъ изъ самыхъ порядочныхъ людей въ Харбинѣ. Какъ генералу, такъ и мнѣ онъ заявилъ, что хотя я по происхожденію и воспитанію долженъ быть приверженцемъ стараго строя, тѣмъ не менѣе онъ считаетъ желательнымъ видѣть меня на старой должности, т. к. такіе люди всегда нужны, т. е. тѣ, которые чужды политикѣ, но до самозабвенія вѣрны своимъ обязанностямъ. Сульжиковъ не избѣжалъ заслуженной судьбы, его посадили въ тюрьму, а затѣмъ выдворили этого морально испорченнаго актера, превратившаго судопроизводство въ одинъ отвратительный фарсъ, изъ предѣловъ Маньчжуріи. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда этотъ властный покровитель крупныхъ и мелкихъ провокаторовъ, вродѣ Бокастова и Эструпа, сидѣлъ за рѣшеткой, я счелъ возможнымъ поднять завѣсу надъ хорошо прикрытой интригой. Зайдя въ кабинетъ главнаго врача дороги Ясинскаго, я его спросилъ: неужели Дорога настолько богата, что думаетъ еще долго выплачивать мнѣ содержаніе, не позволяя исполнять служебныя обязанности. Ясинскій отвѣтилъ, что съ арестомъ Сульжикова отпадаетъ единственная причина, но онъ желаетъ получить объясненіе о значеніи моего собственноручнаго показанія, въ силу котораго, по требованію Прокурора, мнѣ предложили воздержаться отъ вступленія въ должность. „Вы показали, что ненавидите и презираете Русское Правительство и русскую власть". — „Я, собственноручно это показалъ? Ничего подобнаго". — Я сейчасъ это покажу. Селезневъ дайте-ка изъ дѣла Барона письмо Прокурора Сульжикова". Это длинное секретное письмо Сульжиковъ написалъ, желая лишить меня возможности возстановить служебныя права, а вмѣстѣ съ тѣмъ добраться и до выясненія нѣкоторыхъ секретовъ, изъ различныхъ архивовъ, существенно разоблачающихъ источникъ провокаціи.

Ясинскій не показалъ всего письма, и лишь впослѣдствіи я его прочелъ по любезности Селезнева. Я объяснилъ подлогъ, но Ясинскій обязательно хотѣлъ оффиціальнымъ путемъ, затребовать объясненій. „Поздно Феликсъ Андреевичъ это теперь дѣлать, я вамъ долженъ посовѣтовать оставить въ сторонѣ офиціальность и предупредить, чтобы Вы сами не попали въ неловкое положеніе. Увѣряю васъ здѣсь на лицо смѣлый подлогъ Сульжикова". Престарѣлый Ясинскій стоялъ на своемъ, хотя его помощникъ докторъ Хмара-Борщевскій, вмѣшавшись въ разговоръ, горячо совѣтовалъ не возбуждать оффиціальной переписки. На другой день послѣдовалъ запросъ, и я отвѣтилъ, что Сульжиковъ допустилъ „ложь" и „клевету", а самому Ясинскому во время врачебной экспертизы было прочитано мое „собственноручное показаніе", и онъ имъ очень интересовался. На собраніи общества врачей, при Центральной желѣзнодорожной больницѣ, къ которому я никогда не принадлежалъ, искали даже повода исключить меня изъ состава Харбинскаго врачебнаго міра. Подробностями этого выступленія я не интересовался, но между прочимъ слыхалъ, что Ясинскій воспользовался ложью Сульжикова и распространялъ ее „по секрету" между подчиненными и коллегами. Теперь, видя, что дѣло могло принять непріятный оборотъ, Ясинскій старался свалить все на Сульжикова. Только преклонный возрастъ Ясинскаго при большой опытности въ интригахъ, былъ виновенъ во всѣхъ тѣхъ ошибкахъ, которыя онъ допустилъ въ моемъ дѣлѣ. Я немедленно вытребовалъ изъ Иркутска копію показаній и дѣйствительно выраженія вродѣ: „я ненавижу и презираю Русское Правительство, и Русскую власть", тамъ не нашелъ. Я потребовалъ отъ Ясинскаго выполнить долгъ Начальника, я уже вступилъ въ должность, и возстановить истину привлеченіемъ Сульжикова къ отвѣтственности за подлогъ, но ничего не достигъ отъ сквернаго старика, виновнаго въ распространеніи компрометирующихъ слуховъ, и только вынудилъ всю шайку поторопиться уничтожить слѣды.

Наконецъ удалось отдѣлаться отъ Шпека, правда съ большими жертвами. Взамѣнъ обѣщанія Шпека дать полный отчетъ, пришлось продать все цѣнное: экипажъ, большую желѣзную кассу и пр. У меня имѣлось доста-

точно документовъ, доказывавшихъ распоряженіе Стразова о передачѣ правъ Шпеку на полное завѣдываніе имуществомъ, и въ томъ числѣ та бумага, по которой онъ хотѣлъ насильно предоставить „Шпеку, или тѣмъ людямъ, которыхъ онъ укажетъ“ послѣднія сбереженія, хранившіяся въ банкѣ. Горѣли эти чековыя книжки въ достойныхъ рукахъ Сульжикова и его замѣстителя Сѣчкина. Сколько разъ они пробовали вернуть ихъ мнѣ черезъ полицію, но я не желалъ принимать изъ рукъ Прокурора денежные документы безъ объясненія какъ они туда попали. Неожиданно для Шпека удалось продать пароходъ. По купчей все было продано такъ, какъ числилось по инвентарнымъ книгамъ. Съ новымъ хозяиномъ пошли на пароходъ. На мое предложеніе Шпеку предъявить книги послѣдовалъ отвѣтъ, что онъ ихъ не велъ. Явная ложь: безъ этихъ книгъ пароходъ не могъ выйти въ плаваніе, въ особенности по Амуру, гдѣ правила очень строгія. Новый владѣлецъ, могъ отказаться отъ покупки, если бы мы не были такими добрыми пріятелями, и тогда бы возникъ дорого стоящій процессъ. Уничтожая книги, Шпекъ, не связанный договоромъ, ничѣмъ не рисковалъ. Ловкій человѣкъ. Онъ даже съумѣлъ присвоить новый стальной буксиръ, стоившій болѣе 3000 долларовъ, заявивъ, что онъ непринадлежитъ къ пароходу и взятъ на время отъ другого. Взамѣнъ денегъ за пароходъ я получилъ обычное китайское ручательство, которое оплачивается въ извѣстный срокъ на предъявителя. Шпекъ очутился безъ денегъ. Его жадности и грабежу насталъ конецъ. Въ домѣ онъ больше не показывался и старался избѣгать встрѣчъ на улицѣ, но былъ постояннымъ гостемъ на заднемъ дворѣ въ квартирѣ у г-жи Ранаховской, съ которой былъ связанъ дружбой. У насъ въ домѣ жилъ Тимофеевъ, тотъ самый, который стрѣлялся на разсвѣтѣ того дня на дежурствѣ, когда я приводилъ въ исполненіе свое рѣшеніе къ самоубійству,—вмѣстѣ съ г. К., женой одного изъ желѣзнодорожниковъ, разошедшейся съ мужемъ. Тимофеевъ, по профессіи землемѣръ, талантливо рисовалъ и любилъ музыку, но періодически выпивалъ и становился крайне буйнымъ. Послѣ моего освобожденія онъ былъ переведенъ на линію, и какъ то пріѣхалъ въ Харбинъ, вмѣстѣ съ г-жей К., остановился у меня дня на два. Мы радушно ихъ встрѣтили и уступили свою единственную спальню, устраиваясь сами на ночь въ другой маленькой комнатѣ на полу и ящикахъ. Визитъ затянулся и продолжался.... только около четырехъ годовъ. Въ нашемъ же домѣ у нихъ родилась прелестная дѣвочка, очень любившая мою жену. Впослѣдствіи Тимофеевъ уѣхалъ въ армію Колчака и тамъ вѣроятно погибъ. Г-жа К. чувствовала себя какъ дома, лучше чѣмъ мы сами, и совершенно не интересовалась нашими мытарствами. Добродушіе жены, любовь къ ребенку и деликатность не позволяли категорически потребовать прекращенія такой эксплоатаціи, и только дня за два до смерти жены, когда та уже лишилась сознанія, г-жа К. опасаясь заразы, оставила мой печальный домъ.

За время болѣзни жены, она ни разу не заглянула къ больной и теперь, хотя уже прошли года, она ни разу не зашла въ осиротѣвшій домъ, такъ радушно ее пріютившій. Она живетъ у мужа въ кругу своихъ дѣтей. Однажды ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ Тимофеевъ и сообщилъ, что составленъ планъ ограбленія нашей квартиры и ему вмѣстѣ съ г. К. предложили принять участіе. Жена его въ это время лежала въ больницѣ. Уже нѣсколько дней какъ Шпекъ и Ранаховская уговаривали ихъ вступить въ компанію, увѣряя въ полной безопасности. Отъ нихъ не требовалось активнаго выступленія. Все бралъ на себя Шпекъ, знавшій гдѣ хранятся драгоцѣнныя вещи, и имѣвшій у себя нужныя ключи. Ихъ просили только молчать, и сообщить когда я вмѣстѣ съ боемъ поѣду въ Хуланхѣ, гдѣ жила дочь вмѣстѣ съ няней. Шпекъ обѣщалъ чисто обработать дѣло и дать Тимофееву и г-жѣ К. половину стоимости золотыхъ и серебрянныхъ вещей, и также тридцать тысячь долларовъ. Они объяснили, что не рѣшались раньше сообщить о замыслѣ, такъ какъ въ тѣни стоятъ опаснѣйшіе круги тѣхъ сферъ, которые

не останавливаются передъ любымъ преступленiемъ и покрываютъ своихъ агентовъ, непосредственныхъ преступниковъ и убiйцъ. Это какая то ерунда, подумалъ я, Шпекъ и Ранаховская не пойдутъ на такiя дѣла, хотя Шпекъ и знаетъ, что ручательство за выплату 30000 долларовъ легко реализировать. Неужели онъ за этимъ гонится? Тимофеевъ зналъ только о фактѣ продажи парохода и цѣнѣ, но не былъ посвященъ въ детали и не зналъ, что вмѣсто денегъ я получилъ только документъ. Оба настойчиво утверждали, что не дальше какъ завтра, какъ только я уѣду верхомъ, въ сопровожденiи боя, Шпекъ и Ранаховская приступятъ къ выполненiю плана. Коротко и ясно я объяснилъ Тимофееву всю его отвѣтственность за правильность сообщенiя и указалъ, что не вижу необходимости и не имѣю возможности что-нибудь предпринять, но онъ самъ обязанъ извѣстить полицiю и пусть сейчасъ же увѣдомитъ пристава Гребенщикова. Вечеромъ Тимофеевъ передалъ, что былъ у Гребенщикова, все ему разсказалъ и тотъ обѣщалъ лично зайти, чтобы переговорить уже со мной. Проходитъ часъ за часомъ, а Гребенщиковъ не появляется. Въ 12 часовъ ночи я рѣшилъ идти къ нему самъ. Онъ уже спалъ, но дѣло не терпѣло отлагательства, и я приказалъ разбудить пристава, который вторично обѣщалъ прислать самыхъ лучшихъ агентовъ ко времени моего выѣзда изъ дома. Сговорились о деталяхъ: одинъ изъ агентовъ долженъ былъ сѣсть въ большой гардеробъ, въ комнатѣ у г-жи К., которая задержитъ Шпека, когда онъ появится и заведетъ разговоръ, чтобы тотъ еще разъ объяснилъ весь планъ. Второй агентъ спрячется въ ванной, напротивъ послѣдняго кабинета, откуда будетъ имѣть возможность наблюдать за Шпекомъ. Разумѣется у парадныхъ дверей долженъ находиться третiй агентъ и наблюдать, чтобы кто нибудь не помѣшалъ. Агенты должны были явиться не позже 9 часовъ утра. На другое утро къ 9 часамъ у меня все было готово и лошади осѣдланы. Время было выѣзжать, а агенты не показывались. Ранаховская пришла справится у Тимофеева можетъ ли идти Шпекъ? Надо уѣзжать, а агентовъ все нѣтъ и нѣтъ и нельзя лично устроить засаду. Въ домѣ только г-жа К. съ ребенкомъ и Тимофеевъ, и нѣтъ даже дворника, который посланъ съ порученiемъ. Отправляюсь вмѣстѣ съ боемъ въ Прiемный покой, а оттуда сообщаю Гребенщикову, что если агенты сейчасъ же не будутъ на мѣстѣ, то дѣло провалится. Былъ день осмотра проститутокъ и я изъ Прiемнаго покоя поѣхалъ въ больницу, и на Путевую улицу въ сопровожденiи акушерки Ан—вой. Около часу дня мы вмѣстѣ вернулись домой и узнали отъ Тимофеева и г-жи К. подробности дѣла: минутъ пятнадцать послѣ моего отъѣзда пришли агенты—околоточный надзиратель и полицейскiй, которыхъ Тимофеевъ впустилъ въ домъ. Оба отправились въ прiемную для больныхъ, гдѣ Тимофеевъ объяснилъ куда каждому спрятаться. Однако околоточный надзиратель пожелалъ подробно обучить полицейскаго, какъ держаться при появленiи Шпека. Обучать не было времени, надо было спѣшить, такъ какъ Ранаховская вторично пришла справиться можно ли Шпеку приступить къ дѣлу. Едва успѣли помѣстить околоточнаго въ гардеробъ, какъ черезъ черный ходъ появился Шпекъ. Г-жа К. его встрѣтила въ столовой и спросила: есть ли ключи? „Я думаю, что хватитъ, вотъ 19 штукъ. Впрочемъ, я знаю, гдѣ находятся всѣ ключи, не безпокойтесь, отвѣтилъ Шпекъ, потрясая цѣлой кучей. Г-жа К. предложила Шпеку пройти на минуту въ ея комнату и пошла впередъ. Открывъ дверь, пришла въ ужасъ: надзиратель сидитъ внизу гардероба, дверца открыта и его ноги далеко вытянуты въ комнату. У г-жи К. мелькнула мысль, что Шпекъ, увидѣвъ устроенную засаду, уложитъ ее на мѣстѣ, но не растерялась, и раньше чѣмъ тотъ прошелъ черезъ узкую дверь, она прикрывъ юбками ноги агента, загородила дорогу, говоря что окошко открыто и все будетъ видно со двора. Тогда Шпекъ отправился въ мой первый кабинетъ, гдѣ взялъ изъ чернильницы маленькiй ключъ отъ шкафика въ комнатѣ дочери.

Въ немъ находились всѣ прочіе ключи. Шпекъ зналъ, что въ этомъ кабинетѣ я не храню денегъ, или цѣнныхъ вещей, и что они лежатъ въ тайникѣ послѣдняго кабинета. Онъ возился не долго, просматривая бумаги, а затѣмъ отправился въ комнату дочери, открылъ шкафъ и досталъ ключи. Оставивъ шкафъ открытымъ, отправился въ послѣдній кабинетъ и отперъ тайникъ, но пароходнаго документа уже не нашелъ,—я взялъ его съ собой. Открывъ всѣ шкафы и вытащивъ документы, Шпекъ началъ ихъ разсматривать, а свои ключи положилъ на столъ. Вдругъ раздался звонокъ. Шпекъ испугался и выскочилъ въ корридоръ, а агентъ, наблюдавшій за нимъ изъ ванной комнаты, ловко скрутилъ ему руки. Блѣдный, трясущійся Шпекъ, могъ только проговорить: „Эти ключи тамъ на столѣ". Не очень нѣжно втащили Шпека въ ванную комнату, гдѣ его обыскали и взявъ ключи, какъ у него, такъ и со стола, отправили въ участокъ. Только что мы успѣли познакомиться съ подробностями, какъ въ столовую вошла Ранаховская, тихая и спокойная не только въ разговорѣ, но и въ движеніяхъ. Изъ каждаго ея слова исходило столько привѣтливости, вѣжливости и сочувствія. „Я слышала, что у Васъ была какая то непріятность со Шпекомъ. Не знаю въ чемъ дѣло. Меня все утро не было дома, я по дѣламъ была въ Городскомъ Совѣтѣ, и только что вернулась".—„Да, правда большая непріятность. Я только что узналъ, что задержали Шпека при грабежѣ, и со всѣми ключами отправили въ участокъ". Удивительное хладнокровіе. Она ни чемъ не выразила хотя бы малѣйшее волненіе, и только показала, что очень, мало придаетъ значеніе всему происшедшему. Отъ нея такъ и исходитъ грандіозное чувство собственнаго достоинства и благородства. Точно плыветъ на ходу, какъ видѣніе не отъ міра сего, а изъ болѣе чистыхъ и благородныхъ сферъ, чѣмъ окружающій суетный міръ. Съ такимъ именно видомъ она удалилась. Эта госпожа имѣла дочь, которая сейчасъ была въ отлучкѣ, внѣ Харбина, о ней, кромѣ самаго хорошаго, ничего сказать не могу. Сколько лѣтъ эта старуха съ дочерью жила въ моемъ домѣ. Ихъ вліяніе на жену мою и ребенка, а также и на всѣхъ окружающихъ было, безъ сомнѣнія, огромнымъ. Меня подкупила и денежная ихъ благонадежность, никогда не выходящая изъ рамокъ строгой щепетильности въ то время, когда Шпекъ и многіе другіе безжалостно меня обирали, пользуясь добродушіемъ и деликатностью. Только что ушла Ранаховская, какъ бой доложилъ, что Шпекъ уже на свободѣ, и находится у ней. Ничего не понимаю. Въ слѣдъ за этимъ заходитъ тотъ-же самый надзиратель и проситъ дать мои показанія собственноручно. Онъ человѣкъ не интеллигентный и сильно раздраженъ. Видно досталось. Что же я могу показать? Только то, что мнѣ разсказали Тимофеевъ и г-жа К., мои переговоры съ Гребенщиковымъ и распоряженія, а также то, что только что узналъ, пріѣхавъ съ Ан-вой. Все это я описалъ и передалъ околодочному, но тотъ попросилъ добавить обычную фразу, что мнѣ объявлена статья закона, по которой Судъ строго караетъ ложный доносъ. Точно также и Тимофееву пришлось дать свои показанія съ прибавленіемъ этой фразы. Г-жа К. была недостаточно грамотна и за нее короткій протоколъ написалъ околодочный. К. желала дать болѣе подробныя показанія, но представитель полицейской власти грубо ей отказалъ, объяснивъ, что подобныя показанія она можетъ дать Слѣдователю, а не ему, и добавилъ: „Совѣтую Вамъ поменьше говорить". На мои вопросы, обращенные къ Тимофееву, почему онъ раньше не сообщилъ о готовившемся ограбленіи, Тимофеевъ сознался, что его ослѣпили денежными обѣщаніями. Его положеніе было очень тяжелымъ и онъ думалъ сразу стать богатымъ независимымъ человѣкомъ, но видя, что г-жа К. относится болѣе уклончиво къ этой затеѣ, началъ сомнѣваться—а вдругъ Ранаховская и Шпекъ не сдержатъ обѣщанія и ему вмѣсто богатства придется познакомиться съ тюрьмой. Эти соображенія и заставили его отказаться отъ сдѣлки, и раскрыть весь заговоръ. Въ это время Полицеймейстеромъ былъ Янченокъ, а фонъ-Арнольдъ Начальникомъ Контръ-развѣдки.

Я былъ принужденъ прекратить съ нимъ всякую связь, такъ какъ не желалъ служить причиной для слуховъ, что онъ германофилъ, но и быть съ фонъ-Арнольдомъ въ близкихъ отношеніяхъ означало втянуться въ кругъ его новой служебной дѣятельности. Было противно слушать про все это политиканство, про красную и черную грязь. Я даже не читалъ тѣ статьи, которыя имѣли какой нибудь намекъ на политику. Я утопалъ въ интересахъ службы, но правда, и эта работа стала почти безцѣльной; всякое стараніе было парализовано съ самаго начала изъ за разрухи, къ которой привелъ мой замѣститель борьбу съ тайной проституціей и наркотиками. Нѣтъ Г. г. врачи, мнѣ не было стыдно идти на ночныя облавы и закрывать тайные притоны, гдѣ массами погибалъ бѣдный народъ на пользу паразитовъ-торговцевъ. Сколько мнѣ стоило труда подчинить регистраціи и нашему санитарному контролю японскихъ домовъ терпимости. Еще труднѣе было привести въ исполненіе это подчиненіе въ отношеніи проститутокъ-китаянокъ, которыхъ такъ безжалостно эксплоатируютъ хозяева, покупающіе ихъ какъ товаръ. Въ жизни этого края нѣтъ миссіи болѣе человѣчной, чѣмъ борьба съ наркотиками и проституціей. На этомъ построено не только здоровье населенія, рабочихъ силъ, дающихъ основу благосостоянія края, но и культурное развитіе народа. Объ этомъ слѣдовало бы позаботиться нашимъ администраторамъ, дабы не уронить престижа каждаго русскаго человѣка въ этой чужой странѣ. Я не удовлетворялся борьбой съ этимъ зломъ здѣсь на мѣстѣ, но призывалъ къ тому и Правительство на страницахъ Петроградской печати. По выходѣ изъ Гауптвахты я нашелъ полный развалъ въ налаженномъ дѣлѣ: японки и китаянки больше не регистрировались, а изъ европейскихъ, только нѣсколько десятковъ. Притоны съ наркотиками широко расплодились и на этомъ развалѣ насыщались разумно-терпѣливые члены администраціи и полиціи.

Не могу описать сколько протестовъ и требованій я подалъ Прокурору Сѣчкину по поводу заступничества Шпека, но все было безплоднымъ. То сообщали, что дѣло передано Слѣдователю Саковичу, то отвѣчали, что поручено особое наблюденіе за разслѣдованіемъ дѣла Товарищу Прокурора Изотову. Но ни меня, ни Тимофеева, ни г-жи К., на допросъ не вызывали, и даже не возвращали моихъ ключей. Черезъ разныхъ друзей меня предупреждали, что такъ писать нельзя, что я наживу новую бѣду и что если мнѣ жизнь дорога, то я долженъ принять изъ рукъ Прокурора свои денежные документы и перестать требовать пересмотръ дѣла. Въ старое доброе время я зналъ бы куда надо обратиться невинному и искать защиты отъ вопіющей несправедливости. Теперь была свобода, и каждый мерзавецъ получилъ право издѣваться по своему усмотрѣнію.

Какъ Вы думаете читатель, что бы Вы предприняли на моемъ мѣстѣ? Вы можетъ быть скажете, что мнѣ надо было обратиться къ обществу. Но развѣ это общество не достаточно насмотрѣлось, а можетъ быть и наслаждалось, когда меня водили какъ арестанта по улицамъ Харбина. Развѣ обществу не было извѣстно, что меня злостно и безпричинно обвиняли въ Государственной измѣнѣ и опіеторговлѣ? Можетъ быть найдутся еще болѣе наивные, которые посовѣтуютъ обратиться къ корпораціи врачей, и именно въ то время, когда повсюду вѣяло духомъ совѣтовъ. Нѣтъ, я думаю, что Вы уже достаточно познакомились съ духомъ одинокаго, стоявшаго просто и

благородно передъ лицомъ ложныхъ богоотступниковъ, возлюбившихъ тьму болѣе чѣмъ свѣтъ, и имя которымъ „легіонъ“ — передъ лицомъ Харбинскихъ врачей. Я долженъ правильнѣе выразиться — передъ извѣстнымъ кругомъ врачей, при такъ называемой Центральной Желѣзнодорожной больницей, которые выставляли, при всякомъ удобномъ случаѣ, свой патріотизмъ и свою высшую интеллигентность на показъ публикѣ, но къ сожалѣнію часто въ смѣшной формѣ. Слѣдуетъ только припомнить чумную эпидемію 1910—1911 г.г. съ приниженнымъ маханіемъ хвостомъ передъ презрительнымъ взглядомъ профессора Заболотнаго, и передъ прессой, обличавшей даже въ каррикатурахъ ихъ несостоятельность подняться на высоту дѣйствительнаго знанія, строгаго и добросовѣстнаго отношенія къ порученному отвѣтственному дѣлу, и уваженія къ самимъ себѣ*).

Доколѣ, Господи, Ты терпѣливъ и милостивъ? и дождемся ли мы возстановленія правды и справедливости, которыя такъ нужны гибнущимъ людямъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

---

*) Lungenpestepidemie in der Mandchurei 1910—11 u 1920—21. Dr. med. Baron Bedberg mit Illustrationen. Verlag Conrad Behre Hamburg 1923.

Копіи протоколовъ

судебнаго допроса.

Протоколъ допроса.

1916 года Мая 24 дня, Судебный Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Иркутскаго Окружного Суда Стразовъ, въ камерѣ своей въ г. Харбинѣ, съ соблюденіемъ 443, 353—356 ст. ст. уст. угол. суд. безъ присяги допрашивалъ нижепоименованнаго въ качествѣ свидѣтеля и онъ показалъ:

Имя, отчество и фамилія: Романъ Аппполоновичъ фонъ-Арнольдъ.

Званіе: Потомственный дворянинъ.

Возрастъ: 44 года. Вѣроисповѣданіе: Православный.

Званіе: Полицмейстеръ гор. Харбина.

Мѣстожительство: г. Харбинъ, Полицейская ул. 20.

Судимость: Былъ судимъ по обвиненію по 1 п. ст. 446 улож. о наказ. и приговоренъ къ удаленію отъ должности, но за силою манифеста, отъ наказанія освобожденъ.

Отношеніе къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ. Въ особыхъ отношеніяхъ не состою.

По дѣлу показываю: На вопросы 1) хорошо-ли я знаю доктора барона Будберга и 2) не замѣчалъ-ли я чего-либо ненормальнаго въ немъ; въ частности, не замѣчалось-ли за нимъ, что онъ иногда разсказываетъ такія исторіи, которыхъ на самомъ дѣлѣ не бывало, показываю нижеслѣдующее: Будберга я знаю примѣрно съ 1908 года. Мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ нимъ по службѣ, какъ съ Санитарно - Городовымъ и тюремнымъ врачемъ, кромѣ того онъ лечилъ мою семью, вслѣдствіе чего бывалъ въ моемъ домѣ. За это время, мнѣ кажется, я зналъ его хорошо. Въ моемъ представленіи, Будбергъ является человѣкомъ совершенно оригинальнымъ, не похожимъ на другихъ людей, какъ по своей внѣшности и привычкамъ, такъ равно и по внутренней своей жизни. Съ внѣшней стороны большинству онъ представляется чудоковатымъ и даже придурковатымъ человѣкомъ, обмануть и провести котораго не составляетъ никакого труда для перваго встрѣчнаго. И дѣйствительно, жизнь его изобилуетъ случаями, когда онъ, что называется, остается „въ дуракахъ". Онъ даетъ деньги совершенно незнакомымъ и вполнѣ для него безразличнымъ людямъ и, конечно, очень рѣдко получаетъ ихъ обратно. Затѣваетъ коммерческія предпріятія по внушенію постороннихъ людей, вести которыхъ онъ является совершенно неспособнымъ. Въ результатѣ предпріятія эти неизмѣнно проваливаются, но потерпѣвшимъ въ нихъ всегда является онъ одинъ. Разнообразно и въ высшей степени щепетильно понимаемый имъ принципъ благородства, не позволяетъ ему допустить, чтобы въ провалившемся дѣлѣ понесъ ущербъ даже тотъ человѣкъ, который является главнымъ иниціаторомъ неудавшагося предпріятія. Такъ напримѣръ, онъ поступилъ съ однимъ изъ своихъ компаньоновъ по пароходному дѣлу, который, войдя къ нимъ въ компанію и взявшись вести дѣло, ввелъ Будберга въ громадныя убытки, а когда всѣ разсчеты рухнули по винѣ этого-же самаго компаньона, то Будбергъ выплатилъ ему изъ своихъ личныхъ средствъ нѣсколько тысячъ рублей, которые причитались будто бы этому компаньону, какъ его паевыя деньги. Въ высшей степени характернымъ является также поведеніе Будберга въ дѣлѣ открытія завода или фабрики по изготовленію консервовъ. Къ нему съ этимъ проектомъ явился какой-то знаменитый, по его словамъ, кулинаръ на Востокѣ, по фамиліи кажется Григорьевъ. Насколько я могъ составить себѣ понятіе, единственное, что опредѣленно зналъ Будбергъ объ этомъ кулинарѣ, было то, что онъ—безработный пьяница, тѣмъ не менѣе онъ сейчасъ-же ухватился за предложеніе, отдѣлалъ квартиру, построилъ какую-то особую печь и выдалъ Гри-

горьеву болѣе и менѣе значительныя деньги на первые расходы. Къ счастью, на первыхъ же порахъ Григорьевъ проворовался въ чемъ и былъ уличенъ. Предпріятіе тотчасъ-же лопнуло. Однако же съ Григорьевымъ не кончилась на этомъ, какъ предположилъ-бы всякій обыкновенный человѣкъ. Въ результатѣ у Будберга какимъ-то образомъ очутилась дѣвочка подкидышъ, дочь этого самаго обворовавшаго его Григорьева. Нѣтъ возможности припомнить, конечно, бесчисленнаго количества совершенно невѣроятныхъ приключеній Будберга въ этой сферѣ, излагаемыхъ имъ всегда въ замѣчательно живописной и можно даже сказать художественной формѣ, изобилующихъ чисто литературными деталями и красотами, сюжеты которыхъ представляютъ захватывающій интересъ по совершенно неожиданнымъ оборотамъ обстоятельствъ, по странной и непонятной ихъ развязкѣ, при чемъ въ развязкахъ этихъ неизмѣнно отводится громадное мѣсто самому тончайшему анализу чувствъ и мыслей самого Будберга. Въ этихъ частяхъ разсказовъ Будбергъ всегда обрисовывалъ себя, какъ адски хитраго, сильнаго, проницательного, крайне недовѣрчиваго и искушеннаго жизнью человѣка. Несмотря однако на это, всѣ его хитрости въ практическихъ дѣлахъ всегда приводятъ его къ краху, провалу и всѣмъ прочимъ сопряженнымъ съ этимъ непріятностямъ. Также полны захватывающаго интереса разсказы Будберга изъ сферы судебно полицейской. Нужно замѣтить, что Будбергъ, получивъ мѣсто Санитарно-городового врача, отдался этому дѣлу въ полномъ смыслѣ слова беззавѣтно: забросилъ весьма обширную и выгодную практику, остылъ даже къ коммерческимъ предпріятіямъ. Работалъ онъ въ этой сферѣ безъ устали, выѣзжалъ немедленно на каждое происшествіе, просиживалъ надъ трупами цѣлыми днями, изслѣдуя характеръ пораненій, изучая съ чисто „шерлоковскимъ" вниманіемъ всякую мелочь, подобранную на мѣстѣ происшествія, обсуждая, взвѣшивая, сопоставляя и на этихъ основаніяхъ дѣлая догадки и заключенія о возможныхъ преступникахъ. И нужно отдать справедливость, что склонность его къ тайномании и сыску приносила большую пользу дѣлу. Однако и тутъ гораздо чаще предположенія Будберга не оправдывались. Причиною сему въ большинствѣ случаевъ явилось то, что онъ неправильно избиралъ отправные пункты для своихъ изслѣдованій, исходя изъ которыхъ на крылахъ болѣзненно развитой фантазіи уносился въ несуществующій міръ, въ міръ собственныхъ грезъ, при чемъ міръ этотъ рисовался ему съ такой ясностью и очевидностью, что онъ конечно не сознавалъ своихъ ошибокъ и заблужденій и вполнѣ искренно готовъ былъ отстаивать свои фантазіи до самой послѣдней крайности, фантастичность его ума, на мой взглядъ, является наиболѣе характерной его чертой. Я думаю, что я ничуть не преувеличу, если скажу, что большую часть своей жизни Будбергъ проводитъ въ своихъ снахъ и грезахъ. Въ этихъ грезахъ огромную роль играетъ его увлеченіе „Китайщиной". Будбергъ искренно любитъ Китай и китайцевъ. Онъ изучилъ китайскій языкъ, проникаетъ въ бытъ страны, безплатно лечитъ больныхъ, горячо и страстно защищаетъ китайцевъ отъ отравленія опіемъ и морфіемъ. Онъ идеализируетъ этотъ народъ, эту страну, этотъ культъ. Онъ видитъ во всемъ слѣды замѣчательной культуры и цивилизаціи. Каждая мелочь китайскаго обихода обосновывается имъ чуть не научно и, по его словамъ превосходитъ все существующее въ мірѣ. Все начиная отъ косы на головѣ съ религіи Будды и Культа Конфуція, все въ Китаѣ увлекаетъ Будберга до послѣднихъ предѣловъ возможнаго; отъ всего онъ впадаетъ въ тотъ „восторгъ", о которомъ часто упоминаетъ въ своихъ разсказахъ Достоевскій, описывая своихъ больныхъ героевъ. Мало того онъ, какъ искреннѣйшій изъ людей, идетъ дальше: онъ женится на китаянкѣ, устраиваетъ свою жизнь по китайски, окружаетъ себя исключительно китайцами, но и здѣсь его опять постигаетъ полное разочарованіе. Съ женой у него не ладится, окружающіе его китайцы въ громадномъ большинствѣ, оказываются мошенниками... Словомъ, и тутъ дѣйствительная жизнь совершенно расходится съ тѣмъ міромъ грезъ, въ которомъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ жить Будбергъ. Кстати еще о тайноманіи. Будбергъ вѣритъ гадалкамъ, преимущественно китайцамъ и часто обращается къ нимъ. Вѣритъ въ хиромантію: у всѣхъ убитыхъ изслѣдуетъ линіи жизни на ла-

доняхъ и, что всего удивительнѣе увѣряетъ, что возрастъ умершихъ насильственной смертью всегда совпадаетъ съ показаніями этой тайной науки. Вѣритъ въ загробный міръ и возможность сношенія съ нимъ. Къ сожалѣнію я не могу припомнить подробностей, какъ къ нему, по его словамъ, явился, какой то изъ недавно умершихъ его друзей и о посѣщеніи своемъ оповѣстилъ его стуками. Стуки эти были таинственны и совершенно необъяснимы. Всѣ разсказы на эти темы, хотя и лично по своему складу ума, на минуту не могу поддаться ихъ очарованію и повѣрить въ нихъ, также живописно-реальны, какъ всѣ прочіе его разсказы. Резюмируя всѣ эти иллюстраціи я думаю, что Будбергъ представляетъ собою замѣчательно добраго, дѣтски довѣрчиваго, безкорыстнаго, добросовѣстнаго и въ полномъ смыслѣ слова рыцарски-благороднаго человѣка съ болѣзненно-развитой фантазіей. Практически это сводится къ тому, что онъ всегда съ чѣмъ нибудь борется, что нибудь отстаиваетъ до послѣдней возможности, рискуя всѣмъ своимъ благополучіемъ. Такъ въ смутное время онъ боролся съ революціей, въ послѣднее время съ опіекуреніемъ всегда и на каждомъ шагу борется со всякой неправдой, чѣмъ наживаетъ себѣ крайне опасныхъ и сильныхъ враговъ, и, будучи самъ совершеннымъ ребенкомъ въ жизни, всегда жестоко терпитъ отъ нихъ. Самымъ-же рѣзкимъ его качествомъ на мой взглядъ, является его безупречная честность, въ составъ которой, какъ наиболѣе значительный элементъ, входитъ вѣрность.

Будбергъ вѣренъ своему долгу въ главномъ и въ мелочахъ, въ важномъ и не важномъ, вѣренъ, наконецъ, своимъ фантазіямъ и такимъ останется до могилы. Отношеніе къ политикѣ Будберга мнѣ неизвѣстны, да мнѣ кажется, жизнь его такъ заполнена всѣмъ тѣмъ, о чемъ я упомянулъ выше, что для политики нѣтъ и мѣста. Впрочемъ я припоминаю, что его кто-то назвалъ „оманзѣвшимся нѣмцемъ". Это опредѣленіе весьма положительно по отношенію къ Будбергу. Если уже его и считать нѣмцемъ, то непрѣменно нужно упомянуть, что онъ совершенно окитаился. Иначе понятіе о Будбергѣ будетъ не только не полнымъ, но и совершенно неправдоподобнымъ. На отдѣльные вопросы отвѣчаю: Съ Штефлеромъ онъ знакомъ, повидимому онъ сходился съ нимъ на почвѣ любви къ Китаю. Лично мнѣ объ этомъ стало извѣстно, насколько припоминаю, изъ разсказа Будберга, объ особомъ способѣ приготовленія китайскаго навоза, о которомъ ему сообщилъ Штефлеръ, чѣмъ привелъ его въ полный восторгъ. Къ наркотикамъ и алкаголю Будбергъ пристрастія не имѣетъ; въ половомъ отношеніи никакихъ ненормальностей я не замѣчалъ. По убѣжденіямъ своимъ онъ скорѣе атеистъ и поклонникъ культа совѣсти. По происхожденію онъ знатный человѣкъ. По преданности Царю и по своей безупречной жизни и службѣ своей онъ вѣрный сынъ Россіи. Больше показать ничего не имѣю. Подписалъ Полицеймейстеръ г. Харбина Подполковникъ фонъ-Арнольдъ И. Д. Судебнаго Слѣдователя по особо важн. дѣл. М. Стразовъ.

Протоколъ допроса

акушерки, фельдшерицы Антоновой слѣдователемъ Стразовымъ 1916 г. Мая 24 дня.

Отношеніе къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ: посторонняя. По дѣлу показываю: Доктора барона Рожера Александровича Будберга я знаю съ 1907 года. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ Врачемъ Врачебно-Полицейскаго Комитета и завѣдывающимъ больницей комитета. Приблизительно съ 1911 года онъ столовался у меня до Августа мѣсяца 1914 года. Я встрѣчалась съ нимъ ежедневно. Въ первое время въ 1911 г. я была почти ежедневно въ его квартирѣ, а затѣмъ, когда познакомилась съ его семейной обстановкой, то стала бывать рѣже. Изъ личныхъ наблюденій и разговоровъ я всегда рисовала себѣ доктора Будберга человѣкомъ психически здоровымъ, хотя и нервнымъ. Онъ всегда жаловался на сильные боли въ

области желудка, на неправильный стулъ, страдалъ гемороемъ и подвергался операціи для удаленія геморойныхъ шишекъ. Съ виду докторъ Будбергъ отличался всегда худобой, но это объясняется тѣмъ, что еще въ дни своего студенчества онъ, нуждаясь въ средствахъ и не желая просить у родственниковъ денегъ, плохо питался. Вообще я замѣтила, что баронъ Будбергъ невнимательно относился къ интересамъ своего питанія и очень мало требователенъ въ отношеніи своихъ личныхъ удобствъ. Онъ очень увлекался синологіей и всегда съ увлеченіемъ разсказывалъ, что когда прибылъ въ Маньчжурію, то сразу почувствовалъ себя въ родной сферѣ среди китайцевъ, страшно полюбилъ китайцевъ, сталъ изучать ихъ языкъ, нравы, обычай. Онъ говорилъ, что его душа родственна китайцамъ, что она въ него переселилась послѣ смерти какого нибудь китайца. Онъ въ 1908 году женился на китаянкѣ изъ Фудядяна и всегда очень хорошо относился къ своей женѣ, называлъ „золотымъ сердцемъ". Обстановка его семейной жизни была довольно странная. Домъ его былъ поставленъ по образцу обыкновеннаго китайскаго дома. У него были каны, всюду грязь. Столъ былъ китайскій, очень мало питательный, хотя докторъ Будбергъ всегда питался китайскимъ столомъ и столовался въ китайскихъ харчевкахъ, тѣмъ не менѣе отъ недостатка питанія онъ заболѣлъ и я предложила ему столоваться у себя. Докторъ Будбергъ производилъ на меня впечатлѣніе всегда порядочнаго, честнаго человѣка, человѣка несомнѣнно благороднаго. Онъ отличался добротой, рѣдкой прямотой: онъ всегда говорилъ, что у него было въ мысляхъ. Онъ отличался чуткостью къ другимъ людямъ. Мнѣ казалось, что Будбергъ побаивался китайцевъ и скрывалъ это отъ другихъ. Этимъ объясняется его особенная снисходительность по отношенію къ китайцамъ, жившимъ у него на квартирѣ и въ домѣ, хотя они иногда и не соотвѣтствовали по своимъ нравственнымъ качествамъ. Онъ всѣмъ дѣлился со мной кромѣ политики. Въ вопросахъ политики онъ былъ со мною сдержанъ и я никогда никакихъ разговоровъ съ нимъ на эту тему не заводила, такъ какъ знала, что послѣ объявленія войны съ Германіей онъ какъ-то особенно нервничалъ и волновался. Вскорѣ послѣ объявленія войны, когда противъ Германіи выступила Японія, Будбергъ пришелъ обѣдать въ раздраженномъ состояніи и когда я его спросила, почему онъ взволнованъ, онъ сказалъ, что втянули въ войну еще одну державу и на мой отвѣтъ, что война эта начата Германіей, Будбергъ рѣзко крикнулъ мнѣ, что я ничего не понимаю и не сталъ обѣдать. Послѣ этого я уже вопросовъ политики не касалась. Съ теченіемъ времени отношенія наши улучшились. На поминальномъ обѣдѣ въ день похоронъ фельдшера Каблукова, кромѣ меня и другихъ былъ баронъ Будбергъ и Опецъ. Я скоро ушла, а баронъ остался и я слышала, что былъ какой-то инцидентъ, содержаніе котораго мнѣ разсказывала вдова Каблукова Ольга Васильевна (жит. Саманная ул. 19). Я ничего не слышала отъ Будберга о Шандерахъ и относительно военно-плѣнныхъ. Содержаніе записки Будберга мнѣ предъявлено (предъявлена записка, начинающаяся словами: „Благодарю Бога и добрыхъ людей"), совершенно мнѣ не понятна, и я ничего не могу по этому поводу объяснить. Никогда и нигдѣ Будбергъ мнѣ не говорилъ о томъ, что будто онъ оказывалъ медицинскую помощь поморoженнымъ военно-плѣннымъ.

У Будберга было много личныхъ враговъ, главнымъ образомъ въ виду того, что онъ велъ безпощадную борьбу съ опіеторговцами и морфинизмомъ. Поэтому, понятно, что послѣ объявленія войны Германіей Россіи стали ходить въ городѣ слухи, что онъ настоящій нѣмецъ, и вообще въ этомъ родѣ бранили его.

Я никогда не замѣчала, чтобы Будбергъ имѣлъ пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, либо наркотикамъ.

Относительно религіозныхъ убѣжденій Будберга я ничего опредѣленнаго сказать не могу. Будбергъ увлекался изученіемъ китайскаго языка.

Былъ ли онъ послѣдователемъ Конфуція, я не знаю, но послѣ возникъ вопросъ о крещеніи его дочери отъ китаянки, и ему предложили ее крестить по обряду христіанской церкви, онъ отказался отъ этого, заявляя, что онъ предоставляетъ свободу выбора религіи послѣ ея совершеннолѣтія. Дочь свою онъ видимо очень любитъ.

Я не замѣчала, чтобы послѣ объявленія войны Будбергъ обнаруживалъ стремленіе перемѣнить образъ своей жизни, не замѣ-

чала я, чтобы онъ чего-либо опасался или отличался замѣтной подозрительностью къ другимъ лицамъ.

Въ первое время послѣ ареста барона Будберга я доставляла ему пищу на Гауптвахту, но потомъ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, главнымъ образомъ потому, что у меня не было повара, я отказалась посылать ему пищу и онъ сталъ получать ее изъ своего дома.

Какъ странность его характера могу указать, что онъ часто въ своихъ разговорахъ самъ себѣ замѣтно противорѣчилъ и иногда совершенно отрицалъ то, что говорилъ самъ и возмущался, когда ему говорили, что онъ забылъ, что говорилъ. Онъ отличался какой-то особенной довѣрчивостью настолько наивно, что такая довѣрчивость можетъ быть сравниваема съ дѣтской довѣрчивостью. Одной изъ странностей его было замѣтное увлеченіе сыскомъ для открытія преступленія, хотя онъ объяснялъ это тѣмъ, что онъ какъ судебно-полицейскій врачъ обязанъ это дѣлать по роду своей службы. На службѣ онъ отличался рѣдкой аккуратностью и чрезвычайнымъ педантизмомъ и большимъ къ ней рвеніемъ. Вообще должна сказать, что нѣкотораго рода чудачества въ немъ проявлялись, но, помоему мнѣнію, они за предѣлы нормальной его психики не выходили. Ничего болѣе добавить не имѣю. Показаніе мнѣ прочитано. Софія Ермолаевна Антонова. И. Д. Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ М. Стразовъ.

Протоколъ допроса.

1915 года Ноября 21 дня. Слѣдователь по особо важн. дѣламъ Стразовъ допрашивалъ фельдшера Горстина, который показалъ:

Имя, отчество и фамилія: Василій Яковлевичъ Горстинъ.

Званіе: Медицинскій фельдшеръ.

Возрастъ: 35 лѣтъ. Вѣроисповѣданіе: Православный.

Занятіе: Санитарно-городовой фельдшеръ.

Мѣстожительство: При Полицейскомъ Пріемномъ покоѣ.

Судимость: Подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ и не состою.

Отношеніе къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ: Посторонній.

По дѣлу показываю: фельдшеромъ Полицейскаго пріемнаго покоя я состою лѣтъ 12. Съ докторомъ барономъ Будбергомъ я знакомъ съ 1905 года. Въ то время онъ былъ вольнопрактикующимъ врачемъ. Онъ бывалъ у проживающей у меня на квартирѣ акушерки Антоновой. Съ 1907 года онъ былъ принятъ на службу Китайской Восточной желѣзной дороги и хотя оффиціально числился въ штатѣ Врачебнаго Отдѣленія, тѣмъ не менѣе получалъ жалованіе и завѣдывалъ больницей проститутокъ на Пристани.

Въ 1912 году докторъ Будбергъ былъ назначенъ санитарно-городовымъ врачемъ, кромѣ того былъ тюремнымъ и полицейскимъ врачемъ и въ качествѣ такого завѣдывалъ полицейскимъ покоемъ. Такимъ образомъ Будбергъ сдѣлался моимъ начальникомъ. Я зналъ, что онъ нѣмецъ, довольно рачительно несъ свою службу. Кромѣ того докторъ Будбергъ очень увлекался сыскомъ по уголовнымъ дѣламъ и видимо очень заинтересованъ былъ разслѣдованіемъ злоупотребленій по опіумоторговлѣ и пресѣченію опизма и морфинизма среди китайцевъ. По этимъ вопросамъ докторъ дѣйствительно много положилъ труда и успѣлъ нажить себѣ много враговъ, какъ среди евреевъ опіеторговцевъ, такъ и среди чиновъ русской и китайской полиціи. Докторъ Будбергъ въ нынѣшнемъ году высказывалъ мнѣ, что разслѣдованіемъ объ опіумоторговцахъ имъ скомпромитированы нижніе чины жандармской полиціи мѣстнаго Управленія и Ротмистръ Андреевъ. Мнѣ приходилось переписывать доклады о злоупотребленіяхъ по опіумоторговлѣ и я дѣйствительно наблюдалъ, что онъ говорилъ о злоупотребленіяхъ по опіумоторговлѣ со стороны и чиновъ полиціи, но какъ-то затушевывалъ отрицательную дѣятельность въ борьбѣ съ опіумомъ общей полиціи, что я могу объяснить себѣ только существованіемъ прекрасныхъ отношеній между нимъ и полицеймейстеромъ города Харбина фонъ-

Арнольдомъ, который въ лицѣ доктора имѣлъ освѣдомленнаго человѣка по всѣмъ перепитіямъ опіумоторговли. Съ началомъ войны Россіи противъ Германіи и Австро-Венгріи отношеніе доктора къ интересамъ Россіи вполнѣ опредѣлилось. Докторъ въ разговорѣ мнѣ заявлялъ не разъ, что хотя онъ нѣмецъ и сочувствуетъ германскимъ интересамъ, но какъ состоящій на русской государственной службѣ вѣренъ Государю Императору и честно несетъ свои обязанности. Нерѣдко подъ вліяніемъ газетныхъ извѣстій о германскихъ звѣрствахъ на театрѣ военныхъ дѣйствій я начиналъ выражать доктору свое возмущеніе по поводу такого поведенія культурныхъ нѣмцевъ, конечно ихъ бранилъ при этомъ. Докторъ старался защищать нѣмцевъ, говорилъ, что всѣ сообщенія газетъ вымышлены нарочно, чтобы уронить германцевъ въ глазахъ русскихъ. Впрочемъ, разговоры эти всегда заканчивались благополучно и видимо докторъ ничего противъ меня не имѣлъ. Съ самаго начала войны стали въ городѣ носиться слухи, что докторъ Будбергъ германофилъ. Затѣмъ среди служащихъ дороги кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, что докторъ Будбергъ шпіонъ, что онъ участвуетъ на какихъ-то тайныхъ нѣмецкихъ собраніяхъ. Я счелъ долгомъ передать ему эти слухи и сказалъ ему, что онъ своимъ расположеніемъ къ дѣламъ сыска и непосредственнымъ въ немъ участіемъ самъ даетъ поводъ къ такимъ слухамъ. Докторъ страшно возмущался этими слухами и настаивалъ, чтобы я ему сказалъ кто является распространителемъ такихъ слуховъ, чтобы онъ имѣлъ возможность его привлечь къ отвѣтственности. Я, конечно, не могъ назвать ему сплетника, такъ какъ самъ его не зналъ. Всѣ разговоры, какъ я потомъ узналъ, Будбергъ передалъ Полицеймейстеру фонъ-Арнольду. Фонъ-Арнольдъ не можетъ быть ко мнѣ расположенъ, такъ какъ онъ однажды поссорился со мной по телефону. Приблизительно съ Мая мѣсяца нынѣшняго года, а можетъ быть нѣсколько раньше докторъ Будбергъ сталъ нервничать и не разъ высказывался, что ожидаетъ у себя обыска и что фонъ-Арнольдъ предупреждалъ его, Будберга, о возможности у него обыска. Лѣтомъ я слышалъ, что докторъ Будбергъ былъ въ Старомъ Харбинѣ у Кегеля, содержателя гостинницы „Бель-Вю", участвовалъ на какомъ-то собраніи нѣмцевъ. Я спросилъ объ этомъ Будберга и онъ, спросилъ меня, кто мнѣ это сказалъ, объяснилъ, что былъ одинъ разъ у Кегеля въ гостяхъ, скучно провелъ время, но что визита своего не скрывалъ, такъ какъ его лошади стояли у воротъ гостинницы. Вскорѣ фельдшеръ Кулешовъ сообщилъ доктору, что Кегель содержится въ тюрьмѣ. Докторъ перевелъ Кегеля въ тюремную больницу, найдя у него катарръ желудка. Кажется по сообщенію Начальника арестнаго дома Кегель Прокуроромъ Суда былъ выписанъ изъ больницы. Кажется въ Сентябрѣ мѣсяцѣ с. г. въ Полицейскомъ пріемномъ покоѣ былъ одинъ разъ американскій консулъ и еще какой-то иностранецъ. Эти лица пользовались медицинской помощью доктора Будберга. Разговоръ велся съ нимъ, Будбергомъ, не по русски. Докторъ Будбергъ никогда не говорилъ мнѣ о какомъ либо отношеніи своемъ къ военно-плѣннымъ. По поводу похищенія у доктора китайской полицейской палки я тоже ничего не знаю. Докторъ Будбергъ имѣетъ рѣчной пароходъ „Харбинъ" и три баржи: „Джун-де-хуа", названіе двухъ баржей не помню. На этихъ судахъ докторъ возитъ зерно изъ Бодунэ. Нынче дѣлами пароходства завѣдываетъ русскій подданный Шпекъ изъ нѣмцевъ, отбывавшій военную службу въ Владивостокѣ. Повидимому этимъ командиромъ докторъ доволенъ. Ранѣе командиромъ парохода былъ Шемчукъ, съ которымъ Будбергъ разошелся и кажется нынче имѣетъ тяжбу. Изъ Харбина пароходъ уходитъ въ Бодунэ почти непогруженнымъ. Ничего болѣе показать не имѣю. Показаніе мнѣ прочитано. Къ сему добавляю, что я не знаю, какой именно еврей могъ похитить полицейскую палку доктора Будберга и насколько я знаю, онъ всегда выѣзжалъ съ этой палкой для поднятія труповъ. Вообще Будбергъ былъ человѣкъ очень занятый службой и только одинъ разъ я его розыскивалъ въ теченіи цѣлаго дня и онъ мнѣ потомъ объяснилъ, что былъ занятъ сыскомъ по дѣлу объ убійствѣ семейства Элькинъ. Ничего болѣе добавить не имѣю. Прочитано. Василій Яковлевичъ Горстинъ.

Подп. И. д. Судебнаго слѣдователя по особо важн. дѣламъ М. Стразовъ.

Протоколъ

Допроса Кегеля Слѣдователемъ Стразовымъ 22-го ноября 1915 г.

Возрастъ: 51 годъ. Вѣроисповѣданіе: Лютеранинъ. Занятіе: Содержатель ресторана въ Старомъ Харбинѣ „Бель-вю".

Мѣстожительство: Въ Старомъ Харбинѣ. Судимость: Подъ судомъ и слѣдствіемъ не состою. Отношеніе къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ: Посторонній.

По дѣлу показываю: Въ 1898 году я прибылъ въ Харбинъ и служилъ капельмейстеромъ охранной стражи. Въ 1902 году я подалъ прошеніе о принятии меня въ Россійское подданство и въ 1908 году я былъ укорененъ въ Россійскомъ подданствѣ. Въ 1904 году я оставилъ службу капельмейстера и снялъ сперва въ компаніи, а затѣмъ одинъ, городской садъ въ Старомъ Харбинѣ. Въ 1905 году я передалъ аренду сада и сталъ держать ресторанъ „Бель-вю". Нѣсколько разъ я отдавалъ этотъ ресторанъ въ аренду и въ настоящее время продолжаю аренду самъ, тамъ живу. Въ нястоящее время дѣла ресторана находятся въ упадкѣ. Въ лѣтнее время ресторанъ и садъ служатъ дачнымъ мѣстомъ для публики, пріѣзжающей изъ Харбина.

Въ нынѣшнемъ году жила на дачѣ въ „Бель-вю" съ 2-го Іюля по 2-ое Августа Г-жа Лейзерманъ. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ настоящаго года дней 8 квартировалъ у меня Карлъ Михайловичъ Рапсай, больной параличемъ, который у меня же и умеръ. Садъ посѣщали случайные посѣтители. Съ Эструпомъ я познакомился въ 1913-мъ году въ Харбинѣ черезъ Новоселова. Нынче 2-го Іюля послѣ обѣда онъ пріѣхалъ въ Старый Харбинъ подъ предлогомъ повидаться и собрать свѣдѣнія о Новоселовѣ. Я зналъ его мало, даже не зналъ, что онъ Эструпъ, съ его словъ я зналъ, что онъ инженеръ, служилъ офицеромъ въ рядахъ французской арміи и былъ раненъ. Онъ засидѣлся до поздней ночи и я оставилъ его ночевать въ ресторанѣ. Эструпъ успѣлъ познакомиться съ мадамъ Лейзерманъ и утромъ 3-го Іюля, когда я спросилъ у Лейзерманъ паспортъ для прописки въ домовой книгѣ, то между прочимъ сталъ спрашивать паспортъ и у Эструпа. Онъ сказалъ, что остановился въ гостинницѣ „Модернъ" на пристани и тамъ прописанъ, что вещи его находятся въ этой гостинницѣ. Подъ разными предлогами Эструпъ оставался у меня до 11-го Іюля. Числа 5-го въ воскресенье послѣ обѣда часа въ 4 дня ко мнѣ неожиданно и въ первый разъ пріѣхалъ докторъ баронъ-Будбергъ. Не помню гдѣ я его встрѣтилъ, но прекрасно помню, что я пригласилъ его въ маленькій кабинетъ, не желая, чтобы онъ встрѣтился съ Эструпомъ. Я угостилъ доктора чашкой кофе. Будбергъ пробылъ у меня минутъ 20-ть и уѣхалъ. Визитъ его былъ совершенно для меня неожиданнымъ. Докторъ мнѣ говорилъ, что онъ пріѣхалъ посмотрѣть какъ я живу. За все время визита мы по нѣмецки вели незначительный разговоръ, содержаніе котораго я не запомнилъ. Послѣ отъѣзда доктора Будберга въ тотъ же день въ садъ пришли фонъ-дер-Роппъ, бухгалтеръ Артиллерійскаго Управленія Жолондзіовскій и контролеръ Управленія Китайской Восточной желѣзной дороги, фамиліи не помню. Я познакомилъ съ ними Эструпа и всѣ они затѣмъ ужинали вмѣстѣ. Я участія въ этой компаніи не принималъ и какой они вели разговоръ въ точности воспроизвести не могу, но слышалъ, какъ Эструпъ говорилъ, что онъ считаетъ свинствомъ со стороны Русскаго правительства не отправить до сего времени изъ Владивостока аэропланы, доставленные туда изъ Шанхая еще въ Сентябрѣ минувшаго года.

По этому поводу собесѣдники говорили много и довольно безсвязно, такъ какъ къ этому времени уже находились подъ вліяніемъ выпитаго вина. Часовъ въ 11 вечера компанія разошлась и Эструпъ остался ночевать. На другой день докторъ Будбергъ у меня не былъ. 11-го Іюля утромъ Эструпъ былъ арестованъ Начальникомъ Харбинскаго Сыскного Отдѣленія по не извѣстнымъ для меня причинамъ, а 15-го Іюля я былъ оштрафованъ по обязательному постановленію на 500 рублей за не прописку Эструпа, и такъ какъ денегъ у меня въ тотъ моментъ не было, а отсрочки для платежа мнѣ не дали, — мнѣ пришлось пойти въ тюрьму, гдѣ я просидѣлъ 3 мѣсяца. Съ 19-го Іюля я былъ переведенъ въ тюремную больницу, какъ больной катарромъ желудка и содержался тамъ 27 дней, а потомъ меня перевели въ общую

камеру. Содержась въ тюрьмѣ я имѣлъ свиданіе съ докторомъ Будбергомъ, когда онъ обходилъ камеры. Увидѣвъ меня, докторъ Будбергъ былъ очень удивленъ. Я разсказалъ ему, какъ подвелъ меня французскій инженеръ. Докторъ сказалъ, что этотъ инженеръ сидитъ въ тюрьмѣ, что онъ говорилъ съ нимъ по французски и убѣдился, что инженеръ не французъ а говоритъ съ нѣмецкимъ акцентомъ. Я сказалъ, что инженера подозрѣваю въ шпіонствѣ. Докторъ высказался, что Эструпъ аферистъ. Въ настоящее время я слышалъ, отъ кого не помню, что Эструпъ тайный агентъ жандармовъ и получаетъ отъ нихъ деньги. Больше ничего по дѣлу показать не имѣю. Показаніе мнѣ прочитано.

Рихардъ Рейнгольдовичъ Кегель.

Подп. И. Д. Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ М. Стразовъ.

Протоколъ допроса.

1915 года Октября 14 дня, въ г. Харбинѣ, я Желѣзнодорожнаго Полицейскаго Управленія Кит. Вост. ж. д. Ротмистръ Бокастовъ на основаніи ст. 1035[II] Устава Уг. Суд. (Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II изд. 1893 г.) въ присутствіи г. Прокурора Окруж. Суда А. В. Сульжикова допрашивалъ нижепоименованнаго въ качествѣ свидѣтеля, который показалъ по предъявленіи 443 ст. Уст. Уг. Судопр.

Зовутъ меня: Александръ Севріановичъ Эструпъ, отъ роду имѣю 41 годъ, реформанскаго вѣроисповѣданія; званіе мое инженеръ машино-строитель, русскій подданный, мѣщанинъ гор. Кіева, проживаю въ Шанхаѣ, бульваръ Павла Брюнера. На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: 12 Октября я былъ на вокзалѣ и увидалъ одного мнѣ хорошо извѣстнаго нѣмца, фамилія кажется Ромишевскій, я знаю, что онъ живетъ въ гостинницѣ „Грандъ-Отель“. Этотъ нѣмецъ подошелъ на вокзалѣ къ одному неизвѣстному мнѣ молодому человѣку, у котораго шея и голова была забинтована. Поговоривъ немного, они вышли изъ вокзала и пошли въ Новый Городъ. Я сталъ за ними слѣдить и видѣлъ, какъ они прошли въ домъ Американскаго Консула. Неизвѣстный забинтованный человѣкъ остался въ этомъ домѣ, а знакомый мнѣ нѣмецъ вскорѣ оттуда вышелъ. Подозрѣвая, что оставшійся человѣкъ бывшій военно-плѣнный и желая хорошенько разузнать это дѣло, я рѣшилъ пойти лично къ Американскому Консулу подъ видомъ нѣмецкаго кавалерійскаго офицера. Придя къ Консулу я назвался ему Густавомъ Ольденбургомъ, родившимся въ Штеттинѣ, сказалъ ему, что сражался въ Восточной Пруссіи, попалъ въ плѣнъ, а затѣмъ убѣжалъ и пріѣхалъ въ Харбинъ. Консулъ мнѣ отвѣтилъ: „видите, Вы должны знать, что я оффиціально не имѣю на это права, и не дай Богъ, если узнаетъ про это Русское Правительство, но я Вамъ помогу“. Затѣмъ Консулъ сообщилъ мнѣ, что въ Харбинѣ живетъ докторъ Будбергъ, который хотя и служитъ русскимъ городскимъ врачемъ, но оказываетъ большія услуги Германскому Правительству и сказалъ мнѣ чтобы я шелъ къ Будбергу и тотъ мнѣ дастъ русскій паспортъ. Консулъ прибавилъ, что съ докторомъ Будбергомъ я могу быть вполнѣ откровеннымъ и сказалъ мнѣ, что послѣ переговоровъ съ нимъ я бы опять пришелъ къ нему, а онъ тогда научитъ, какимъ путемъ можно будетъ убѣжать изъ Харбина. Консулъ мнѣ написалъ лично карандашемъ записку по французски съ адресомъ доктора Будберга и другую записку по русски съ фамиліею того же доктора, причемъ очень просилъ, чтобы я все держалъ въ большомъ секретѣ и въ случаѣ чего либо подозрительнаго записки сейчасъ же бы уничтожилъ. Такъ какъ я раньше былъ извѣстенъ доктору Будбергу, то пойти, конечно, къ нему не могъ и рѣшилъ пойти къ Вамъ, разсказать обо всемъ и просить Вашего совѣта. Послѣ переговоровъ съ Вами и имѣя съ собой паспортъ, я утромъ 13 Октября пришелъ опять къ Американскому Консулу и въ кабинетѣ у него засталъ неизвѣстнаго мнѣ американца, причемъ консулъ мнѣ сказалъ, что я могу не стѣсняться и откровенно все говорить при

немъ. Консулу я наканунѣ сказалъ, что знаю только разговаривать по французски и по нѣмецки. Консулъ обратился по англійски къ американцу и спросилъ его, что онъ про меня думаетъ, тогда американецъ началъ мнѣ задавать вопросы относительно кавалерійскаго строя и нѣсколько разъ хотѣлъ меня поймать, подсовывая мнѣ бумагу съ русской фразой. Такъ какъ я служилъ раньше во французскихъ войскахъ кавалерійскимъ офицеромъ, то на его удочку не попался, и послѣ этого американецъ сказалъ по англійски Консулу, что онъ увѣренъ въ правдивости моихъ словъ. Консулъ посмотрѣлъ мой паспортъ и сказалъ мнѣ, чтобы я опять сходилъ къ Будбергу и просилъ бы его замѣнить паспортъ, такъ, какъ въ немъ не подходятъ года къ моему возрасту. Во время этого разговора въ кабинетъ Консула вбѣжалъ одинъ служащій и сказалъ, что пріѣхалъ Французскій Консулъ. Консулъ сильно заволновался и спряталъ меня въ стоявшій тутъже въ кабинетѣ шкафъ и я тамъ находился все время пока Французскій Консулъ не ушелъ изъ кабинета. Выпустивъ меня изъ шкафа, Консулъ сильно испуганный обратился ко мнѣ съ просьбой никому ничего не разсказывать про то, что было, прибавивъ, что это повредитъ всему дѣлу. Потомъ онъ мнѣ написалъ станцію, съ которой я долженъ садиться въ поѣздъ, это станц. Шуанченпу Кит. Вост. ж. д., съ этой же станціи я долженъ буду ѣхать изъ Фудзядяна на лошадяхъ, нанятыхъ у китайцевъ. Когда я пріѣду въ Чань-чунь, то долженъ найти гостинницу „Ямато Отель", гдѣ въ 4, 6 и 7 номерахъ живутъ какіе то три нѣмца, которые мнѣ помогутъ въ дальнѣйшемъ. Консулъ прибавилъ, что въ Чань-чунѣ я буду уже въ совершенной безопасности и могу „наплевать на русскихъ". Сидѣвшій въ кабинетѣ американецъ написалъ мнѣ на двухъ листкахъ бумаги, на одномъ—названіе города „Чаньчунь", на другомъ—названіе гостинницы „Ямато-Отель". Написано было по англійски. Консулъ мнѣ далъ 15 руб. денегъ и я расписался въ двухъ экземплярахъ: „Густавъ Ольденбургъ, ротмистръ 4-го Кирасирскаго полка изъ Штеттина".

Консулъ мнѣ разсказалъ, что Будбергъ отправляетъ часто нѣмецкихъ офицеровъ въ китайскомъ платьѣ на своемъ пароходѣ до города Бодунэ, а оттуда они слѣдуютъ до Мукдена. Офицеры же, знающіе русскій языкъ, отправляются съ подложными паспортами прямо по желѣзной дорогѣ. Консулъ мнѣ сказалъ, что на дняхъ такимъ образомъ были отправлены четыре офицера. Консулъ кромѣ того мнѣ говорилъ, что на послѣдней Забайкальской станціи передъ Маньчжуріей находятся евреи, агентъ по провозу плѣнныхъ, говорилъ онъ мнѣ и фамилію, но я никакъ не могу ее вспомнить, — помню только, что начинается она на букву: К. Этотъ еврей встрѣчаетъ бѣжавшихъ плѣнныхъ, снабжаетъ ихъ паспортами и вмѣстѣ съ ними слѣдуетъ до Маньчжуріи. Американецъ бывшій у Консула написалъ мнѣ на бумагѣ по англійски имя и фамилію еврея, который перевозитъ плѣнныхъ черезъ станцію Маньчжурія, а именно: Мойсей Львовъ Карпаносовъ.

Показаніе съ моихъ словъ написано на пишущей машинѣ вѣрно и мнѣ прочитано. Готовъ подтвердить его на судѣ подъ присягою. Подписи: Александръ Севріановичъ Эструпъ, ротмистръ Бокастовъ. Прокуроръ Суда Сульжиковъ. Дополнительно на предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю: Представляю къ дознанію шесть записокъ, полученныхъ мною въ Американскомъ Консульствѣ. Изъ нихъ написаны самимъ Консуломъ въ моемъ присутствіи въ первое посѣщеніе, а именно: 1. Д-ръ Будбергъ и 2. La ville chinoise и т. д. Эти обѣ записки Консулъ написалъ на отрывныхъ листахъ блокнота, лежавшаго у него на письменномъ столѣ въ его кабинетѣ. На другой день я получилъ четыре записки. Изъ нихъ три, а именно: "Yamato Hotel". Moirei Lvow Karpanosoff" и "Chan Trchun" написаны были на отрывныхъ листкахъ того же блокнота въ моемъ присутствіи тѣмъ американцемъ, который меня разспрашивалъ. Послѣдняя записка, четвертая, была написана въ другой комнатѣ, куда входилъ Консулъ. Оттуда онъ мнѣ ее и вынесъ. Кто ее писалъ, самъ ли Консулъ, или кто либо другой, я не знаю. Когда Консулъ мнѣ ее передалъ, я обратилъ вниманіе, что она написана по англійски, а именно "Shuan Tchenpu". Я нарочно сталъ читатъ ее, какъ нѣмецъ, почему вмѣсто „Шуанченпу" прочелъ „Згуантхенпу". Тогда Американскій Консулъ взялъ у меня записку и вставилъ въ нее буквы „с" и „Y", а также исправилъ послѣднюю

букву, а именно „у“ на „ “ и такимъ образомъ написалъ тоже слово нѣмецкимъ начертаніемъ.

Объясняю, что фамилію д-ра Будберга написалъ мнѣ по русски по моей просьбѣ, такъ какъ я сказалъ ему, что мнѣ трудно будетъ розыскать его адресъ, предъявляя записки на французскомъ языкѣ.

Во время пребыванія моего въ шкафу, я слышалъ дословно весь разговоръ Американскаго Консула съ Французскимъ. Разговоръ велся на англійскомъ языкѣ, который понимаю, въ теченіи приблизительно десяти минутъ. Рѣчь шла о контрактѣ на какой-то домъ, при чемъ оба Консула повидимому читали какія то бумаги. Объясняю, что Французскій Консулъ былъ въ Американскомъ Консульствѣ вчера 13 Октября между 11 и 12 часами дня. Передъ появленіемъ Французскаго Консула, Американскій Консулъ, сильно взволнованный и блѣдный сказалъ: „Ахъ, что мнѣ съ вами дѣлать, скорѣе уходите, придите минутъ черезъ 15. Я на это отвѣтилъ, что будто бы Французскій Консулъ знаетъ меня въ лицо. Тогда Американскій Консулъ спряталъ меня въ шкафъ. Въ шкафу этомъ, насколько я замѣтилъ одно отдѣленіе занято полками съ книгами, другое же свободно, и въ немъ я сидѣлъ на корточкахъ.

Еще добавляю, что Консулъ волновался и останавливалъ меня если я начиналъ говорить по нѣмецки. Онъ предупреждалъ меня не дѣлать этого, такъ какъ у него въ домѣ француженка гувернантка, которая можетъ услышать нѣмецкую рѣчь и онъ можетъ потомъ получить крупную непріятность. Относительно записокъ, полученныхъ отъ него, Консулъ настойчиво требовалъ, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не попались въ руки русскихъ властей и убѣдительно просилъ меня въ случаѣ задержанія моего проглотить ихъ или изорвать. Больше объяснить ничего не имѣю. Показаніе съ моихъ словъ записано вѣрно и мнѣ прочитано. Показалъ все по чистой совѣсти, ничего не утаиваю и не прибавляю. Готовъ подтвердить свои слова подъ присягой. Бывшій датскій подданный, нынѣ вѣрноподданный Его Императорскаго Величества, Государя Россійскаго Александръ Севріановичъ Эструпъ. Ротмистръ Бокастовъ. Прокуроръ Суда Сульжиковъ.

Весь этотъ допросъ возмутительнѣйшая комедія. Преступники, лучше всѣхъ оріентированные въ моей жизни, допрашиваютъ преступника на быстро инсценированной сценѣ. Они такъ растерялись, что въ этомъ протоколѣ запутали безвыходно не только Эструпа, но и самихъ себя.

Эструпъ встрѣтилъ у Мозера другого американца, оказавшимся Мартономъ въ послѣдствіи Американскій Вице-Консулъ, говорящій по англійски и превосходно по русски, но не по нѣмецки и не по французски, который подвергаетъ Эструпа подробному экзамену, на какомъ же языкѣ спрашивается? Мозеръ предупреждаетъ Эструпа, что у него гувернантка француженка, видно экзаменуемый и экзаменующій не оріентированы, что Мозеръ не имѣетъ дѣтей и ни какой гувернантки, жена его въ это время въ Америкѣ. Въ кабинетѣ Мозера никакого шкафа не имѣется, также нѣтъ шкафа въ канцеляріи, черезъ которую изъ передней въ кабинетъ Мозера имѣется ходъ, въ кабинетѣ находятся низкія тумбочки со стеклянными дверьми, въ нихъ помѣщается библіотека, нигдѣ нѣтъ никакого мѣста гдѣ можно бы было запрятать хотя бы ребенка, не говоря объ Эструпѣ, который былъ очень большого роста.

---

28 и 29 октября Эструпъ допрашивается Слѣдователемъ по особо-важнымъ дѣламъ Иркутскаго Окружного Суда Стразовымъ, который ведетъ все слѣдствіе.

Эструпъ показалъ: Александръ Северіановичъ Эструпъ, мѣщанинъ гор. Кіева, 41 г., вѣроисповѣданіе: кальвинистъ-реформатъ; занятіе: инженеръ-техникъ по диплому Сенсирскаго инженернаго училища. До послѣдняго времени жилъ въ Шанхаѣ ул. Поль Горгоноръ № 311, теперь въ Харбинѣ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ и не состою; степень образованія: Окончилъ Сенсирское инженерно-техни-

ческое училище во Франціи, отношеніе къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ; посторонній. По дѣлу показываю: Я родился въ г. Бордо во Франціи. Отецъ мой былъ датскій подданный, мать Французская гражданка.

Учился я сперва въ военной школѣ, потомъ окончилъ Сенсирское Инженерное училище съ званіемъ инженера техника. Первый разъ я былъ въ Россіи во время пріѣзда покойнаго Президента французской Республики Феликса Фора въ 1900 году, когда онъ пріѣзжалъ на яхтѣ „Формидабля". Россія мнѣ понравилась и осенью того-же года я остался въ Россіи и въ Кіевѣ получилъ мѣсто служащаго въ конторѣ фирмы „Посредникъ". Тамъ же въ Кіевѣ я женился на Натальѣ Александровнѣ Антроповой. Спустя два года я переѣхалъ съ женой и двумя дѣтьми въ Воронежъ на службу фирмы „Столь и К-о". Тамъ жена меня бросила и уѣхала въ Ригу съ нѣмцемъ изъ Боваріи Рейхенбергомъ. Тогда я оставилъ Россію, вернулся въ Парижъ, гдѣ пробылъ больше полгода, а потомъ отправился въ Германію на знаменитый заводъ „Аугсбургъ и Нюренбергъ" для пополненія своего технического образованія и тамъ устроился въ дизельскомъ отдѣленіи. Въ 1907 году, я перешелъ въ русское подданство и приписался въ кіевскіе мѣщане. Въ 1909 году я снова вернулся въ Россію и получилъ мѣсто въ Омскомъ отдѣленіи фирмы „Столь и К-о", гдѣ познакомился съ Улитой Александровной Кушаковой и съ нею сошелся. Въ 1911 году я съ Кушаковой отправился въ Шанхай и тамъ мнѣ удалось служить на электрическомъ заводѣ „Электро", а когда дѣла этого завода пошатнулись, я долженъ былъ уйти. Тамъ я обратился за содѣйствіемъ къ Русскому Консулу въ Шанхаѣ надѣясь получить черезъ него для себя мѣсто, но Консулъ г. Гроссе для меня ничего не сдѣлалъ. Незадолго до начала происходящей нынѣ войны между Россіей, Германіей и Австріей я случайно познакомился въ Шанхаѣ съ бухгалтеромъ русской фирмы въ Шанхаѣ „Коншинъ въ Серпуховѣ" нѣмцемъ, который имѣлъ довѣренность отъ довѣреннаго фирмы Геймана, фамиліи этого нѣмца не помню. Онъ между прочимъ мнѣ говорилъ, что скоро начнется война между Россіей и Германіей и что онъ, пользуясь довѣреніемъ фирмы, получилъ изъ кассы 3800 рублей денегъ и съ ними собирается уѣхать въ Германію, чтобы сражаться въ рядахъ дѣйствующей противъ Россіи германской арміи. Возмущенный такимъ поступкомъ нѣмца, я сказалъ объ этомъ въ контору „Коншинъ въ Серпуховѣ". Когда явился довѣренный фирмы Гейманъ, онъ принялъ меня на службу въ качествѣ бухгалтера. Вскорѣ послѣ начала войны вызвалъ Геймана по телефону Консулъ Гроссе и спросилъ о моемъ подданствѣ, Гейманъ сказалъ, что я русскій подданный, но просилъ меня явить ему мои документы. Я предъявилъ ему свою безсрочную паспортную книжку, выданную на мое имя (свидѣтель предъявилъ безсрочную паспортную книжку за № 4708, выданную Кіевскому мѣщанину Александру Северіановичу Эструпу 13 ноября 1907 года), мои документы о прежней службѣ и Гейманъ пошелъ съ ними къ Консулу. Возвратившись отъ Консула, Гейманъ мнѣ сказалъ, что Консулъ ко мнѣ не расположенъ и я долженъ уйти. Я просилъ Консула оставить меня, но Консулъ все же настоялъ на оставленіе мною мѣста и я потерялъ службу. Не зная, чѣмъ собственно объяснить такое странное отношеніе Консула Гроссе, и сталъ собирать свѣдѣнія о его службѣ въ Шанхаѣ и узналъ, что онъ германофилъ, чрезвычайно расположенъ къ германцамъ, хорошо къ нимъ относится, вездѣ старается быть съ ними въ обществѣ, говоритъ по нѣмецки. Такъ, онъ часто бываетъ на постройкѣ вновь воздвигаемаго противъ помѣщенія Германскаго Консульства зданія Русскаго Консульства. Тамъ онъ видится съ чинами германскаго Консульства и военнымъ германскимъ агентомъ Юргенсомъ, часто и подолгу съ ними гуляетъ въ саду. Консулъ Гроссе знакомъ и съ проживающимъ въ Шанхаѣ турецкимъ подданнымъ евреемъ Эттингеромъ, о которомъ извѣстно, что онъ является шпіономъ Россіи въ пользу Германіи. Я конечно, не стану утверждать, что Консулъ Гроссе знаетъ о его шпіонской дѣятельности, но видитъ, что онъ всегда пребываетъ въ Германскомъ Консульствѣ. Слѣдующій случай окончательно возстановилъ противъ меня Консула г. Гроссе. Однажды предпринимателями, которые пріѣхали въ Шанхай при содѣйствіи Консула Гроссе заказать для нуждъ русской арміи 1.000.000 паръ сапогъ. По ихъ

словамъ Консулъ Гроссе отказался указать кого-либо полезнаго въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ пришлось ихъ познакомить съ китайскими и японскими сапожниками и они имѣли возможность заказать сапогъ вдвое болѣе и заказъ этотъ уже исполненъ и сданъ во Владивостокѣ. Послѣ объявленія войны Консулъ Гроссе не позаботился принять мѣры противъ уклоняющихся отъ воинской повинности, которые цѣлыми толпами стали пребывать въ Шанхай на пароходахъ. Напротивъ онъ оказывалъ широкое покровительство и поддержку бѣжавшимъ изъ Россіи отъ воинской повинности. Такъ, одному еврею булочнику, жительствующему въ Шанхаѣ по Бонродъ, фамилію я уже не помню (сейчасъ живетъ по Бонродъ), далъ 400 долларовъ. Когда Консулъ Гроссе узналъ, что я собираю компрометирующіе его факты, онъ черезъ своего протежируемаго русскаго подданнаго Эглитъ добился, чтобы противъ моей сожительницы Кушаковой была подана письменная жалоба съ обвиненіемъ въ хищеніи у какого то Воробьева 145 долларовъ. Впрочемъ Консулъ Гроссе постѣснялся вынести ей обвинительный приговоръ и мы оба принуждены были оставить Шанхай. Въ первыхъ числахъ Іюня 1915 года я и Кушакова прибыли въ Владивостокъ, куда я имѣлъ интересное порученіе. Еще въ минувшемъ году въ Шанхаѣ у своего квартирохозяина очень богатаго китайца я познакомился съ китайцемъ, хорошо говорящимъ на французскомъ языкѣ, котораго хозяинъ мнѣ назвалъ секретаремъ Президента Китайской Республики Юаньшикая. Я нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ и вотъ незадолго передъ поѣздкой во Владивостокъ этотъ секретарь Юаньшикая предложилъ купить у него хозяйственнымъ способомъ 278.000 винтовокъ системы Маузера, приблизительно на каждую по 2.800 патроновъ, много гаубицъ, пушекъ, сколько именно, я сейчасъ уже не помню, но секретарь собственноручно по французски записалъ ихъ число на особую бумажку, мы выработали затѣмъ особый „кодъ“ для письменныхъ секретныхъ сношеній, гдѣ ружья скрывались подъ словомъ „бобы“. Я согласился порученіе это увезти во Владивостокъ военнымъ властямъ. По прибытіи во Владивостокъ, я и розыскалъ знакомаго мнѣ шоффера Верховыхъ и черезъ него познакомился съ крѣпостнымъ офицеромъ и ему передалъ порученіе секретаря Юаньшикая. Онъ на другой день видѣлся со мною въ гостинницѣ „Золотой Рогъ“, гдѣ съ нимъ были еще два интендантскихъ чиновника. Рѣшено было, что я провѣряю серьезность предложенія въ Пекинѣ, зная годъ выпуска, калибръ орудій и оружія, а также и то обстоятельство, не пожелаетъ ли Китай подвозить оружіе къ пункту, близко расположенному къ границѣ. Вечеромъ того же дня ко мнѣ въ гостинницу „Кіевъ“ явился какой-то еврей Адольфъ Мейеровъ Удлеръ и сказалъ мнѣ, что я не такъ начинаю дѣло, что нужно на немъ нажить деньги и далъ мнѣ замѣтку, какъ именно вести дѣло. Тогда я рѣшилъ кратчайшимъ путемъ, т. е. черезъ Чань-чунь, Мукденъ проѣхать въ Пекинъ къ секретарю Юаньшикая. По дорогѣ я остановился въ Харбинѣ, съ которымъ знакомъ былъ ранѣе. Остановился я въ гостинницѣ „Русь“ на Пристани. Вечеромъ я пошелъ въ городской садъ и тамъ совершенно случайно встрѣтилъ знакомаго мнѣ ранѣе содержателя гостинницы „Бель-вю“ въ Старомъ Харбинѣ нѣмца Кегеля. На мои удивленные разспросы, почему онъ остался здѣсь, Кегель мнѣ сказалъ, что русскіе „большіе дураки“, что онъ принялъ подданство россійское и его оставили. Онъ конечно, издѣвался надъ Россіей, радовался успѣху нѣмцевъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, злорадствовалъ надъ неудачами русскихъ. Я сдѣлалъ видъ, что не люблю русскихъ. Мы поужинали и на другой день Кегель попросилъ переѣхать къ нему въ „Бель-вю“. Я переѣхалъ, но вещи все же оставилъ въ „Руси“. Числа 7—8 іюня въ Бель-вю на парѣ бѣлыхъ лошадей пріѣзжалъ докторъ Будбергъ. Я и Кегель какъ разъ обѣдали. Будбергъ любезно поздоровался съ Кегелемъ. Потомъ оба вышли въ корридоръ, что-то заговорили по нѣмецки и до меня только долетѣли слова Кегеля: „Ничего, хотя онъ и французъ, но больше нѣмецъ“. Кегель представилъ меня Будбергу, потомъ оба ушли въ садъ и что-то около полутора часовъ говорили по секрету между собой, а когда я хотѣлъ что-нибудь подслушать, они перевели разговоръ на погоду. Послѣ разговора Будбергъ уѣхалъ, а я пытался навести Кегеля на разговоръ о посѣщеніи доктора, но Кегель мнѣ ничего не сказалъ. Кажется, на дру-

гой день къ Кегелю пришли три нѣмца, изъ которыхъ одинъ одѣтъ былъ въ форму желѣзнодорожнаго служащаго. Кегель меня съ ними познакомилъ и мы пили вмѣстѣ въ саду „Бель-вю" водку. Во время разговора я между прочимъ сказалъ, что во Владивостокѣ лежитъ много снарядовъ и аммуниціи, присланной туда изъ Китая еще въ декабрѣ 1914 г. и въ январѣ и февралѣ 1915 года. На это нѣмцы со смѣхомъ мнѣ сказали, что въ Россіи всегда такъ: „не подмажешь, не поѣдешь", что нѣмцы „не дураки", знаютъ какъ сдѣлать, чтобы русскимъ было плохо. На слова мои, что вѣдь Россія не можетъ быть разбита, они сказали „и еще какъ будетъ бита". Потомъ одѣтый въ форму желѣзнодорожника всталъ, отозвалъ Кегеля въ садъ и тамъ они что то говорили. Я видѣлъ, что Кегель выдалъ желѣзнодорожнику деньги. На другой день часа въ 3 и 4 дня къ Кегелю опять пріѣзжалъ докторъ Будбергъ, вызвалъ Кегеля въ садъ, поговорилъ съ нимъ минутъ 15—20 и уѣхалъ. Я замѣтилъ, что Будбергъ со мною былъ сухъ, а Кегель послѣ его визита казался чѣмъ-то озабоченъ. На мои слова, зачѣмъ пріѣзжалъ докторъ, онъ ничего не сказалъ. На другой день утромъ явился Начальникъ Харбинскаго сыскного отдѣленія и произвелъ у меня обыскъ, во время котораго обнаружилъ у меня переписку, касающуюся порученія секретаря Юаньшикая по поводу оружія. 1) Телеграмму, которую я посылалъ Верховыхъ во Владивостокъ, чтобы перевелъ деньги. 2) Замѣтку Удлера, что нужно сдѣлать въ Пекинѣ. 3) Отпускъ телеграммы по французски Синатенсъ въ Шанхай 4 „код" (документы свидѣтелю предъявлены) я тотчасъ же показалъ Начальнику Сыскного Отдѣленія по поводу оружія, но онъ не повѣрилъ моему объясненію и посадилъ меня въ Харбинскій арестный домъ, гдѣ я пробылъ около трехъ мѣсяцевъ. Прежде всего я сидѣлъ въ камерѣ № 4-ый. Въ этой камерѣ между прочимъ сидѣлъ Агасферъ — нѣмецъ, который ужасно возмущался, что его германскаго подданнаго заключили въ тюрьму въ нейтральной странѣ. Затѣмъ Агасферъ содержался подъ фамиліей Роговичъ. Я знаю его по Шанхаю, гдѣ онъ часто посѣщалъ Германскаго Консула и работалъ по шпіонству въ интересахъ Германіи. Мнѣ же онъ объяснилъ, что прибылъ въ Харбинъ, чтобы демонстрировать какое-то изобрѣтеніе изъ опилокъ дѣлать паркетъ. Въ началѣ Декабря, когда всѣ справки были собраны, я былъ освобожденъ изъ тюрьмы. Будучи заинтересованъ появленіемъ Агасфера я рѣшилъ за нимъ понаблюдать. Числа 12 октября я видѣлъ, что Агасферъ съ какимъ то человѣкомъ съ вокзала пошли въ городъ. Я пошелъ слѣдомъ за ними и увидѣлъ, что они оба вошли къ Американскому Консулу. Выждавъ когда Агасферъ вышелъ отъ Консула обратно, я нѣсколько опередилъ его у сквера, расположеннаго у вокзала и пошелъ какъ бы ему на встрѣчу. Сдѣлавъ видъ, что очень радъ его видѣть, я пригласилъ его выпить, зная что онъ любитъ выпить. Онъ позвалъ меня съ собою и мы отправились на Пристань въ какой-то ресторанъ на Участковой улицѣ, откуда поѣхали на Китайскую улицу д. № 44 къ Берковичу.

Тамъ Агасферъ послалъ какую то телеграмму. Желая ознакомиться съ дѣятельностью Американскаго Консула, я вечеромъ того же дня рискнулъ пойти къ нему. Часовъ около 6-ти позвонилъ въ квартиру Консула. Консулъ вышелъ ко мнѣ въ переднюю. Я сказалъ ему по нѣмецки, что я лейтенантъ III полка черныхъ гусаръ Густавъ Ольденбургъ. Услыхавъ нѣмецкую рѣчь, Консулъ сказалъ: „тише". Потомъ провелъ меня въ свой кабинетъ, предварительно убѣдившись, что въ немъ никого нѣтъ. Тамъ по французски я повторилъ ему, что я бѣжавшій изъ русскаго плѣна изъ мѣстности Песчанки близъ Читы, германскій офицеръ Густавъ Ольденбургъ, сражался въ Восточной Пруссіи, былъ взятъ въ плѣнъ и бѣжалъ, полагая, что въ Маньчжуріи я буду уже въ безопасности. Окончивъ свой разсказъ, я просилъ, чтобы Консулъ мнѣ помогъ бѣжать въ Китай. Консулъ мнѣ объяснилъ, что онъ офиціально помощи для побѣга оказать не можетъ, прибавивъ: „Не дай Богъ, если про это узнаетъ Русское Правительство". Консулъ мнѣ пояснилъ, что мнѣ не слѣдовало ѣхать въ Харбинъ, что я могъ бы со станціи Маньчжуріи уѣхать въ Китай на лошадяхъ. Тѣмъ не менѣе Консулъ обѣщалъ мнѣ помочь. Онъ спросилъ меня, есть ли у меня русскій паспортъ, я сказалъ, что паспорта не имѣю. Тогда Консулъ мнѣ сказалъ, что въ городѣ Харбинѣ есть русскій врачъ докторъ Будбергъ, который однако очень приверженъ Герман-

скому Правительству и часто оказывалъ ему важныя услуги, что многіе военноплѣнные благодаря его содѣйствію перешли границу по подложнымъ паспортамъ, что именно Будбергъ можетъ мнѣ указать самый лучшій и безопасный путь, что я долженъ за этимъ сейчасъ же пойти къ д-ру Будбергу, а завтра утромъ явиться къ нему. Я сказалъ, что не знаю адреса доктора Будберга и не сумѣю его найти. Тогда Американскій Консулъ на двухъ листкахъ лежащаго на его столѣ блокънота своей рукой написалъ слѣдующіе замѣтки: 1) по русски „д-ръ Будбергъ“, 2) по французски: „Ла виль шинуазъ фу джатинъ“, „Ла виль віейл Пристань“, „Ле номъ е д-ръ Будбергъ“ (записки предъявлены). Получивъ записки Консула, я пошелъ отъ него, не зная, что мнѣ дѣлать далѣе. Тогда я рѣшилъ обо всѣмъ изложенномъ сообщить въ мѣстное Жандармское Управленіе. Заявленіе отъ меня принялъ ротмистръ Бокастовъ, которому я все разсказалъ. Онъ мнѣ посовѣтовалъ явиться на другой день снова къ Американскому Консулу съ безсрочнымъ паспортомъ. Я пришелъ къ Консулу въ назначенный часъ и сказалъ, что былъ у Будберга, сказалъ, что видѣлъ его въ китайскомъ халатѣ и будто-бы видѣлъ его жену китаянку. Повидимому Консулъ повѣрилъ мнѣ. Онъ позвалъ своего помощника и при немъ просилъ меня говорить откровенно. Его помощникъ сталъ по нѣмецки задавать мнѣ вопросы о строѣ нѣмецкой кавалеріи и такъ какъ я во Франціи тоже отбывалъ воинскую повинность въ кавалеріи, то экзаменъ этотъ выдержалъ, послѣ чего помощникъ Консула сказалъ по англійски: „я, я вѣрю ему“. Консулъ спросилъ меня, далъ ли мнѣ Будбергъ паспортъ. Я предъявилъ ему бывшій со мною паспортъ и сказалъ, что получилъ его отъ Будберга. Консулъ и помощникъ посмотрѣли паспортъ и нашли его въ порядкѣ, причемъ Консулъ сказалъ, что хорошо, что въ немъ много полицейскихъ визъ, но что года слѣдуетъ исправить или по крайней мѣрѣ притвориться спящимъ, когда буду проѣзжать пропускной пунктъ; чтобы жандармъ не разглядѣлъ. Потомъ Консулъ спросилъ меня, кто мнѣ помогъ пробраться въ Харбинъ. Я наудачу описалъ примѣты и сказалъ, что мнѣ помогъ бѣжать какой то еврей. Консулъ спросилъ меня фамилію, но я сказалъ, что фамилію не запомнилъ. Помощникъ консула тогда спросилъ меня не Моисей ли Львовъ Карпаносовъ и написалъ мнѣ фамилію на клочкѣ блок-нота (предъявлена свидѣтелю). Консулъ спросилъ меня уничтожилъ ли я выданныя мнѣ записки и при этомъ сказалъ, что очень проситъ меня, чтобы я не выдалъ его и что если бы попался полиціи, то чтобы о немъ ничего не говорилъ. Я успокоилъ его, что прежнія записки уничтожилъ, Консулъ потомъ мнѣ объяснилъ, что я долженъ ѣхать изъ Фудзядяна на лошадяхъ въ Шуанченпу, потомъ приказалъ помощнику записать названіе этихъ мѣстъ и тотъ принесъ мнѣ два клочка бумаги, на которыхъ было написано, если читать по нѣмецки „Суанхенни“. Я такъ и прочелъ, тогда Консулъ своей рукой вставилъ букву „с“ и „st“ и исправилъ букву „з“ на „и“. Консулъ далѣе мнѣ разъяснилъ, что со станціи Шуанченпу я могу поѣхать на поѣздѣ до Чань-Чуня и тамъ остановиться въ гостинницѣ „Ямато-Отель“, названіе которой написалъ его помощникъ (замѣтка предъявлена свидѣтелю) на клочкѣ бумаги. Послѣ этого Консулъ о чемъ то на англійскомъ языкѣ посовѣтовался съ помощникомъ и сказалъ, что въ № 4, 6 и 7 „Ямато-Отеля“ проживаютъ нѣмцы, которые мнѣ сдѣлаютъ все остальное, чтобы я могъ добраться до германскихъ властей. При этомъ Консулъ сказалъ мнѣ, что въ Чань-Чунѣ я могу открыто телеграфировать германскому Консулу о своемъ прибытіи. Потомъ Консулъ выдалъ мнѣ 15 рублей и я выдалъ Консулу расписки на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ удостовѣрялъ за подписью лейтенанта Густава Ольденбурга, что я получилъ отъ американскаго Консула для проѣзда въ Чань-Чунь деньги. Консулъ мнѣ пояснилъ, что одну расписку онъ оставляетъ у себя, другую оставляетъ германскимъ властямъ, которые ему возмѣщаютъ расходы. Консулъ просилъ меня взявъ честное слово никому ни чего не разсказывать, даже если бы мнѣ пришлось подвергнуться пыткамъ отъ русской полиціи, дабы не испортить дѣла другимъ товарищамъ. Я конечно обѣщалъ все это и сказалъ, что у меня есть револьверъ. Какъ разъ въ это время слуга доложилъ о прибытіи Французскаго Консула. Американскій Консулъ страшно взволновался, буквально не зналъ, куда меня спрятать. Наконецъ онъ помѣстилъ меня въ нижнюю часть шкафа, сто-

ящаго въ его кабинетѣ, гдѣ и провелъ нѣсколько минутъ. Я слышалъ какъ въ кабинетъ вошелъ Ромеро поздоровался по англійски. Затѣмъ видимо читалъ ему какой то документъ, потомъ я слышалъ, какъ Американскій Консулъ сказалъ: „да, такъ“ и пригласилъ Ромеро въ свою квартиру. Служащій Консула освободилъ меня изъ шкафа, посовѣтывалъ мнѣ поднять воротникъ и скорѣе уходить. Я подробно о всемъ этомъ разсказалъ ротмистру Бокастову и передалъ ему всѣ записки, полученныя отъ Консула и его служащаго. Потомъ я рѣшилъ до конца продѣлать все дѣло. Прибывъ въ Чань-чунь, я остановился въ „Ямато-Отель“ и тотчасъ же не взирая на глубокую ночь, спросилъ слугу, могу ли послать телеграмму (текстъ я воспроизвожу по черновику и на память): Мы бѣжали при содѣйствіи Американскаго Консула, прибыли сюда и просимъ выслать намъ 60 іенъ. Густавъ Ольденбургъ, лейтенантъ. (Предъявленъ черновикъ телеграммы). Телеграмму я отправилъ съ лакеемъ на телеграфъ. Почти тотчасъ же въ двери моего номера постучали. Вошедшій затѣмъ человѣкъ назвалъ себя Шейнинымъ и сказалъ мнѣ по нѣмецки, что я наконецъ въ полной безопасности. Я сдѣлалъ видъ, что не довѣряю. Вскорѣ пришелъ нѣмецъ, одѣтый въ охотничью тужурку, по выправкѣ военный. Онъ назвался генераломъ Папенгеймомъ. Я вытянулся въ струнку. Онъ спросилъ меня: „Вашъ полкъ?“. Я отвѣтилъ: 4-й Броуншвейгскій гусарскій полкъ 3-й эскадронъ. „Чинъ?“ спросилъ генералъ. „Резервный лейтенантъ“, отвѣтилъ я. „Гдѣ попали въ плѣнъ?“ снова спросилъ Папенгеймъ „При отступленіи передъ Мемелемъ“, сказалъ я. „Куда эвакуировались?“ спросилъ онъ. „На Песчанку“ сказалъ я. „Почему бѣжали?“ спросилъ Папенгеймъ. „Хочу быть полезнымъ отечеству“. При этихъ словахъ Папенгеймъ мнѣ подалъ руку, попросилъ сѣсть и предложилъ сигару. Потомъ попрощался со мной и я уснулъ. Утромъ слѣдующаго дня я сошелъ въ ресторанъ и заказалъ себѣ какао. Вскорѣ туда пришелъ Папенгеймъ и съ нимъ нѣмецъ, котораго онъ назвалъ Брумбергомъ, видно тоже военный. Съ ними былъ Шейнинъ. Въ сопровожденіи ихъ я пошелъ изъ „Ямато-Отеля“ по направленію къ китайскому городу. Папенгеймъ сказалъ, что я долженъ буду ѣхать въ Мукденъ съ экстреннымъ поѣздомъ и сказалъ, чтобы Брумбергъ куда то отправился. Брумбергъ ушелъ. Папенгеймъ мнѣ сказалъ, что дальнѣйшія указанія онъ дастъ мнѣ дорогой. Когда возвращались къ отелю, Папенгеймъ посовѣтовалъ мнѣ нѣсколько пріотстать, что я и сдѣлалъ и возпользовался своей свободой, чтобы предупредить русскаго жандарма отправить телеграмму ротмистру Бокастову о появленіи Папенгейма и Шейнина, а также Брумберга. Когда же я возвратился обратно, то Папенгеймъ и Шейнинъ были въ обществѣ неизвѣстнаго мнѣ человѣка. Папенгеймъ мнѣ сдѣлалъ замѣчаніе, что я ужъ слишкомъ остороженъ. Знакомя меня съ неизвѣстнымъ, Папенгеймъ назвалъ его лейтенантомъ Кальбекомъ и тотъ мнѣ далъ свою визитную карточку (предъявлена свидѣтелемъ для пріобщенія къ слѣдствію). Папенгеймъ куда то ушелъ и мы остались трое. Кальбекъ сказалъ, что нынче съ экспресомъ изъ Харбина въ Чань-чунь должны прибыть двѣ дамы изъ Германіи по шведскимъ паспортамъ и привести съ собою пироксилинъ и что они пріѣзжаютъ изъ Германіи не въ первый разъ. Мы возвратились въ „Ямато“. Когда сѣли обѣдать, Шейнинъ о чемъ то предупредилъ Папенгейма. Папенгеймъ сказалъ, что японцы имѣли разговоръ обо мнѣ и совѣтовалъ мнѣ пойти на вокзалъ, что я и сдѣлалъ. Часъ спустя туда явился Папенгеймъ и Кальбекъ. Папенгеймъ предупредилъ меня, чтобы я не ходилъ въ Отель, что счетъ мой онъ оплатилъ. Послѣ этого Папенгеймъ и Кальбекъ вернулись въ Отель и назадъ на вокзалъ явились съ вещами. Кальбекъ возвратилъ мнѣ счетъ и телеграфную квитанцію (предъявлена свидѣтелемъ для пріобщенія къ дознанію). Кальбекъ купилъ мнѣ билетъ и указалъ въ вагонѣ мнѣ мѣсто. Когда изъ Харбина прибылъ экспресъ, Папенгеймъ и Кальбекъ встрѣтили очень галантно одѣтыхъ двухъ дамъ. Чтобы въ дѣйствительности не уѣхать, я вышелъ изъ поѣзда и умышленно отошелъ отъ него подальше. Передъ самымъ отходомъ поѣзда Папенгеймъ вышелъ на площадку вагона и крикнулъ мнѣ: „Садитесь“. Я сдѣлалъ видъ, что очень спѣшу, а затѣмъ, чтобы показать, что я повредилъ себѣ ногу, я упалъ на путяхъ, поднялся и потащился. Поѣздъ же съ Папенгеймомъ, Кальбекомъ и двумя дамами въ это время отошелъ. Кое-какъ добравшись до станціи я здѣсь продолжалъ

разыгрывать роль вывихнувшаго ногу. Около полутора часовъ я пробылъ на станціи, растирая здоровую ногу. Ко мнѣ съ участіемъ подходилъ японскій жандармъ. Наконецъ ко мнѣ подошелъ небольшого роста человѣкъ, назвавшійся Килемъ. Онъ предъявилъ мнѣ телеграмму, въ которой значилось: „Идите на станцію встрѣчайте господина (были указаны мои примѣты) и окажите ему всякое содѣйствіе". Я по приглашенію отправился къ Килю въ его квартиру. Киль накормилъ меня обѣдомъ, сходилъ на вокзалъ и купилъ мнѣ билетъ за № 3677 отъ ст. Чань-чунь до ст. Фенч-Тенъ (Свидѣтель предъявилъ билетъ для слѣдствія) и сказалъ, что онъ нѣсколько разъ уже послѣ войны бывалъ на Китайской дорогѣ съ разрѣшенія генерала Афанасьева, какъ служащій подрядчика Скидельскаго. Я попрощался съ Килемъ и ушелъ на станцію. Тамъ я вошелъ въ вагонъ, а затѣмъ вышелъ въ противоположную дверь и сходилъ къ русскому жандарму, отъ котораго узналъ, что никакого отвѣта на мою телеграмму еще изъ Харбина нѣтъ. До утра я подождалъ и утромъ уѣхалъ въ Мукденъ. На вокзалѣ Мукдена меня уже ожидалъ германскій консулъ Витте, который заявилъ, что у насъ есть всего только три четверти часа, справился о моемъ здоровьѣ, а затѣмъ сказалъ мнѣ, что я долженъ возвратиться въ Россію подъ фамиліей и по паспорту русскаго человѣка и добыть для него возможно больше русскихъ паспортовъ особенно такихъ, на которыхъ есть множество полицейскихъ явокъ съ тѣмъ, однако, чтобы на паспортахъ было лѣтъ не менѣе 30. Я выслушалъ это предложеніе, изъявилъ готовность его исполнить и возвратился встрѣчнымъ поѣздомъ въ г. Харбинъ, гдѣ все показалъ подробно ротмистру Бокастову. Ничего болѣе показать не имѣю. Показаніе мнѣ прочитано. Послѣ прочтенія показанія добавляю, что когда я въ первый разъ ушелъ изъ „Ямато-Отеля" гулять въ сопровожденіи Брумберга и Кальбека, то дорогой между прочимъ Папенгеймъ и Брумбергъ высказывали пожеланіе, что нужно на линіи Китайской дороги взорвать мосты. Папенгеймъ спрашивалъ меня, знаю ли я восточную часть дороги. Когда я былъ на вокзалѣ, то видѣлъ у Папенгейма большую книгу въ кожанномъ переплетѣ и когда я открылъ ее, то увидѣлъ подробный графическій планъ Китайской Восточной желѣзной дороги съ указаніемъ мостовъ, станцій, желѣзнодорожныхъ строеній и тоннелей. Папенгеймъ сказалъ, что въ этомъ планѣ имѣется вся сибирская желѣзная дорога. Я спросилъ у него, какъ онъ досталъ это?. Папенгеймъ сказалъ, что онъ „имѣетъ все". Ничего болѣе показать не имѣю. Показаніе мнѣ прочитано. Александръ Северіановичъ Эструпъ. И. д. Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ М. Стразовъ.

Изъ Протокола допроса.

1916 года Марта 5-го дня. Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Иркутскаго Окружнаго Суда Стразовъ допрашивалъ Волощика, который показалъ:

Званіе: Унтеръ-офицеръ желѣзнодорожнаго Полицейскаго Управленія Кит. Вост. ж. д. Возрастъ: 46 лѣтъ. Вѣроисповѣданіе: Православный. Занятіе: Военная служба.

Мѣстожительство: Станція Куанченцзы Кит. Вост. жел. дор.

Судимость: Подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ и не состою.

Отношеніе къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ — посторонній.

По дѣлу показываю: 15 Октября 1915 года на станцію Куанченцзы явился неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся сотрудникомъ Желѣзнодорожнаго Полицейскаго Управленія, его направили ко мнѣ. Онъ назвался Эструпомъ, написалъ на бумажкѣ свою фамилію, сказалъ, что прибылъ изъ Харбина въ ночь на 15-ое и остановился въ гостинницѣ „Ямато-Отель" въ Чань-чунѣ, гдѣ прописался подъ фамиліей Ольденбурга и выдаетъ себя за бѣжавшаго изъ россійскаго плѣна германскаго офицера. Эструпъ сообщилъ, что въ № 8 того же Отеля проживаетъ германскій военный атташе генералъ Папенгеймъ, нѣкій Брумбергъ, бывшій россійскій подданный еврей

Шейнинъ, что онъ съ ними познакомился и онъ выдалъ имъ себя за германскаго офицера, бѣжавшаго изъ русскаго плѣна, что онъ съ ними видится и что они уговариваютъ его съ ними поѣхать въ Мукденъ. Эструпъ высказалъ нерѣшительность, ѣхать съ ними или оставаться. Затѣмъ Эструпъ составилъ телеграмму, въ которой написалъ о своемъ знакомствѣ съ Папенгеймомъ, Брумбергомъ и Шейнинымъ, что они имѣютъ динамитъ для взрыва мостовъ и порчи пути Китайской Восточной ж. д., но не рѣшаются ѣхать въ Россію для проведенія своего злого умысла, такъ какъ не имѣютъ русскихъ паспортовъ. Въ этой телеграммѣ на имя Ротмистра Бокастова Эструпъ спрашиваетъ совѣта, ѣхать ли ему въ Мукденъ. Этотъ разговоръ происходилъ 15 октября 1915 г. въ началѣ 1-го часа дня. Эструпъ ушелъ, я зашифровалъ телеграмму Бокастову. Часовъ въ 7-мь вечера ко мнѣ опять явился Эструпъ и разсказалъ, что онъ далъ согласіе Папенгейму, Брумбергу и Шейнину ѣхать съ ними въ Мукденъ, но передъ самымъ отходомъ поѣзда на Мукденъ сумѣлъ обмануть ихъ подъ предлогомъ болѣзни живота. Потомъ Эструпъ просилъ меня указать ему мѣсто для ночлега въ Куаньченцзахъ, такъ какъ онъ находилъ неудобнымъ оставаться въ Чаньчунѣ изъ боязни, что притворство въ болѣзни можетъ открыться. Я секретно указалъ ему на столовую, содержимую Мозиренко, куда Эструпъ и вошелъ. Передъ этимъ я предупредилъ Эструпа, чтобы онъ былъ осторожнѣе и что когда получитъ отвѣтъ изъ Харбина отъ Ротмистра Бокастова, я подъ предлогомъ провѣрки паспорта сумѣю передать ему отвѣтъ. Въ ночь на 16-ое отъ Ротмистра Бокастова получилась телеграмма съ приказаніемъ при содѣйствіи Россійскаго Консула въ Куаньченцзахъ арестовать Папенгейма, Брумберга и Шейнина. Я отправился къ Мазуренко. Хозяйка вышла въ корридоръ и изъ ея словъ я узналъ, что Эструпъ выдалъ себя за сотрудника Управленія, говорилъ, что будто-бы прибылъ изъ дѣйствующей арміи ловить и вѣшать всѣхъ нѣмцевъ. Мазуренко сказала, что онъ сорилъ деньгами. Я вызвалъ Эструпа подъ предлогомъ провѣрки паспорта и передалъ ему содержаніе отвѣта Ротмистра Бокастова. Потомъ я отправился къ Консулу Лаврову, а Эструпъ отъ Мазуренко отправился купить въ лавку Шишкиной, гдѣ началъ говорить, что пріѣхалъ ловить нѣмцевъ. Поведеніе его стало подозрительнымъ и его арестовали и доставили въ Канцелярію Начальника 3-го Отдѣленія Полицейскаго Надзора, а когда была удостовѣрена его личность, то его отпустили. 17 Октября утромъ Эструпъ вмѣстѣ съ сыномъ Шишкиной уѣзжалъ въ Чань-чунь въ парикмахерскую, гдѣ пробылъ часа два, потомъ возвратился въ лавку Шишкиной, гдѣ пообѣдалъ, а потомъ въ сопровожденіи заурядъ-чиновника 363 Саратовской Дружины Бахтина отправился на вокзалъ и съ почтовымъ № 4 въ 2 часа 46 минутъ дня отбылъ въ Харбинъ. Такимъ образомъ было установлено, что Эструпъ не имѣлъ времени и возможности съѣздить въ Мукденъ и возвратиться обратно въ Чань-чунь. Со словъ завѣдывающаго „Ямато-Отелемъ“ я знаю, что въ 8 номерѣ „Ямато-Отеля“ проживали Брумбергъ и Шейнинъ, которые 15-го октября 1915 г. повидимому съ почтовымъ поѣздомъ выбыли изъ Отеля въ направленіи къ Мукдену. Что же касается Папенгейма, то завѣдывающій „Ямато-Отелемъ“ сказалъ, что фамилія такого человѣка въ книгѣ Отеля не записана. Отъ японскихъ полицейскихъ агентовъ слышалъ, что въ Чань-чунѣ проживаетъ какой-то Киль, бывшій служащій Скидельскаго, который часто бываетъ въ разъѣздахъ преимущественно въ Китай, но такъ какъ никакихъ распоряженій о наблюденіи за нимъ у меня не имѣлось, то подробно имъ я не интересовался. Въ Чань-чунѣ проживаетъ германскій подданный Брокенхофтъ, который имѣетъ какія-то дѣла въ Китаѣ и только для видимости имѣетъ въ Куаньченцзахъ оружейный магазинъ, весьма слабо снабженный оружіемъ, которое онъ покупаетъ тамъ-же въ японскихъ магазинахъ въ Чань-чунѣ. Бракенхофтъ часто бываетъ въ разъѣздахъ, дѣлами магазина управляетъ китаецъ. Ничего болѣе показать не имѣю.

Показаніе мнѣ прочитано.

Унтеръ-офицеръ Артемій Волощукъ.

Судебн. Слѣд. п. о. в. д. Стразовъ.

Изъ протокола допроса

Судебн. Слѣдов. Стразовымъ 1916 года марта 7 дня:

Имя, отчество и фамилія: Евгеній Августовичъ Гордесъ. Званіе: французскій подданный. Возрастъ: 38 лѣтъ. Вѣроисповѣданіе: Римско-Католич.. Занятіе: Помощникъ Управляющаго „Ямато-Отель“. Мѣстожительство: Чань-чунь Южно-Маньчжурская ж. д. Судимость: Не судимъ.

Отношеніе къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ—посторонній.

По дѣлу показываю: 28 октября 1915 г. по новому стилю рано утромъ (2 ч. 30 м.) въ „Ямято-Отель“ прибылъ безъ багажа неизвѣстный человѣкъ свыше 40 лѣтъ, высокаго роста, съ краснымъ лицомъ, съ большими усами. Ему было предложено расписаться въ книгѣ Отеля, но онъ отказался. Ему былъ предоставленъ 25-й номеръ Отеля. Онъ тотчасъ же на бланкѣ Отеля написалъ телеграмму въ Мукденъ Германскому Консулу приблизительно слѣдующаго содержанія: я пріѣхалъ изъ Харбина отъ Американскаго Консула. Пришлите 80 іенъ на дорогу по адресу Чаньчунь „Ямато-Отель“. Телеграмма была дана на французскомъ языкѣ за подписью „Ольденбурга“ и затѣмъ была переписана на бланкѣ телеграммъ. Телеграмма стоитъ 1 іенъ 3 сента, квитанція была вручена утромъ Ольденбургу 28 октября (по новому стилю). Часовъ въ 9 утра Ольденбургъ ушелъ изъ Отеля и больше не приходилъ. Кальбекъ уплатилъ за него по счету 3 іены 30 сентовъ, купилъ ему билетъ на почтовый поѣздъ, отходящій въ Мукденъ. Ольденбургъ съ этимъ поѣздомъ не уѣхалъ. Утромъ 28 октября Ольденбурга спрашивалъ проживающій въ Чаньчунѣ германецъ Киль, и я отъ него узналъ, что Ольденбургъ уже вышелъ изъ Отеля. Вечеромъ того же 28 октября (по нов. ст.) объ Ольденбургѣ вновь справлялся Киль—что Ольденбургъ выбылъ въ Мукденъ, но потомъ стало извѣстно, что Ольденбургъ въ Мукденъ не выѣзжалъ; а возвратился въ Харбинъ. Человѣкъ съ фамиліей Папенгейма мнѣ неизвѣстенъ. Ничего болѣе показать не имѣю. Показаніе мнѣ прочитано. Евгеній Гордесъ.

И. д. Судебн. Слѣдов. Стразовъ.

Изъ протокола допроса

Слѣд. Стразова 1916 года Марта 7 дня, въ служебн. вагонѣ на ст. Чань-чунь Южно-Маньчжурск. ж.д.

Имя, отчество и фамилія: Павелъ Александровичъ Бахтиновъ. Званіе: Заурядъ военный чиновникъ. Возрастъ: 27 лѣтъ. Вѣроисповеданіе: Православный.

Занятіе: военная служба.

Мѣстожительство: Ст. Куаньченцзы, и пр.

По дѣлу показываю: Не помню въ какихъ числахъ минувшаго Октября 1915 г. въ лавкѣ Шишкиной былъ неизвѣстный человѣкъ изъ Харбина, который пробылъ въ лавкѣ Шишкиной около сутокъ, въ теченіи которыхъ обѣдалъ, ужиналъ и спалъ и выѣхалъ затѣмъ съ почтовымъ поѣздомъ въ Харбинъ, фамиліи этого человѣка я не знаю и не спрашивалъ, онъ говорилъ, что онъ пріѣхалъ въ Чань-чунь для разслѣдованія какого то дѣла о германскихъ шпіонахъ, что былъ въ „Ямато-Отель“, что хотѣлъ ѣхать съ японскимъ поѣздомъ, но отсталъ и намѣренъ возвратиться въ Россію. Я проводилъ его на вокзалъ до поѣзда и болѣе его я не видѣлъ. За время пока этотъ человѣкъ былъ у насъ въ домѣ, онъ не имѣлъ времени съѣздить въ Мукденъ. Ничего болѣе показать не имѣю. Показаніе мнѣ прочитано. Заурядъ военный чиновникъ Бахтиновъ.

Подп. И. д. Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Стразовъ,

Копія.

Евгенія Никитина Мазуренко, 27 лѣтъ, православная, грамотная, крестьянка Кіевской губ. Уманскаго уѣзда, Христиновской волости села Шукай воды, живу въ Куаньченцзахъ, посторонняя, по дѣлу могу показать:

Въ зимнее время прошедшаго года, мѣсяца и числа не помню, часовъ въ 12 ночи

явился неизвѣстный мужчина высокаго роста, лѣтъ свыше 40, съ рыжими усами и спросилъ себѣ номеръ. У меня столовая, — я послѣ нѣкотораго колебанія помѣстила въ номеръ. Онъ потребовалъ закуски и выпивки, а затѣмъ предъявивъ паспортъ на имя русскаго подданнаго припоминаю кажется Александръ Эструпъ. Онъ лишь казался мнѣ подозрительнымъ. Онъ переночевалъ у меня въ номерахъ одну ночь и ушелъ въ лавку Шишкиной. Тамъ онъ пробылъ одинъ день и уѣхалъ въ Харбинъ. Эструпъ говорилъ, что собирается ѣхать въ Мукденъ, но туда не ѣздилъ. Эструпъ мнѣ говорилъ, что онъ служитъ у жандармовъ и пріѣхавъ въ Куаньченцзы „ловитъ нѣмцевъ". Утромъ приходилъ жандармскій унтеръ-офицеръ Волощукъ и провѣрялъ его паспортъ. У Эструпа были японскія деньги, которыя онъ хотѣлъ размѣнять на русскія, но мы не сошлись въ курсѣ и я ихъ ему не размѣняла. Ничего болѣе показать не имѣю. Показаніе мнѣ прочитано Евгенія Мазуренко.

Подп. И. Д. Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ М. Стразовъ.

Харитина Никитина Шишкина 32 лѣтъ, православная, грамотная, мѣщанка г. Самары, подъ судомъ не была, посторонняя, живу въ Куаньченцзахъ, по дѣлу могу показать слѣдующее:

Какого числа, мѣсяца не помню, въ прошедшій годъ осенью въ лавку мою въ Куаньченцзахъ утромъ часовъ въ 11 явился неизвѣстный человѣкъ, который останавливался въ номерахъ Мазуренко. Онъ сдѣлалъ нѣкоторыя покупки, а затѣмъ спросилъ у меня чаю, а потомъ остался обѣдать и ночевать. Онъ выдавалъ себя за французскаго подданнаго, говорилъ, что служитъ отечеству, „ловитъ нѣмцевъ" и что поймалъ двухъ нѣмцевъ въ „Ямато-Отелѣ". У меня онъ пробылъ около сутокъ и выѣхалъ въ г. Харбинъ. За все время пребыванія у меня этотъ господинъ отлучался всего лишь на два часа. Эструпъ говорилъ, что долженъ былъ ѣхать съ японскимъ экспрессомъ въ Мукденъ, но остался отъ поѣзда, при этомъ показывалъ билетъ. Нѣсколько разъ къ нему приходилъ небольшого роста жандармскій унтеръ-офицеръ (Волощукъ) и они о чемъ то говорили, вотъ почему я не интересовалась личностью господина и не спрашивала его паспортъ. Личность его видимо показалась подозрительной мѣстной полиціи, такъ какъ его водили въ канцелярію Начальника 3-го отдѣленія полицейскаго надзора и скоро оттуда отпустили. Ничего болѣе показать не имѣю. Показаніе мнѣ прочитано. Харитина Шишкина.

Подп. И. Д. Судебн. Слѣд. по особо важнымъ дѣламъ М. Стразовъ.

1916 года 5 іюня „Начальникъ Сыскного Отдѣленія Гладышевъ заявляетъ Слѣдователю Стразову въ отношеніи Эструпа, который судился въ разныхъ странахъ какъ воръ, мошенникъ, аферистъ, что „незаконченное дознаніе было представлено Прокурору Пограничнаго Окружнаго Суда и назадъ не возвращалось".

1915 г. ноября 23 дня Слѣдователь Стразовъ допрашиваетъ Русскаго Генеральнаго Консула Траутшолдъ Вильгельма Вильгельмовича.

Званіе: Коллежскій Совѣтникъ.
Возрастъ: 38 лѣтъ.
Вѣроисповѣданіе: Лютеранинъ.
Занятіе: Императорскій Россійскій Генеральный Консулъ въ Харбинѣ.

Степень образованія. Окончилъ курсъ Императорскаго Петроградскаго Университета. Мѣстожительство: г. Харбинъ.

Судимость: Подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ и не состою. Отношеніе къ участвующимъ въ дѣлѣ—посторонній.

По дѣлу показываю: 24 октября текущаго года посѣтилъ американскаго Консула Чарльза Мозера и указавъ ему на циркулирующіе въ городѣ Харбинѣ толки въ связи съ арестомъ лицъ способствовавшихъ побѣгамъ плѣнныхъ заграницу, спросилъ его основательны-ли слухи о томъ, что будто бѣглые военно-плѣнные обращаются въ Американское Консульство и получаютъ отъ послѣдняго денежную помощь за счетъ германскаго правительства. Американскій Консулъ г. Мозеръ отвѣтилъ, что это такъ, при чемъ объяснилъ, что къ нему приходило нѣсколько лицъ, которые, выдавая себя за бѣглыхъ военно-плѣнныхъ, просили его о помощи. По словамъ г. Мозера онъ не имѣлъ возможности провѣрить справедливость заявленій этихъ лицъ и это не входило въ его обязанность. Г. Мозеръ полагалъ, что его въ такомъ случаѣ не обманывали и

только въ одномъ случаѣ онъ заподозрилъ въ одномъ изъ просителей русскаго сыщика. По словамъ г. Мозера онъ считалъ себя не только вправѣ, но и обязаннымъ помогать австро-германцамъ деньгами, имѣя инструкцію своего Посланника, извѣстную Китайскому Правительству, за счетъ правительствъ Германіи и Австріи. Далѣе г. Мозеръ заявилъ, что если они и были въ русскомъ плѣну, то выбравшись изъ предѣловъ Россіи и явившись въ Американское Консульство въ Харбинѣ, на Китайской территоріи, въ его глазахъ перестали быть военно плѣнными и являлись просто нуждающимися австро-германцами, которыхъ онъ былъ обязанъ спасти отъ голодной смерти. Г. Мозеръ подтвердилъ, что онъ ограничивался выдачей имъ денежнаго пособія, хотя считалъ себя вправѣ дать пріютъ австро-германцамъ у себя, поручить ихъ попеченію согражданъ американцевъ и лично сопровождать ихъ на вокзалъ, чего будто бы не дѣлалъ лишь во избѣжаніе столкновеній съ русской администраціей. Впрочемъ въ дальнѣйшемъ разговорѣ г. Мозеръ признался, что помощь его австро-германцамъ выражалась еще и въ томъ, что онъ показывалъ имъ на географическихъ картахъ положеніе г. Харбина и его окрестностей. Выдавать бѣглымъ плѣннымъ паспорта г Мозеръ, по его словамъ, отказался, а также отказалъ одному бѣглому плѣнному въ просьбѣ—послать китайскаго караульнаго консульства достать ему китайскую арбу для выѣзда изъ Харбина. Изъ дальнѣйшаго разговора съ г. Мозеромъ я выяснилъ, что въ распоряженіи Американскаго Консульства имѣются также и запасы платья для выдачи нуждающимся въ немъ германцамъ и г. Мозеръ не отрицалъ, что въ случаѣ необходимости снабдить одеждою плохо одѣтаго германца, онъ это сдѣлалъ бы даже если бы такимъ образомъ могло быть сокрыто воинское званіе плѣннаго германца. Наконецъ Американскій Консулъ г. Мозеръ удостовѣрилъ мнѣ, что въ одномъ случаѣ онъ далъ пришедшему къ нему плѣнному адресъ одного лица, фамилію котораго онъ не пожелалъ мнѣ назвать даже и послѣ того, когда я спросилъ его, не есть ли это лицо докторъ Баронъ Будбергъ. Относительно посѣщенія его назвавшимся Густавомъ Ольденбургомъ Американскій Консулъ г. Мозеръ мнѣ сообщилъ слѣдующее: назвавшійся Ольденбургомъ явился къ нему вечеромъ, когда у него были гости. Г. Мозеръ заподозрилъ въ немъ сыщика, но по его словамъ боясь ошибки изъ состраданія къ бѣдственному положенію просителя, самъ не зная ни слова по нѣмецки, рѣшилъ направить его для разговоровъ къ лицу, знающему нѣмецкій языкъ и указалъ просителю первую приходящую ему на память фамилію частнаго лица и по прозьбѣ просителя написалъ ему фамилію на листкѣ бумаги, но не помнитъ русскими или латинскими буквами. Г. Мозеръ считаетъ, что это было крайне необдуманно и неосторожно, но тогда ему не приходило въ голову, что это лицо могло бы пострадать. Г. Мозеръ заявилъ мнѣ, что указывая адресъ этого лица, онъ не имѣлъ въ виду скомпрометировать его какъ лицо могущее способствовать побѣгу. Г. Мозеръ изъявилъ готовность извиниться передъ этимъ лицомъ. По словамъ г. Мозера именовавшійся Ольденбургомъ явился въ Консульство на другое утро и тогда подъ расписку получилъ денежное пособіе въ суммѣ 15 рублей. Въ это время къ г. Мозеру зашелъ посѣтитель и Ольденбургу пришлось обождать его въ канцеляріи консульства, гдѣ находился Вице-Консулъ Мортонъ. Г. Мозеръ не отрицаетъ возможности, что другіе адреса были написаны или указаны г. Мортономъ, но считаетъ это маловѣроятнымъ. Г. Мозеръ также удостовѣрилъ случай обращенія въ Американское Консульство за денежною помощью бѣглаго военно-плѣннаго австрійскаго унтеръ - офицера Карла Шольцъ и фактъ выдачи ему такого вспомоществованія, но категорически отрицалъ фактъ указанія этому лицу аптеки Томсона, гдѣ бы онъ могъ добыть себѣ паспортъ для проѣзда въ Китай. Далѣе Американскій Консулъ г. Мозеръ завѣрилъ меня, что онъ говорилъ со мной вполнѣ откровенно, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ не находилъ необходимости что нибудь скрывать. Вмѣстѣ съ этимъ г. Мозеръ заявилъ мнѣ, что о существованіи въ г. Харбинѣ какой-либо тайной организаціи, оказывающей содѣйствія военно-плѣннымъ и снабжающей ихъ паспортами ничего не знаетъ и дѣятельность Консульства никакой связи съ нею не имѣетъ. Выдавать же бѣглыхъ военно-плѣнныхъ нашимъ властямъ онъ считалъ бы нарушеніемъ нейтралитета.

По содержанію приведенной выше бе-

сѣды я затѣмъ составилъ секретное донесеніе и препроводилъ Императорскому Россійскому Посланнику въ Пекинѣ. Къ изложенному добавить ничего не имѣю. Показаніе мнѣ прочитано. Вильгельмъ Вильгельмовичъ Траутшольдъ. Подп. И. д. Судебн. Слѣд. по особо важн. дѣламъ Стразовъ.

ПРОКУРОРЪ
Пограничнаго Окружнаго
Суда.
—
Г. Харбинъ.
Октября 19 дня 1915 г.
№ 168.

Копія.
Совершенно секретно,
Лично
Его В—дію В. В. Траутшольду.

Милостивый Государь,
Василій Васильевичъ.

Въ связи съ произведеннымъ подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ формальнымъ дознаніемъ по дѣлу о Баронѣ фонъ Беннинггаузенъ и другихъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ, до свѣдѣнія моего дошло, что американскій Консулъ въ Харбинѣ Г-нъ Чарльзъ Мозеръ обращался къ Вамъ по поводу явки кь нему подъ видомъ бѣжавшаго изъ плѣна германскаго офицера одного изъ русскихъ подданныхъ, который затѣмъ далъ показанія на дознаніи.

На ряду съ этимъ мнѣ стало извѣстно изъ разныхъ достовѣрныхъ источниковъ и отчасти изъ личной бесѣды съ Вашимъ Высокородіемъ, что г. Мозеръ этого обстоятельства не отрицаетъ, какъ не отрицаетъ и того, что имъ дѣйствительно, была оказана помощь явившимся къ нему военно-плѣннымъ, такъ какъ германскіе и австрійскіе подданные находятся здѣсь подъ его покровительствомъ, и онъ имѣетъ на этотъ предметъ крупные денежные фонды. Отнюдь не входя въ оцѣнку дѣйствій г-на Чарльза Мозера, я тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой сообщить мнѣ всѣ имѣющіяся у Васъ по этому поводу свѣдѣнія, такъ какъ таковыя являются имѣющими крайне существенное для дѣла значеніе.

Къ этому считаю долгомъ присовокупить, что какъ видно изъ дѣла, къ г. Американскому Консулу, дѣйствительно, 12 текущаго октября явился русскій подданный, который назвался ротмистромъ 4-го Кирасирскаго полка Густавомъ Ольденбургомъ, бѣжавшимъ изъ русскаго плѣна, и просилъ г. Мозера оказать ему денежную помощь и снабдить его паспортомъ. По удостовѣренію на дознаніи этого свидѣтеля г. Мозеръ выдалъ ему 15 рублей за счетъ Германскаго Консульства въ Шанхаѣ, въ чемъ и получилъ расписку, которую свидѣтель подписалъ именемъ Густава Ольденбурга. На просьбу свидѣтеля выдать ему русскій паспортъ, г. Мозеръ отвѣтилъ отказомъ, но собственноручно написалъ на двухъ листкахъ отрывного блокнота нѣсколько адресовъ, по которымъ свидѣтель долженъ былъ обратиться за этой надобностью. Часть адресовъ была написана въ Американскомъ Консульствѣ другимъ лицомъ, повидимому вице-консуломъ г. Мортономъ. Записки эти представлены къ дознанію.

При этомъ я считаю своимъ долгомъ самымъ категорическимъ образомъ завѣрить Васъ, что порученіе этому свидѣтелю о явкѣ къ г. Мозеру отъ меня лично не исходило и не могло исходить. На сколько же мнѣ извѣстно изъ дѣла и изъ показанія этого свидѣтеля, допрошеннаго въ моемъ присутствіи съ предвареніемъ объ уголовной отвѣтственности за ложныя показанія, свидѣтель этотъ явился къ г. Мозеру по собственной инціативѣ, такъ какъ замѣтилъ, что въ Американское Консульство ходятъ люди, похожіе по внѣшнему виду на нѣмцевъ, и въ виду слуховъ о помощи, оказываемой будто бы, въ Американскомъ Консульствѣ военно-плѣннымъ.

Независимо изложеннаго, на дознаніи показаніемъ другого свидѣтеля установлено, что въ томъ же мѣсяцѣ къ г. Мозеру обращался за помощью бѣглый военноплѣнный унтеръ-офицеръ австрійской службы Карлъ Шольцъ, который получилъ отъ г. Мозера 50 рублей и адресъ въ аптеку Томсона, гдѣ онъ могъ бы добыть паспортъ для проѣзда въ Китай.

Имѣя въ виду участившіеся побѣги военно-плѣнныхъ при слѣдованіи ихъ по Китайской Восточной желѣзной дорогѣ (въ теченіе послѣдней недѣли бѣжало 12 человѣкъ) и чрезвычайно важное значеніе воз-

бужденныхъ мною дознаній, которыми удалось освѣтить преступную дѣятельность Германскаго консульства въ Шанхаѣ (о чемъ уже давно имѣлись негласныя свѣдѣнія въ Императорской Миссіи въ Китаѣ), я выражаю твердую увѣренность, что Ваше Высокородіе не откажетъ мнѣ въ самомъ широкомъ содѣйствіи съ Вашей стороны въ возбужденныхъ настоящимъ письмомъ вопросахъ.

Я пользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать Вамъ, Милостивый Государь, мое искреннее уваженіе и преданность. Подлинное подписалъ и вѣрно: Прокуроръ Суда

Сульжиковъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ
Россійское Генеральное
КОНСУЛЬСТВО
въ Харбинѣ.
22 октября 1915 года
№ 319.

Копія съ копіи.

Совершенно секретно.

Лично
Его Б—дію А. В. Сульжикову.

Милостивый Государь,
Александръ Викторовичъ.

Вслѣдствіе секретнаго письма Вашего, отъ 19 сего октября № 168, спѣшу сообщить Вамъ все, что мнѣ извѣстно о сношеніяхъ между мѣстнымъ Американскимъ Консуломъ Чарльзомъ Мозеромъ и подданными воюющихъ съ нами державъ:

Какъ извѣстно, въ Россіи защиты интересовъ непріятельскихъ подданныхъ поручены дипломатическимъ и консульскимъ представителямъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. О томъ, что таковая защита предоставлена Американскому Консулу въ Харбинѣ, мнѣ офиціально не извѣстно, а извѣстно лишь со словъ самого г. Мозера. Возбужденіе этого вопроса въ офиціальномъ порядкѣ, въ виду международнаго положенія Харбина, не представлялось желательнымъ и кромѣ того, не вызвалось необходимостью по той причинѣ, что съ самаго начала войны, германскіе и австрійскіе подданные, почти безъ исключенія, были высланы нашей администраціей изъ предѣловъ полосы отчужденія Китайской Восточной желѣзной дороги. Оставленіе же на жительство нѣкоторыхъ непріятельскихъ подданныхъ (главнымъ образомъ австрійцевъ славянскаго происхожденія и турецкихъ подданныхъ христіанъ) было обусловлено полнымъ подчиненіемъ ихъ нашимъ властямъ, вслѣдствіе чего нежелательныя сношенія между нами и Американскимъ Консуломъ, во всякое время могли быть парализованы высылкой ихъ изъ предѣловъ полосы отчужденія. На практикѣ покровительство Американскаго Консула германцамъ выразилось рядомъ обращеній ко мнѣ съ передачей ходатайствъ германскихъ подданныхъ, удаленныхъ китайскими властями по моему настоянію, съ сахарнаго завода, находящагося за полосой отчужденія, въ городъ Хуланченъ, о разрѣшеніи прибыть въ Харбинъ или прослѣдовать черезъ территорію дороги на югъ. Эти ходатайства передавались мною Генералу Афанасьеву на распоряженіе. Насколько помнится получила удовлетвореніе лишь просьба германской подданной дѣвицы Лидіи Шиве о разрѣшеніи жить при сестрѣ, женѣ аптекаря Томсона.

Относительно выдачи г. Мозеромъ денежныхъ пособій мнѣ впервые стало извѣстно нѣсколько недѣль назадъ по слѣдующему поводу. Г. Мозеръ посѣтилъ меня и сообщилъ, что къ нему въ Консульство явился молодой человѣкъ, который назвался германскимъ подданнымъ Тадсушемъ Курдольскимъ, высланнымъ изъ Москвы съ назначеніемъ ему мѣстожительства г. Харбина. Занимаясь преподаваніемъ музыки и не найдя здѣсь соотвѣтствующаго заработка, онъ просилъ Консула выдать ему пособіе, каковое и было выдано ему г. Мозеромъ подъ расписку въ размѣрѣ 15 рублей. Г. Мозеръ при этомъ объяснилъ мнѣ, что онъ уполномоченъ выдавать пособіе неимущимъ германскимъ подданнымъ за счетъ Германскаго Правительства въ размѣрахъ, непривышающихъ 15 рублей въ мѣсяцъ. Затѣмъ случайно обнаружилось, что подъ видомъ германскаго подданнаго Курдольскаго къ Консулу приходилъ не онъ самъ, а его товарищъ русскій подданный Крупецкій, проживающій съ нимъ на одной квартирѣ у инженера Ивановскаго, служащаго электрической компаніи Сименсъ и Шукертъ г. Мозеръ просилъ привлечь русско-подданнаго Крупецкаго къ

отвѣтственности. Я немедленно обратился къ Генералу Афанасьеву съ запросомъ— было ли имъ разрѣшено жительство въ Харбинѣ германско-подданному Курдольскому, а также обратилъ самое серьезное вниманіе на крайнюю нежелательность подобнаго ненормальнаго явленія, какъ высылка непріятельскихъ подданныхъ изъ Россіи въ Харбинъ. Генералъ Афанасьевъ сообщилъ мнѣ, что имъ уже возбужденъ вопросъ о прекращеніи такихъ высылокъ, что же касается Курдольскаго, то ему было предложено покинуть Харбинъ. Инцидентъ съ полученіемъ денегъ обманнымъ путемъ былъ исчерпанъ тѣмъ, что Курдольскій и Крупецкій лично извинились передъ г. Мозеромъ и возвратили полученную ссуду, послѣ чего г. Мозеръ прислалъ ихъ ко мнѣ съ письменнымъ извѣщеніемъ объ этомъ, по прочтеніи коего, я не видѣлъ надобности ихъ принять.

Изъ вышеизложеннаго Ваше Высокородіе изволите усмотрѣть, что г. Мозеръ обращался ко мнѣ по поводу явки къ нему одного изъ русскихъ подданныхъ подъ видомъ высланнаго русской администраціей изъ Россіи въ Харбинъ свободно проживавшаго германца, а отнюдь не бѣжавшаго изъ плѣна германскаго офицера. Мнѣ также совершенно не было извѣстно до полученія Вашего письма о томъ, что г. Мозеръ оказывалъ помощь военно-плѣннымъ, явившимся къ нему, значитъ бѣглымъ, ибо военно-плѣнные, слѣдующіе черезъ Харбинъ подъ конвоемъ, лично являться къ нему не могли. О Густавѣ Ольденбургѣ и Карлѣ Шольцъ мнѣ также ничего не извѣстно.

Добытыя вами въ связи съ производствомъ формальнаго дознанія по дѣлу о баронѣ фонъ Беннингсгаузенъ-Будбергъ и другихъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ, данныя о содѣйствіи, оказываемомъ г. Мозеромъ завѣдомо бѣглымъ австровенгерскимъ военно-плѣннымъ и даже о прямомъ способствованіи ихъ побѣгамъ представляются мнѣ на столько неожиданными и несоотвѣтствующими оффиціальному положенію г. Мозера, какъ представителя дружественной нейтральной державы, что я принужденъ немедленно обратить вниманіе Императорскаго Правительства на имѣющіяся въ вашемъ распоряженіи свѣдѣнія и на недопустимость, въ случаѣ подтвержденія таковыхъ, дальнѣйшаго пребыванія г. Мозера въ нашемъ городѣ. Считая своимъ непремѣннымъ долгомъ оказывать вамъ самое полное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, я съ своей стороны льщу себя надеждой, что вы найдете возможнымъ подѣлиться со мной результатами производящихся дознаній о лицахъ, обвиняемыхъ въ преступныхъ сношеніяхъ съ подданными воюющихъ съ нами державъ, и въ способствованіи ихъ побѣгамъ, а также въ дальнѣйшемъ держать меня въ курсѣ дѣла, дабы я могъ своевременно и возможно подробно освѣдомлять обо всемъ Императорскаго Посланника въ Пекинѣ, гдѣ находятся всѣ нити руководимой Германской Миссіей преступной организаціи, поставившей себѣ цѣлью способствовать побѣгамъ австрогерманскихъ военно-плѣнныхъ, водворяемыхъ нами въ Приморскомъ краѣ.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, чтобы возобновить вамъ, Милостивый Государь, увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и совершенной преданности В. Траутшольдъ.

Копія

секретнаго донесенія Императорскаго Россійскаго Генеральнаго Консула въ Харбинѣ отъ 25 октября 1915 года № 326/327.

Узнавъ изъ секретнаго письма ко мнѣ Прокурора Пограничнаго Окружнаго Суда, въ копіи представленнаго мною Вашему Превосходительству при донесеніи отъ 24-го сего октября № 321/2 вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ г. Сульжикову,—что добытыми дознаніемъ по дѣлу барона Будберга и другихъ лицъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ, данными съ несомнѣнностью установленъ фактъ оказанія помощи мѣстнымъ Американскимъ Консуломъ Чарльзомъ Мозеромъ, завѣдомо бѣглымъ австрогерманскимъ военно - плѣннымъ, я вчера посѣтилъ г. Мозера и указалъ на циркулирующіе въ городѣ толки въ связи съ арестомъ лицъ, способствовавшимъ побѣгамъ плѣнныхъ, спросить его, насколько основательны слухи о томъ, будто бы бѣглые военно-плѣнные обращаются въ Американское Консульство и получаютъ отъ

послѣдняго денежную помощь за счетъ Германскаго правительства.

Г. Мозеръ отвѣтилъ, что дѣйствительно это такъ. Къ нему приходило нѣсколько человѣкъ, которые, назвавшись бѣглыми военно-плѣнными германцами или австрійцами, просили о помощи. Провѣрить, дѣйствительно ли эти лица бѣглые плѣнные онъ не могъ и это не входило въ его обязанность. Онъ полагаетъ, что его не обманывали, и только въ одномъ случаѣ онъ подозрѣваетъ, что къ нему подъ видомъ плѣннаго приходилъ русскій сыщикъ. Помогать имъ деньгами онъ считалъ не только своимъ правомъ, но и обязанностью, имѣя инструкцію своего Посланника, извѣстную Китайскому Правительству, выдавать денежныя пособія, за счетъ Правительствъ Германіи и Австріи, всѣмъ нуждающимся австро-германцамъ. Кто эти послѣдніе, и откуда они къ нему являются, его не интересуетъ. Если они и были въ русскомъ плѣну, то выбравшись изъ предѣловъ Россіи и явившись въ Американское Консульство въ Харбинѣ, на китайской территоріи, они уже перестали быть бѣглыми военно-плѣнными и въ его глазахъ это просто нуждающіеся австро-германцы, которыхъ онъ обязанъ спасти отъ голодной смерти.

Фактически онъ ограничивался выдачей имъ денежнаго пособія, другой же помощи никакой не оказывалъ, хотя онъ считалъ бы себя вправѣ пріютить такихъ австро-германцевъ у себя, поручить ихъ вниманію своихъ согражданъ американцевъ и даже лично сопровождать ихъ на вокзалъ и по желѣзной дорогѣ до Чань-чуня. Если онъ этого не дѣлалъ, то лишь потому, что подобныя демонстративныя дѣйствія повлекли бы за собой неизбѣжныя столкновенія съ русской администраціей. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ г. Мозеръ признался, что кромѣ выдачи денегъ, помощь его бѣглецамъ выразилась развѣ еще въ томъ, что онъ показывалъ имъ на географическихъ картахъ положеніе Харбина и ближайшихъ мѣстностей. На просьбы бѣглыхъ о снабженіи ихъ паспортами г. Мозеръ отвѣчалъ отказомъ; онъ также отказалъ бѣглому плѣнному въ просьбѣ послать китайскаго караульнаго консульства достать ему китайскую арбу для выѣзда изъ Харбина. Далѣе выяснилось, что кромѣ денежныхъ суммъ, въ распоряженіи Американскаго Консульства имѣются также и запасы платья для выдачи нуждающимся въ немъ германцамъ. На мой вопросъ—рѣшился ли бы онъ выдать бѣглому плѣнному штатское платье для сокрытія его военнаго званія, г. Мозеръ отвѣтилъ, что сдѣлалъ бы это лишь въ томъ случаѣ, если бы явившійся плѣнный былъ недостаточно одѣтъ. Наконецъ г. Мозеръ отвѣтилъ, что въ одномъ лишь случаѣ онъ далъ пришедшему къ нему плѣнному адресъ одного лица, фамилію котораго не пожелалъ мнѣ назвать. Это былъ назвавшимся германскимъ офицеромъ Густавомъ Ольденбургомъ, который пришелъ къ нему поздно вечеромъ, когда у него были гости. Хотя Мозеръ сознался и заподозрилъ въ немъ сыщика, по боясь ошибки и изъ жалости къ безпомощному состоянію просителя, съ которымъ онъ не могъ объясниться, не зная ни слова по нѣмецки, онъ пожелалъ ему въ чемъ нибудь помочь. Пріютить его у себя онъ отказался и ему пришла мысль направить его къ кому нибудь, кто могъ бы поговорить съ нимъ по нѣмецки. Мозеръ говоритъ, что могъ бы дать ему адресъ хотя бы мой, или Англійскаго Консула Слай, или другого офиціальнаго лица, знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ, но конечно считалъ это неудобнымъ, въ виду нашего оффиціальнаго положенія, поэтому онъ указалъ первый попавшійся ему на умъ адресъ частнаго лица и по просьбѣ просителя написалъ ему фамилію на листкѣ бумаги, но не помнитъ русскими, или латинскими буквами. Онъ теперь сознаетъ, что это было крайне необдуманно и неосторожно, но ему тогда не приходило въ голову, что это лицо можетъ изъ за этого пострадать. Онъ сознаетъ свою глубокую вину передъ этимъ лицомъ и готовь передъ нимъ извиниться и заявить кому слѣдуетъ, что сообщая его адресъ, онъ былъ далекъ отъ мысли скомпромитировать это лицо, имѣя въ виду лишь указать просителю человѣка, говорящаго по нѣмецки, вовсе не лицо, могущее способствовать его побѣгу. Его рукой тогда была написана лишь одна фамилія. Именовавшій себя Ольденбургомъ, снова явился въ Консульство па слѣдующее утро и тогда получилъ подъ расписку пособіе въ размѣрѣ 15 рублей. Въ это время къ г. Мозеру зашелъ посѣтитель и Ольденбургу пришлось обождать въ канцеляріи Консульства, гдѣ находился Вице-Консулъ Мортонъ. Мозеръ не отрицаетъ возможности, что другіе адреса (на пред-

ленныхъ къ дознанію листкахъ отрывного блокъ-нота) были въ это время написаны или указаны г. Мортономъ, хотя онъ и считаетъ это мало вѣроятнымъ, что касается второго случая, указаннаго въ письмѣ Прокурора, а именно обращенія въ Американское Консульство за помощью бѣглаго военно-плѣннаго унтеръ-офицера австрійской службы Карла Шольцъ, то Мозеръ не отрицаетъ и этого случая, а также выдачи ему денежнаго пособія, но категорически заявляетъ, что не указывалъ этому лицу на аптеку Томсона, гдѣ онъ могъ бы добыть паспортъ для проѣзда въ Китай. О Томсонѣ онъ ничего не зналъ, развѣ только что у него есть сестра, германская подданная дѣвица Шиве, ходатайство коей о разрѣшеніи жительства въ Харбинѣ проходило черезъ его руки.

Г. Мозеръ прибавилъ, что говоритъ со мной обо всемъ этомъ совершенно открыто, такъ какъ вообще въ этомъ дѣлѣ ему нечего скрывать. О существованіи въ Харбинѣ какой либо тайной организаціи, оказывающей содѣйствіе бѣглымъ военно-плѣннымъ и снабжающей ихъ паспортами, онъ ничего не знаетъ и дѣятельность Консульства ни какой связи съ нею не имѣетъ. Выдавать обращающихся къ нему бѣглыхъ военно-плѣнныхъ нашимъ властямъ онъ считалъ-бы нарушеніемъ нейтралитета... Свой нейтралитетъ онъ понимаетъ такъ, что онъ долженъ одинаково помогать и германцамъ и русскимъ. Содѣйствіе намъ заключалось-бы напримѣръ, въ недопущеніи здѣсь подъ защитой Американскаго Консульства германскихъ шпіоновъ, хотя-бы американскихъ гражданъ.

При этомъ онъ указалъ на услуги, оказанныя намъ въ дѣлѣ американца Ведекинда, подозрѣвавшагося въ шпіонствѣ въ пользу Германіи. Онъ понимаетъ, въ какомъ тяжеломъ положеніи онъ находится, съ одной стороны, исполненіе служебнаго долга, съ другой — возбужденіе противъ него русскаго общества. Болѣе всего его безпокоитъ, что враждебныя отношенія къ нему могутъ отразиться на интересахъ мѣстной американской колоніи и поэтому онъ рѣшилъ въ виду шума, поднятаго вокругъ дѣла оказанія имъ помощи австро-германцамъ, на будущее время требовать, предварительно выдачи пособія, предъявленіе разрѣшенія русскихъ властей на жительство въ полосѣ отчужденія Китайской Восточной ж. д. Объ этомъ онъ сдѣлаетъ представленіе Американской Миссіи въ Пекинѣ и первый будетъ привѣтствовать разрѣшеніе этого вопроса въ предлагаемомъ имъ смыслѣ.

Выслушавъ г. Мозера и поблагодаривъ его за откровенное объясненіе, я сказалъ, что въ свою очередь буду съ нимъ откровененъ. Прежде всего я не могу не выразить своего глубокаго сожалѣнія, что послѣднее его рѣшеніе, которое представляется мнѣ единственно правильнымъ и благоразумнымъ, не было принято имъ съ самаго начала, а только теперь, когда помощь бѣглымъ военно-плѣннымъ со стороны Американскаго Консульства стала совершившимся фактомъ. Изъ принятаго имъ теперь рѣшенія я усматривалъ, что ему самому пришлось, наконецъ, убѣдиться въ несостоятельности изложенныхъ имъ мнѣ доводовъ и въ томъ, что однихъ теоретическихъ соображеній и чисто формальнаго отношенія къ своей миссіи въ Харбинѣ недостаточно. Обо всемъ, что я узналъ по настоящему дѣлу, я конечно, не премину поставить въ извѣстность Императорскаго Посланника въ Пекинѣ и Императорское Министерство Иностранныхъ дѣлъ, причемъ съ своей стороны выскажу взглядъ, что въ поведеніи г. Мозера я усматриваю несомнѣнные признаки нарушенія нейтралитета какъ Американскаго, такъ и благожелательнаго нейтралитета въ Сѣверной Маньчжуріи Китайскаго Правительства, которое само не протестуетъ противъ того, чтобы мы провозили военно-плѣнныхъ и распоряжались ими на территоріи Китайской Восточной жел. дор., а бѣглыхъ плѣнныхъ задерживаетъ и интернируетъ. Порученіе Американскому Консульству защиты интересовъ германцевъ вызвано удаленіемъ нами Германскаго Консула въ Харбинѣ и по этому казалось бы, въ этомъ отношеніи образъ дѣйствій г. Мозера въ дѣлѣ покровительства германскимъ подданнымъ долженъ быть согласованъ съ дѣйствіями Американскихъ представителей въ Россіи. Вмѣшательство Американскаго Консула въ дѣла о побѣгахъ военно-плѣнныхъ нельзя не разсматривать какъ враждебный актъ по отношенію къ нашимъ властямъ, администрирующимъ г. Харбинъ и полосу отчужденія, каковой врядъ-ли можетъ способствовать упроченію добрыхъ отношеній здѣсь между нами и американцами, такъ

какъ поведеніе ихъ Представителя невольно можетъ бросить тѣнь на американскую колонію и возбудить подозрительность и непріязнь русскаго общества. Я никакъ не могу понять какимъ образомъ подобное, какъ мнѣ кажется, пренебреженіе американскими интересами въ угоду германцамъ могло-бы быть продиктовано чувствомъ служебнаго долга. Мнѣ представляется, что всякій консулъ призванъ блюсти прежде всего интересы своего Государства, покровительствовать же иностранцамъ лишь постольку, поскольку этимъ не наносится ущербъ соотечественникамъ. Выдача денежныхъ пособій вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія Консула и никто не могъ бы поставить ему въ вину, отказъ помогать бѣглымъ военно-плѣннымъ. Неправиленъ также взглядъ, что послѣдніе только неимущіе австро-германскіе подданные, они составляютъ часть непріятельской арміи, и возвратившись на родину, снова могутъ вступить въ ряды ея. Ознакомленіе плѣнныхъ на картахъ съ расположеніемъ окрестностей равносильно указанію пути дальнѣйшаго бѣгства. Совершенно непонятнымъ представляется мнѣ, чтобы не сказать болѣе, снабженіе бѣглаго плѣннаго адресомъ русскаго подданнаго будто бы лишь только для того, чтобы плѣнный могъ поговорить съ нимъ на родномъ языкѣ. Всякій русскій подданный если онъ не измѣнникъ, долженъ былъ-бы выдать его нашимъ властямъ. Наконецъ, съ этической стороны не мыслимо жить среди русскихъ въ русскомъ городѣ, пользуясь русскими учрежденіями, гостепріимствомъ и т. д. и въ то время злоупотребляя своимъ экстерриторіальнымъ положеніемъ, безнаказанно помогать врагамъ Россіи, взятыхъ въ кровопролитныхъ бояхъ, бѣжать изъ плѣна. Я лично рѣшительно не вижу какъ я могъ бы продолжать знакомство съ человѣкомъ, о которомъ я знаю, что онъ помогаетъ непріятельской арміи, такъ же я увѣренъ, отнесутся мои коллеги представители союзныхъ государствъ и ихъ сограждане, въ Харбинѣ, и такъ со мною долженъ чувствовать всякій русскій человѣкъ.

Подписалъ подлинное Генеральный Консулъ В. Траутшольдъ.

КОНЕЦЪ.